

Министерство образования Российской Федерации
Волгоградский государственный педагогический университет

Г. В. Токарев

Концепт как объект лингвокультурологии

(на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке)

Волгоград
«Перемена»
2003

Научный редактор — Н. Ф. Алефиренко,
доктор филологических наук, академик АСГН, профессор

Рецензенты:

кафедра русского языка Волгоградского государственного педагогического университета,

кафедра русского языка и методики Тульского государственного педагогического университета

Ф. Ф. Фархутдинова, доктор филологических наук, профессор
Ивановского государственного университета

Токарев Г. В.

Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. — Волгоград: «Перемена». 2003.

В монографии обсуждаются проблемы концептуализации и категоризации культурного знания, рассматривается модель тезауруса концепта «Труд», исследуются механизмы кодирования культурной информации на материале русского языка.

Для лингвистов-исследователей, преподавателей высшей школы, аспирантов и студентов.

Научное издание

Токарев Григорий Валериевич
КОНЦЕПТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ КОНЦЕПТА «ТРУД» В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Монография

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема взаимоотношения языка и культуры была поставлена в трудах отечественных и зарубежных лингвистов несколько сот лет назад, но при этом не утратила своей актуальности и в настоящее время. Развитие семасиологических и ономазиологических теорий сделало очевидным понимание языка как средства, с помощью которого возможно исследование стоящих за ним ментальных структур. Во второй половине 20 века появляется новая наука — лингвокультурология, призванная дать ответ на вопросы: как культура кодируется языком, какую культурную информацию несут те или иные языковые явления и др. Новая лингвистическая отрасль является порождением парадигмы научных исследований рубежа веков, культивирующей принцип антропоцентризма и знания интегрированного типа.

Появился целый ряд фундаментальных работ, в которых намечен методологический аппарат данной науки, предложены оригинальные методы описания языкового материала, сделаны важные теоретические обобщения в ходе анализа языковых фактов [Н. Ф. Алефиренко 2002, В. В. Колесов 1999, Н. А. Красавский 2001, В. В. Красных 2002, В. А. Маслова 1997, З. Д. Попова, И. А. Стернин 2001, А. Т. Хроленко 2000 и многие другие]. Однако при всей ценности данных исследований приходится констатировать, что лингвокультурология нуждается в уточнении своего методологического аппарата. Будучи наукой синкретичного типа, она использует знания, накопленные когнитологией, психолингвистикой, культурологией, семиотикой. Между тем лингвокультурология формирует свой подход к анализу единиц языка, культуры, мышления. В частности, Н. Ф. Алефиренко отмечает: «К числу когнитивных феноменов в лингвокультурологии относятся главным образом феномены типа *off — line*: долговременная память, система категорий и категоризация, структуры представления знаний, лексикон и т. д. Феномены, ответственные за использование языка в реальном времени, типа *on — line* (оперативная память, внимание, активизация) могут использоваться лишь частично...» [Алефиренко Н. Ф.: 2002, 166]. При этом нередко многочисленные лингвокультурологические исследования отражают механическое заимствование терминологии смежных дисциплин, что приводит не к решению, а к ещё большему усложнению поставленных перед новой отраслью знания проблем.

Неоформленность методологического и теоретического аппарата лингвокультурологии становится причиной незначительного числа ком-

плексных исследований базовых концептов русской культуры. Большинство работ ограничивается исследованием однородного в структурно-семантическом отношении материала: фразеология, поговорки, афоризмы (С. Г. Воркачёв 2002, О. А. Дмитриева 1996, М. Л. Ковшова 1999, Л. Б. Савенкова 2002, В. Н. Телия 1996, Ф. Ф. Фархутдинова 2000 и др.). Практически не рассматриваются единицы с прямономинативным значением.

Таким образом, **актуальность** настоящей работы определяется:

- 1) нерешённостью вопроса, как язык связан с миром человека, — проблемы обуславливающей приоритетность лингвистических исследований синкретичного типа, в поле зрения которых попадают особенности взаимоотношения языка и мышления, языка и культуры;
- 2) неформальностью теоретического аппарата лингвокультурологии — отрасли лингвистического знания, изучающей средства и способы кодирования культурной информации в языке, отсутствием чёткой и полной теории вербализации процессов концептуализации и категоризации культурного знания; частичной разработанностью принципов, методов, приёмов описания концепта культуры на материале русского языка;
- 3) отсутствием полного исследования базового русского культурного концепта «Труд».

Методологическую базу составляют:

- системный подход к реальной действительности, в частности к различным вербальным репрезентациям концепта культуры, рассматриваемого в целостности составляющих его компонентов, как сложно организованный объект, имеющий многообразные связи с другими объектами;
- деятельностный подход, определяющий единство деятельности и сознания, позволяющий осмыслить деятельность как объяснительный принцип, не только устанавливающий границы культурного пространства, но и расчленяющий, а затем структурирующий его в процессе языковой объективации. В лингвокультурологии деятельность рассматривается как процесс мышления — результат переноса структурных связей внешней деятельности на её внутреннее отражение;
- аксиологический, культурологический, герменевтический подходы, позволяющие интерпретировать языковые факты в соответствии с сформированной той или иной лингвокультурной общностью ценностной шкалой;

- философские принципы детерминизма (определяет взаимообусловленность всех явлений действительности) и антропоцентризма (наделяет человека статусом «классифицирующего существа» [О. Ес-персен]).

Теоретическую базу исследования составили идеи:

- Ю. Н. Караулова, Д. С. Лихачёва, Ю. С. Степанова и др. о сущности, структуре, функциях концепта, его отношении к другим ментальным и языковым единицам;
- В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. Вежбицкой, А. А. Потебни, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, Н. И. Толстого и др. о сущности культуры, о культурно-семиотическом подходе к языковым явлениям; о способах вербального кодирования культурной информации.

Автор выражает глубокую признательность научному редактору Николаю Фёдоровичу Алефиренко за ряд ценных советов, которые были даны в ходе работы над книгой, и рецензентам Галине Николаевне Большаковой, Виктору Терентьевичу Бондаренко, Евгении Валентиновне Брысиной, Елене Алексеевне Добрыдневой, Фении Фарвасовне Фархутдиновой, чьи замечания помогли значительно совершенствовать рукопись.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы исследования процессов концептуализации и категоризации действительности были и остаются актуальными для лингвистики. Одним из сложнейших и до сих пор не решённых вопросов является описание концепта, признанного учёными основной формой категоризации знания и главным средством концептуализации действительности. Проблемам изучения природы концепта посвящены труды как зарубежных, так и отечественных учёных: В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, Дж. Лакоффа, М. Минского, Р. И. Павилёниса, Ч. Филлмора, А. А. Потемни, С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачёва, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, А. П. Бабушкина, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, В. В. Колесова и мн. др. И всё же термин *концепт* в виду своей сложности и полифункциональности до сих пор получает в лингвистике самую разную трактовку.

1. В **когнитивной лингвистике** термин «концепт» является базовым. Наиболее популярным стало определение концепта, предложенное Е. С. Кубряковой. В её теории делается упор на универсальность данного термина и стоящего за ним содержания: «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания» [Кубрякова Е. С.: 1996, 90]. К основным признакам концепта Е. С. Кубрякова относит (а) *оперативность* («...оперативная содержательная единица памяти...»), (б) отражение *содержания* человеческой деятельности, (в) наличие *инвариантного* (упорядочивающего) стержня («...концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику...»), (г) *гибкость* и *подвижность*. Выделенные признаки свидетельствуют о сложности и противоречивой природе концепта: он оперативен и в то же время отражает результаты всего человеческого опыта, имеет инвариантный стержень и вместе с тем постоянно изменяется.

Кроме этого следует помнить, что концепт представляет собой лишь часть (д) *актуализированных смыслов*, относящихся к той или иной идее. Другими словами, думая о реалии, человек имеет в виду не все её признаки, а лишь актуальные в определённой мыслительной ситуации, то есть пользуется концептом какого-либо представления, научного или обыденного понятия.

Например, смысл *народ* охватывает следующие признаки «население государства, национальная и этническая общность, трудящиеся и др.». Для Павлюка, героя рассказа П. Ф. Нилина «Знаменитый Павлюк», в разговоре с мальчиком актуальными признаками этого понятия стано-

вятся «мастеровые люди, трудящиеся»: **«Народ – это мастеровые, у кого ремесло в руках и кто необходимое дело делает. Вот это называется народ»**. Как видим, в данной реплике редуцируются этнические признаки понятия и актуализируются функциональные. Тем не менее, данный смысл соотносится с указанной идеей благодаря инвариантной части «население, трудящиеся».

Признак актуальности концепта наиболее чётко проявляется, когда разные люди неодинаково интерпретируют один и тот же смысл: то, что для одних актуально, для других может оказаться второстепенным. Так, герой рассказа П. П. Бажова «Живинка в деле» Тимоха Малоручко сравнивает мастерство с лазаньем по деревьям: **«На всякое ... дерево влезу и за вершинку подержусь»**. Такую интерпретацию умения не разделяют опытные мастера: **«...вершинка...мера ненадёжная: была вершинкой, а станет серединкой, да и разные они бывают – одна ниже, другая выше»**.

Актуальность концепта связана с его схематизмом, по С. А. Аскольдову, [Аскольдов С. А.: 1997, 271] нечёткостью; «алгебраичностью», по Д. С. Лихачёву [Лихачёв Д. С.: 1997, 281]. Это свойство объясняет объединение близких, но не тождественных смыслов в один концепт. Так, в сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Коняга» и поэме М. Горького «Двадцать шесть и одна» находим разные интерпретации труда: **«труд даёт ему душевное равновесие, примиряет его и со своей личной совестью, и с совестью масс, и наделяет его той устойчивостью, которую даже века рабства не могли победить...»** [М. Е. Салтыков-Щедрин] // **«...каторжный наш труд и делал нас тупыми волами...»** [М. Горький]. Однако схематичность (непрорисованность, эскизность) концепта «Труд», потенциально включающего как эксплицированные в данных высказываниях смыслы очищающей и убивающей силы труда, так и многие другие, позволяет их интегрировать, соотносить с идеей труда.

Определяющим среди перечисленных признаков является признак оперативности. Оперативность позволяет когнитологам, разделяющим эту точку зрения, говорить (е) о *субъективном характере* концепта (это те смыслы, которыми оперирует отдельно взятый человек, «имманентных, «объективно существующих» концептов нет, и степень объективности личностных концептов, то есть адекватности отражения реальности, зависит от того, насколько они совпадают с концептами членов социума, объединяемых общностью жизненного опыта» [Архипов И. К.: 2001, 13]), (ж) об *отсутствии* у концепта определённой *структуры*.

Оперативность, актуальность, субъективность концепта позволяет лингвокогнитологам сделать вывод, что концепт отражает «один или несколько, любые, не обязательно существенные, признаки объекта» [Болдырев Н. Н.: 2001, 24], чем он отличается от понятия.

Углубляет когнитивную теорию **психолингвистическое толкование** концепта, содержащееся в работах А. А. Залевской, А. А. Леонтьева, А. Р. Лурия, и др. Под концептом понимается мысленное образование, имеющее характер устоявшегося и типичного образа, выполняющее заместительную функцию. Особый акцент делается на субъективно значимых, динамических характеристиках концепта, которые постулируются в когнитологии.

Исключительно когнитивистская трактовка концепта не может быть использована в лингвокультурологии. Когнитология рассматривает мышление в аспекте продуцирования дискурса тем или иным индивидом. Лингвокультурология изучает процессы становления, развития, функционирования сознания в культурно-историческом аспекте, поэтому базовые для когнитологии признаки концепта: оперативность, гибкость и подвижность, субъективность, неструктурированность для лингвокультурологии оказываются несущественными. Релевантными для неё являются инвариантность, содержательное наполнение концепта (концепт отражает результаты человеческой деятельности).

2. Существует множество синкретичных теорий концепта, совмещающих постулаты когнитологии и лингвокультурологии. Такой подход к концепту обосновывается в трудах С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачёва, Н. Ф. Алефиренко, О. Д. Вишняковой, С. Г. Воркачёва, Л. А. Манерко, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Т. А. Фесенко и др.

С. А. Аскольдов особое внимание уделяет художественным концептам, которые отличаются большей психологической сложностью, индивидуальностью, неопределённостью возможностей, художественной ассоциативностью. Примером такого концепта является ментальная категория «Пегий» в повести Л. Н. Толстого «Холстомер». Этот концепт вмещает в себя смыслы: «не такой, как все», «сирота», «презрение людей», «рабство», «непосильный труд», «унижение», которые эксплицируются в следующих контекстах: *«Когда я родился, я не знал, что такое значит пегий, я думал, что я лошадь...»*; *«Я чувствовал, что навсегда потерял любовь своей матери. И всё оттого, что я пегий...»*; *«Моя нежина, возбуждавшая такое странное презрение в людях...»*; *«...я был пегий...и люди вообразили себе обо мне, что я принадлежал не богу и себе..., а что я принадлежал конюшему...»* и др. Теория художественных концептов может быть использована лингвокультуроло-

гией лишь в том случае, если тот или иной индивидуально-авторский образ получил прецедентный, воспроизводимый характер, то есть стал атрибутом коллективного сознания, например образ Коняги, созданный М. Е. Салтыковым-Щедриным.

Д. С. Лихачёв в своих трудах о концепте и концептосфере развивает идеи С. А. Аскольдова относительно художественного творчества, акцентирует внимание на том, что содержание концепта обусловлено национальным, сословным, классовым, профессиональным, семейным и личным опытом человека. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации...» [Лихачёв Д. С.: 1997, 282]. Несмотря на то что Д. С. Лихачёв осмыслял концепт в когнитивном ключе, в частности, как конструкт сознания индивида, его идеи о взаимосвязи концепта и культуры представляются плодотворными для лингвокультурологического исследования.

В монографическом исследовании Н. Ф. Алефиренко «Поэтическая энергия слова» концепт понимается как «достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разнообразных конфигурациях культурно значимые смыслы» [Алефиренко Н. Ф.: 2002, 225]. Исследователь употребляет термин *концепт* для обозначения двух когнитивных сущностей: для первоначального представления, стимулирующего порождение слова (концепт 1), и для ключевого слова этнокультуры (концепт 2). Тем самым осуществляется подход к концепту с позиции когнитологии — рассмотрение порождения ментальной категории — и лингвокультурологии — изучение обозначенного концепта как средства понимания и интерпретации самой культуры. Автор предлагает характерную для когнитивного подхода классификацию концептов: концепты-представления, гештальты, фреймы, что предопределяет соотношение концепта с одним вербальным знаком. Отличает теорию концепта Н. Ф. Алефиренко рассмотрение данной категории с когнитивно-дискурсивных позиций, что предполагает исследование формирования концепта и обозначения его знаком, являющимся продуктом, в частности вторичной номинации.

В книге В. И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» концепт осмыляется как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [2002, 129]. Ценностное измерение концепта отражает важность данного психического образования для индивида, социума; образное — «релевантные признаки практического знания» (зрительные, вкусовые, тактильные и др. характеристики предметов); понятийное — языковую фиксацию концепта [Там же, 154]. Предложенная структура концепта

заслуживает внимания, однако интерпретация выделенных компонентов концепта, на наш взгляд, не может быть принята без оговорок. Вне всякого сомнения то, что образный и ценностный компоненты находят языковую объективацию, а значит, участвуют в вербальном описании концепта, составляют часть его языковлѐнной признаковой структуры. Это положение отражают внутренняя форма фразеологической единицы **как за язык повешен** «занят сверх меры работой», которая объективирует образный компонент концепта, и продуцируемая ей отрицательная оценка, вербализующая ценностную составляющую. Автор указывает, что концепты шире понятий [Там же, 43]. Исследователь выделяет несколько типов концептов в зависимости от продуцирующего субъекта: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные [Там же, 140]. Предлагаемую в монографии теорию отличает рассмотрение концепта в аспекте порождения и функционирования, то есть в связи с понятиями языковой личности и дискурса.

В трудах З. Д. Поповой и И. А. Стернина концепт понимается как «глобальная смысловая единица, организованная по принципу ядра и периферии и отражающая все стороны осмысляемого явления» [Стернин И. А.: 1999, 76; Попова З. Д., Стернин И. А.: 2001], чем утверждается глобальность и многомерность концепта. Учёные отступают от таких когнитивистских постулатов теории концепта, как оперативность, гибкость, подвижность, субъективность. В то же время исследователями признаётся, что концепт может иметь одну из форм: гештальта, фрейма, понятия, представления и т. п. Концепт структурирован: он включает в свой состав рациональное и эмоциональное, абстрактное и конкретное.

Не все положения этой теории согласуются друг с другом. Так, утверждение, что концепт имеет одну из форм ментальных репрезентаций (гештальт, фрейм и т. д.) утрачивает истинность при забвении признаков операциональности и субъективности концепта. Например, фразеологические единицы **высунув язык, щёлкать как орехи, маг и волшебник** репрезентируют один концепт – «Труд». Однако первая из них вербализует гештальт «собака», вторая – сценарий «щёлкание орехов», третья – фрейм «волшебник», то есть человек, способный делать чудеса, в частности быстро и хорошо выполнять тот или иной вид трудовой деятельности. Если концепт имеет одну из вышеперечисленных форм ментальной репрезентации, например является понятием, может ли он включать в свою структуру эмоциональный блок?

Учёные, разделяющие точку зрения этих учёных, рассматривают функционирование концепта на синхронном срезе в аспекте его детерминированности культурными факторами. Например, шутивно-

ироничные и скептические коннотации значения слова *арбайтен* «мол., работа» отражают обесценивание труда, а способ образования этого слова подчёркивает отчуждение от трудовой деятельности.

В работах исследователей, разделяющих этот подход, ставится знак равенства между концептом и объективным смыслом, идеей. Следствием такого понимания концепта является мысль, что он имеет широкую сферу репрезентаций, наиболее продуктивной из которых является слово. Данная теория, хотя и с некоторыми изменениями, плодотворно воспринимается лингвокультурологией.

3. Отличается от когнитивного **лингвокультурологический подход** к концепту (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. В. Колесов, Ф. Ф. Фархутдинова и др.). Главным дифференциальным признаком при таком подходе является то, что концепт признаётся (а) *атрибутом культуры*, «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов Ю. С.: 2001, 43]. Концепт – (б) *многомерная глобальная структура*, состоящая из понятий, эмотивно-оценочного блока, сжатой истории и этимологии. Концепт (в) *объективен* и (г) — *исторически детерминирован*. Он (д) может иметь статус *константы культуры*, если существует постоянно или долгое время. [Там же, 84]. Это означает, что концепт (е) играет роль *принципа культуры*. Так, концепт «Труд» можно отнести к концептам-константам: он присутствует в русской идеосфере (концептосфере – совокупности всех концептов данной культуры) на протяжении многих сотен лет, способствует выражению христианских принципов русской культуры.

Концепт структурирован универсальным, культурно-специфическим и индивидуально-психологическим, актуальным и неактуальным блоками, по Ю. С. Степанову [Степанов Ю. С.: 2000, 8]; образным, понятийным, ценностным. Так, сцены трудовой деятельности можно отнести к универсальному блоку. Культурная и актуальная специфика отражаются, например, образными основаниями языковых единиц, количеством синонимов. Новый работник в русской картине мира представлен образом новой метлы: ***новая метла чисто метёт, новая метла по-новому метёт***. Свыше 10 узуальных единиц, зафиксированных в словаре синонимов русского языка З. Е. Александровой, свидетельствуют об актуальности для языкового сознания процесса трудовой деятельности. Иллюстрацией индивидуально-психологического блока концепта является осмысление труда лирическим героем рассказа Ф. В. Гладкова «Головоногий человек»: «...***труд – весь человек во всей сложности его даров и дерзаний...***». В зависимости от преобладания в структуре концепта того или иного блока выделяют индивидуально-

авторские, культурно-специфические, универсальные концепты. [Степанов Ю. С.: 2000, 8]. Таким образом, в лингвокультурологическом понимании концепт – это не оперативная единица речемышления, а часть концептосферы, которая имеет свою историю.

Приведённый обзор теорий показывает, что основными точками несовместимости существующих концепций, с одной стороны, когнитивной и психолингвистической, с другой – лингвокультурологической, являются такие признаки концепта, как субъективность, неструктурированность, оперативность данной ментальной категории в когнитивной интерпретации и объективность, структурированность, глобальность и историчность в лингвокультурологической.

Мы не ставим цель привести и прокомментировать все интерпретации концепта (да и вряд ли это возможно). Многообразие рассматриваемых теорий даёт основание утверждать, что на данном этапе развития науки сформировалось (редуцируя незначительные отличия) два основных подхода к концепту: когнитивное и лингвокультурологическое. Исследование формирования и функционирования того или иного фрагмента картины мира может быть осуществлено только при реализации лингвокультурологического подхода к концепту, рассматривающего его как глобальную, многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие признаки:

- исторический детерминизм;
- широкая экстенциональность;
- структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологем, стереотипов;
- неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального;
- разнообразие типов знаковых репрезентаций.

Одной из первоочередных проблем лингвокультурологического описания концепта является вопрос о выборе его названия [Бабушкин А. П.: 1999]. Очевидно, что выбор названия концепта культуры условен. Одно имя не может охватить всех смыслов, обобщить все репрезентации, которые соотносятся с тем или иным концептом. Поэтому вопрос заключается в том, чтобы выбрать название, которое могло бы выполнить наиболее полно эти функции.

В. В. Колесов отмечает: «Концепт ... грамматически может быть представлен в виде имени, выражающего обобщённый признак» [Колесов В. В.: 1999, 158]. Иначе говоря, оптимальной грамматической формой названия концепта в русском языке является абстрактное существи-

тельное. Знания человека о трудовой деятельности могут быть представлены именами *работа, дело, труд*. По нашему мнению, последнее имя наиболее полно выполнит функцию названия концепта. Вероятно, что всё исследование даст полный и мотивированный ответ на вопрос о причинах выбора данного имени концепта. Во введении мы ограничимся лишь некоторыми, на наш взгляд, наиболее существенными замечаниями.

Слово *труд* (в значении процесс трудовой деятельности) в отличие от слов *работа, дело*, во-первых, характеризует только деятельность человека; во-вторых обладает положительными коннотациями (подробнее см. гл. 3). Кроме этого, концепт культуры, по мнению Ю. С. Степанова, выполняет роль принципа культуры [Степанов Ю. С.: 2001, 84], то есть своеобразного правила, которым руководствуется лингвокультурная общность. История многозначного слова *труд*, отражающая понимание данного вида деятельности, затрагивающей не только материальную сферу, но и духовную, способствует тому, чтобы именно это слово стало названием принципа, указывающего на обязательность трудовой деятельности, её общественную, эстетическую, этическую ценность как для каждого члена, так и для всей лингвокультурной общности в целом.

Итак, «Труд» — концепт, имеющий в русской культуре статус базового, то есть наиболее важного, определяющего развитие других концептов и всей идеосферы в целом (по терминологии Ю. С. Степанова). Труд для русского человека всегда имел особое значение. Именно этот вид деятельности играл огромную роль в формировании русского характера.

Сложные природные условия: короткое лето, преобладание леса — формировали у русского человека такие качества, как упорство, терпеливость, энергичность, инициативность, смекалку, предприимчивость, умение за короткий промежуток времени выполнить большой объём работы, максимально напрягая свои силы. В. О. Ключевский отмечал: «...природа отпускает ему [крестьянину — Г. Т.] мало удобного времени для земледельческого труда, и короткое великорусское лето умеет ещё укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убратъся с поля... Так великоросс привык к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привык работать скоро, лихорадочно и споро... Ни один народ в Европе не способен к такому напряжённому труду на короткое время, какой может развить великоросс...» [Ключевский В. О.: 1987. Т. 1, 385 — 386]. Долгая зима давала время русскому крестьянину для занятий различны-

ми промыслами, что стимулировало творческий подход к делу, художественное мышление [См. обзор русских промыслов в «Россія. Энциклопедический словарь», 1991].

В то же время зависимость от труда, «власть земли», порождали в крестьянине чувство безответственности за свои поступки. Г. И. Успенский в очерке «Власть земли» писал: «...он [русский крестьянин — Г. Т.] не отвечает ни за что, ни за один свой шаг. Раз он делает так, как велит его хозяйка-земля, он ни за что не отвечает ... он слушает того, что велит ему земля, он ни в чём не виновен; а главное, какое счастье не выдумывать себе жизни, не разыскивать интересов и ощущений... Ни за что не отвечая, ничего сам не придумывая, человек живёт только слушаясь, и это ежеминутное, ежесекундное послушание, превращённое в ежеминутный труд, и образует жизнь, не имеющую, по-видимому, никакого результата..., но имеющую результат именно в самой себе» [Успенский Г. И.: 1977, 211].

Природа заставляла русского пахаря наблюдать за её капризами, что нашло своё отражение в земледельческом календаре, приметах. Всё это вырабатывало особое отношение к опыту, стимулировало развитие наблюдательности, логического мышления. Классическим образцом благоговейного отношения к опыту, желания передать его другим поколениям был «Домострой».

Природные факторы, а также низкий уровень развития техники, в частности земледельческой, определяли коллективные формы ведения хозяйства, тормозили развитие индивидуализма и стимулировали чувство взаимопомощи.

Ценность труда обеспечивалась и религиозным компонентом русской культуры. «Труд, по словам Н. Бердяева, имеет религиозный смысл» [Цит. по Колесов В. В., 1999: 122]. Труд в христианстве осмысливается как нравственное деяние, богоугодное дело, средство спасения души. Трудовая деятельность понимается как общественно полезная, подвижническая. Труд христианина вырабатывал у него чувство тварности, выражающееся в том, что человек во всём: в орудиях труда, в результатах, в себе самом — видел лик Божий. О. А. Платонов отмечал: «Труд никогда не сводился к совокупности действий и навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причём трудолюбие было характерным выражением духовности» [Платонов О. А.: 1991, 16].

Трудовая деятельность для русского человека была средством достижения красоты и гармонии. Д. С. Лихачёв писал: «Русский пахарь своим многовековым трудом создавал красоту русской природы. ...опыт

пахаря создавал эстетику параллельных линий...» [Лихачёв Д. С.: 1984, 17 — 18].

Коллективизм, способность к максимальному напряжению сил, выполнению работы в короткие сроки и мн. др. качества, сформированные в процессе трудовой деятельности, стали судьбоносными для русского народа в годы первых пятилеток Советской власти, Великой Отечественной войны, послевоенного времени. Советский период русской истории усилил позиции концепта «Труд» в русской культуре, поскольку новая, социалистическая идеология требовала формирования иного базиса, который мог быть создан только благодаря коллективным трудовым усилиям.

Таким образом, труд для русской лингвокультурной общности стал важнейшим фактором, определяющим мировидение и миропонимание — принципом культуры.

1. Концептуализация и категоризация действительности как лингвокультурологическая проблема современной русистики

1. 1. Лингвокультурные аспекты концептуализации и концептуальной категоризации действительности

Важнейшей формой организации культуры является знание. С одной стороны, знание является результатом многообразных человеческих практик, с другой — необходимым конструктом, сформированным на предшествующих этапах развития общества, конструктом, к которому прибегает человек в процессе познания действительности. Именно благодаря своей актуальности и важности знание становится фундаментом культуры.

Концептуализация и категоризация знания представляют собой взаимосвязанные виды классификационной деятельности человека и различаются по целям и результатам. Данные процессы нашли достаточное отражение в литературе по когнитивной лингвистике, однако почти не рассматривались с позиций лингвокультурологии.

1. 1. 1. Вербализация процессов концептуализации культурного знания в семантической структуре русского языка

К о н ц е п т у а л и з а ц и я — это процесс образования концептов, концептуальных структур и концептосферы в целом. Сутью данного процесса является осмысление и формирование человеком той или иной информации в процессе познания окружающей действительности. Концептуализация включает в себя процессы появления новых квантов знания, содержательного или интерпретативного усложнения или упрощения уже известных, определения степени их ценности. На этом основании можно утверждать, что особым продуктом концептуализации может быть культурное, то есть аксиологически релевантное для той или иной **лингвокультурной общности** (группы, объединённой совокупностью признаков: языка, истории, культуры, религии и под.) или **социума** (группы, выделяемой с опорой на социологическую дифференциацию общества по общности профессии, возраста, конфессии, уровня образования, хобби), знание [Красных В.В.: 2002, 50].

О процессах концептуализации мы можем говорить только с опорой на систему знаковых репрезентаций знания, наиболее полно отра-

жающихся в естественном языке. Как отмечает Чейф, «...язык ... до сих пор лучшее окно в знание...». (Цитируется по: [Кубрякова Е. С., 1992, 27]). Это справедливо уже хотя бы потому, что культурная специфика концептуализации выражается в содержании компонентов значения, выборе внутренней формы языковой единицы, динамике семантической структуры многозначного слова, значимостей антонимических, синонимических, деривационных парадигм, выборе способов номинации и др.

Главным семасиологическим средством, репрезентирующим эти процессы, является лексическое и фразеологическое значение. Экстенционал и интенционал значения номинативной единицы отражают результат осмысления обозначенного явления во взаимосвязи с другими, подобными явлениями (класс, на который указывает экстенционал), а также объективируют специфику реалии, минимальный набор признаков, с помощью которых человек отличает одно явление от другого. Культурная маркированность концептуализации обнаруживается, например, при сравнении словарных дефиниций разных хронотопов. А. П. Бабушкин отмечает: «По лексикографическим определениям можно судить о том, как понимались те или иные слова ... в ходе исторического развития социума, можно изучать историю науки и историю познания человеком окружающего мира» [1996, 32]. Несмотря на то, что словарь является продуктом интеллектуальной деятельности одного лексикографа или группы учёных, он обобщает вариации словоупотребления, указывает на эталонизацию лингвокультурной общностью той или иной словарной дефиниции.

Так, семантизация слова *труд* в словаре В. Даля: «всё, что требует усилий, старанья, заботы, всякое напряжение телесных и умственных сил; всё, что утомляет» — свидетельствует о нечёткости осмысления процесса трудовой деятельности, что проявляется в размытости экстенционала. В частности, труд понимается как вид деятельности человека только отчасти. Из дефиниции значения видно, что *труд* — это и состояние выполняющего данную деятельность, и обстоятельства её совершения, и её объект.

Семантизация этого же слова в МАСе отражает более чёткое осмысление данной ментальной категории: «целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения». Логика концептуализации проявляется в отчётливой репрезентации экстенционала — «целенаправленная деятельность человека». Дифференциальные признаки первого из сравниваемых значений указывают на разделение труда на физический и интеллектуальный, делают акцент на эмоциональной и физиологической сторонах трудовой деятельности:

труд требует заботы, старания, усилий, утомляет. Такие признаки не могли не породить отрицательный коннотативный ореол значения. И так, семантизация труда, приведённая в словаре В. Даля, представляет диффузное понимание трудовой деятельности, осмысляемой как нечто беспокоящее и утомляющее человека. Дифференциальные признаки значения, дефинированного в МАСе, — «требующая умственного или физического напряжения» — отражают тенденцию к устранению отрицательных аспектов трудовой деятельности, что снимает отрицательные коннотации значения, зафиксированного В. Далем. Таким образом, значение выражает особенности концептуализации тех или иных категорий в соответствии с уровнем развития материальной и духовной культуры, оно воспроизводит ту или иную когнитивную стратегию, способ понимания явлений лингвокультурной общностью или социумом, указывает на ценность реалий действительности.

Специфика восприятия и понимания того или иного явления отражается внутренней формой языковой единицы. Признак, положенный в основу номинации, указывает на то, что стало для языкового сознания существенным, на тот аспект в структуре явления, посредством которого возможно его целостное понимание. Внутренняя форма отражает, с одной стороны, начальные процессы концептуализации (как было понято то или иное явление), с другой — систему стереотипных представлений, сложившихся в обществе. Так, внутренние формы вербального окружения слова *труд*: *воздействует, изменяет, облагораживает, создаёт; честный, героический, почётный, свободный, творческий; многолетний* — позволяют отметить, что труд в наивной картине мира предстаёт в образе человека. Внутренняя форма слова *пахота* «труд, служба, работа на каком-либо предприятии, в каком-либо учреждении» [Никитина Т. Г.: 1998, 81] демонстрирует, что для носителя сленга псевдоэталонем труда является земледельческая деятельность.

Процессы концептуализации могут отражаться и системными отношениями между единицами. Семантические отличия идеографических и стилистических синонимов показывают разную глубину осмысления одних и тех же ментальных категорий, неоднозначность их интерпретаций. Дифференциальные и интенсивные семы, которыми отличаются синонимы, указывают на наличие модификаций данной категории, оценочные — на её место в сложившейся системе *ценностей*, на модусные отношения человека к окружающему миру, выполняющие роль ориентиров [Алефиренко Н. Ф.: 2002, 75].

Так, в рассказе «Петькина карьера» Г. И. Успенский для характеристики главного героя, Петьки, выходца из крестьянской среды, кото-

рый не сумел связать свою жизнь с земледельческим трудом, использует идеографический синоним: «Он теперь, очевидно, навеки **фабричный, машинный человек!**». Оказиональный синоним **машинный** углубляет смысл «работающий на фабрике», внося в него такие ментальные кванты, как «неживой», «автомат», «бездушный», интенсифицирует исходный смысл и придаёт ему отрицательную оценку. Употребление оказионального идеографического синонима **машинный** – попытка говорящего по-иному подойти к осмыслению известной категории. Данный синоним отвечает культурным установкам, превозносящим крестьянский труд перед ремесленническим (Ср.: «**Из всех родов труда самый радостный — это земледельческий**» [Л. Н. Толстой]), что позволяет реализовать писателю традиционную христианскую доктрину русской культуры.

Немаловажную информацию об особенностях концептуализации мы можем получить из анализа антонимических парадигм. Известно, что явления сами по себе не противопоставлены, в оппозиционные отношения они вступают, становясь объектом языкового сознания. Антонимия в наиболее чёткой форме отражает процессы понимания тех или иных фрагментов действительности. Оппозиция может указывать на глубину осмысления того или иного аспекта концепта, на отношения данной концептуальной категории к другой, на особенности её понимания посредством противопоставления. Так, антонимический ряд: «**Им предстояли любовь, почести, свобода, мне – труд, унижения...**» (Л. Н. Толстой «Холстомер») иллюстрирует оппозитивные связи концепта «Труд» с концептами «Любовь», «Свобода» и др., несовместимость, невозможность, взаимоисключение труда и перечисленных категорий.

Для выражения специфики концептуализации ментального аспекта «способность к труду» Г. И. Успенскому необходимы антонимы **худое, долговязое, бессильное, простывший, злой, недовольный vs. двухжильная, огненная**: «**Не было в доме силы на крестьянство...Его худое, долговязое, бессильное тело не было согрето необходимым для крестьянства запасом огня...; он был какой-то простывший, а главное, сам отлично знал, что в нём нет силы, тепла, и был поэтому злой, недовольный всегда;... жена его, женщина двухжильная, огненная, не оценённая для кипучей работы...**» (Г. И. Успенский «Петькина карьера»). Данные антонимы объективируют глубину концептуализации анализируемого аспекта концепта: в основе способности к труду, «силы на крестьянство», лежит физическое и духовное здоровье, гармония, внутренняя цельность. Противопоставленность вербализованных смыслов отвечает сложившимся культурным установкам и стереотипам. В част-

ности, противопоставление труда свободе, любви, почестям отражает традиционный русский жизненный уклад, когда труд был уделом нищего крепостного крестьянства, часто лишённого даже права на выбор спутника жизни.

Особенности концептуализации отражаются и семантической структурой многозначного слова. Значения слова *труд* в БАСе показывают, что трудовая деятельность понимается как целенаправленная и осмысленная, что объективируется семами «воздействие на природу», «направленность», «создание материальных и культурных ценностей», «результативность», «осмысленность». Детально разрабатывается семантическая сфера «утомляемость, напряжённость» — имеются две семемы: «мускульная, нервная энергия, которая затрачивается при производстве ч.-л.», «усилие, старание, направленное к достижению ч.-л.». Содержание семем отражает дифференциацию трудовой деятельности: «род деятельности», «сельхозработа», «повседневные занятия», «услуга». Осознаётся роль труда и тем самым даётся оценка этому виду деятельности: «работа как источник существования, средств к жизни». Труд осмысливается как умение: ему можно и нужно учить, что отражает семема «учебный предмет». Таким образом, семантическая структура слова *труд* отражает понимание труда как деятельности осмысленной, многообразной, как умение, которое можно передать и получить, как средство существования человека. Появление новых значений, свидетельствующее о возникновении и разработке аспектов концепта, всегда объективирует особенности развития духовной и материальной культуры лингвокультурной общности.

На особенности концептуализации могут указывать словообразовательные связи слова: количественный аспект словообразовательного гнезда; его концептуальная (идеографическая) разработанность; продуктивность ономазиологических структур, типов словообразовательных значений; многообразие словообразовательных типов и моделей. Эти языковые факты обусловлены ценностью того или иного явления, особенностями синхронно действующих культурных установок. Например, концептуальная специфика словообразовательного гнезда «*Трудиться*» состоит в том, что оно отражает осмысление трудовой деятельности преимущественно в этическом ключе: исполнитель, деятельность положительно оцениваются: *труженик, трудяга, трудолюбец* и др. Лексемы данного гнезда объективируют оценку человека с точки зрения отношения к труду, включённости в трудовой процесс, о чём свидетельствуют производные: *трудоспособность, сотрудник, трудяга*. Данные процессы обусловлены значимостью труда для русской лингвокультур-

ной общности, влиянием стереотипа *труд является средством духовного совершенствования*: **«Только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья»** (М. Горький).

Как уже говорилось, содержание процессов концептуализации составляет изменение ценностного статуса тех или иных аспектов знания. В русском языке это находит своё отражение в характеристике единиц с точки зрения актуальности, плотности номинации и лакунах. По данным частотного словаря русского языка под ред. Л. Н. Засориной тема «Труд» является одной из самых актуальных: слова, репрезентирующие её, высокочастотны (*дело* — 1919, *рабочий* — 913, *труд* — 683, *работать* — 666, *завод* — 628, *производство* — 500, *хозяйство* — 462, *промышленность* — 271, *работник* — 260, *трудоустройство* — 148). Эти данные позволяют раскрыть содержание стереотипов сознания, культивирование определённых культурных установок (действовавших преимущественно в советский период), а именно: значимость созидательного процесса, сосредоточенность на труде, деле. Ср.: **«При коммунистическом обществе каждый трудоспособный будет участвовать в общественном труде и обеспечивать непрерывный рост материальных и духовных богатств общества»** (Из программы КПСС). Наибольшая частотность единиц, манифестирующих концепт «Труд», наблюдается в газетно-журнальных текстах, далее по убывающей — в научно-публицистических, драматургических. Такая картина позволяет сделать вывод, что труд является объектом научно-практического сознания, свидетельствует о переходе от мифологического, эмоционально-оценочного сознания к научному. В то же время труд осмысливается как повседневный, обыденный атрибут жизни русского человека.

Итак, сущность процессов концептуализации культурного знания состоит в формировании, дальнейшей разработке содержания как картины мира в целом, так и отдельных её фрагментов. Лексические средства: экстенционал и интенционал значения, семантические разновидности синонимов, оппозитивные и деривационные связи слов, семантическая структура значения многозначного слова, актуальность вербальных единиц и др. — наиболее полно и точно отражают процессы концептуализации культурного знания, уровень развития духовной и материальной культуры.

Процессы порождения смысла синкретичны. Синкретизм этих процессов состоит в целостности, одновременности осмысления сущности явления и определения его ценности. В то же время человек различает типы информации; редуцируя определённые её фрагменты, прида-

ёт ей те или иные формы. Это говорит о том, что процессы концептуализации знания неразрывно связаны с его оформлением и категоризацией. Рассмотрим особенности данного процесса.

1. 1. 2. Лингвосемиотические подходы к категоризации культурного знания

К а т е г о р и з а ц и я – это процесс образования категорий или соотнесения с ними тех или иных смыслов, репрезентирующих их языковых единиц, отражающих наиболее обобщённые знания человека об устройстве, упорядоченности мира. Под **категорией** мы понимаем ментальные и языковые группы элементов, выделяемые на основании того или иного признака (признаков), общности функций. Категория не только является результатом отражения действительности, но и выражает специфику её понимания. Процессы категоризации, суть которых заключается в объективации результатов когниции, тесно связаны с механизмами кодирования. Эти механизмы являются «матрицей семантизации окружающего мира» [Алефиренко Н. Ф.: 2001, 82], то есть категоризация отражает не только то, какими знаниями мы владеем и как их применяем, но и формы и способы сохранения знаний.

Существует несколько подходов к пониманию сущности категоризации и её отражения в языке.

1. Традиционными являются учения, восходящие к трудам Аристотеля и Платона. Сущность этого подхода заключается в том, что все единицы, входящие в ту или иную категорию, должны обладать *одинаковым набором существенных признаков*, иметь тождественный статус в процессе категоризации. Данный подход осуществляется при составлении той или иной классификации. Например, лексико-семантическая классификация лексики предполагает наличие у всех элементов, образующих категорию, общей архисемы и одной или нескольких одинаковых дифференциальных сем в зависимости от уровня классификации. Так, терминологию самоварного промысла можно разделить на 8 групп: наименования технологических процессов и операций, инструментов, дефектов, материалов, видов продукции, профессий, приспособлений, инструментов. Каждая из указанных групп выделяется на основании общности архисемы, которая обозначена в названии лексической совокупности. Тематическая группа «Инструменты» имеет 3 уровня классификации. Каждая подгруппа включает в свой состав термины, дефини-

ции которых обладают общей дифференциальной семой, соответствующей тому или иному уровню классификации.

1-й уровень. Общая дифференциальная сема «обрабатываемый материал»: деревообрабатывающий / металлообрабатывающий инструмент.

2-й уровень в группе «Металлообрабатывающий инструмент». Общая дифференциальная сема «функция инструмента»: крепёжный, чистящий, сверлильный, раскроечный, гибочный, режущий, отделочный инструмент.

3-й уровень в группе «Отделочный инструмент». Общая дифференциальная сема «молоток»: **выемочный, кубовой, ленточный, отливной молотки, наводильник** («самоварный восьмигранный молоток, которым оттягивают стенки самовара»), **киянка** («деревянный молоток»).

2. Другой подход основывается на трудах Л. фон Витгенштейна. В науке он получил название теории *фамильного* (семейного) *сходства*. Сущность этой теории заключается в том, что тождественные признаки могут встречаться не у всех членов категории, а лишь у некоторых, причём набор признаков может варьироваться. Прототипом этой категории стали признаки членов одной человеческой семьи: одни родственники имеют общие черты характера, другие — внешнего сходства и т. п. Теория Л. Витгенштейна стала основой теории прототипов.

Результаты процесса категоризации при данном подходе можно распределить по трём уровням: **суперординатному** (наиболее высокому, абстрактному, указывающему на родовые понятия), **базисному, субординатному** (включающему единицы, детально характеризующие отдельные стороны какого-либо явления или именующие неактуальные объекты действительности). Наибольший интерес представляют те единицы, которые являются составляющими базисного уровня, ибо они являются «скелетом» культурно значимой концептуальной структуры данной категории. Единицы, входящие в базисный уровень, называют прототипами. **Прототип** — привилегированный член, лучший образец той или иной категории, в наиболее полной форме отвечающий сути явления, проявляющий наилучшим образом свойства, общие с другими единицами. Вокруг него группируются все остальные члены. Статус прототипа всегда культурно значим, поскольку прототипы отражают стереотипы, функционирующие в том или ином социуме. В сфере языка прототипы репрезентируются рядами наиболее частотных языковых единиц, которые отражают действующие стереотипы, культурные установки, а также вербализуются квазисимволами и квазиэталонами.

Так, русские пословицы: *была бы шея, а хомут найдётся; в поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнёт для запаса вперёд; кулаков турнули — спины разогнули; мыть полы — не жалеть спины; годы хребет горбят; хвастать — не косить, спина не болит; на чужом хребте легко работать; нам бы так пахать, чтоб мозоли не набивать; крестьянскими мозолями и бары сыты живут; мозолистые руки не знают скуки; когда сеют да жнут не глядят, что мозоли жгут; не разгибать спины; ломать спину; мозолить руки; сорвать пуп; спина отваливается, горбатиться* и др. — группируются вокруг квазисимволов (языковых символов) [Телия В. Н.: 1996, 243] тяжёлой, непосильной работы: *хомут, хребет, пуп, живот, мозоли*, — главным из которых (прежде всего, в виду своей высокой регулярности, продуктивности, семантической простоты) является квазисимвол *спина*. Перечисленные языковые единицы репрезентируют разные смыслы: «был бы работник, а работа найдётся», «нужно много работать, чтобы прожить зимой», «свободный труд легче», «уборка требует много сил», «труд старит человека», «работа не обходится без физического напряжения» и др. Семантический признак «выполнять тяжёлую работу» варьируется: выражается в большей или меньшей степени, прямо или косвенно, с помощью разных внутренних форм, интенсификаций, эмотивно-оценочных коннотаций, но, тем не менее, присутствует в полном или редуцированном виде во всех значениях единиц. Указанный семантический элемент получает статус дифференциального признака в единицах *мыть полы — не жалеть спины* (архисема «вид трудовой деятельности»), дифференциальные семы «уборка», «тяжело», «напряжение физических сил» и др.; *сорвать пуп* (архисема «потерять силы», дифференциальные семы «в результате выполнения работы», «сложность», «тяжело», «выше меры» и др.), входит в зону коннотации в значениях пословиц и фразеологических единиц *годы хребет горбят* (коннотация «человек стареет и теряет силы от тяжёлой работы»), *на чужом хребте легко работать* (коннотация «выполнение работы за кого-либо требует физического напряжения»); *мозолистые руки не знают скуки* (коннотация «трудолюбивый человек не боится работы»); *спина отваливается* (коннотация «в том числе по причине выполнения тяжёлой работы»). В пословице *была бы спина, а хомут найдётся* семантический элемент «выполнять тяжёлую работу» является стержневой частью сценария, который лежит в основе внутренней формы единицы.

Квазисимвол *спина* можно отнести к элементам базисного уровня. Данный языковой символ встречается в большом количестве пословиц, поговорок, фразеологических единиц, а значит, имеет высокую

продуцирующую способность, то есть может выступать в качестве базы для образования других единиц. Кроме того, значение данного квазисимвола имеет наименьшую степень интенсификации. (Этот вывод вытекает из сопоставления интенсивности значений устойчивых единиц, в состав которых входят квазисимволы *спина, хомут, хребет, мозоли, горб, живот, пуп*). Многообразие перечисленных выше единиц соотносится с субординатным уровнем. Суперординатный уровень представляет обобщённая по своему значению составная номинация **оценка тяжёлого труда**.

Если при логическом подходе к процессу категоризации значения, формирующие ту или иную категорию или субкатегорию, имеют однотипную структуру, интегральные для той или иной категории семы обладают тождественным статусом в структуре значения, то при прототипическом — одинаковые по содержанию семы, как мы видели выше, могут иметь разный статус: быть архисемой, входить в дифференциальную, потенциальную или коннотативную часть.

Полное лингвокультурологическое описание концепта невозможно без совмещения принципов одной и другой теории: «мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не в предпочтении одной в ущерб другой. В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для вариантов — одно не исключает другого» [Вежицкая А.: 1997, 201]. Если классическая теория наилучшим образом отражает процессы научной категоризации, то прототипическая — наивной.

Культурная специфика категоризации проявляется и в связи частей в составе категории (как мы сможем увидеть далее, это касается как концептуальных категорий, например, сценариев, так и языковых — например, коррелятов синонимических или антонимических оппозиций). Так, смысл «делай дело своевременно» репрезентируется в русской и англо-саксонской культурах посредством разных сценариев. Ср.: *make hay while the sun* (готовь сено, пока солнце сияет — акцент делается на то, что работу нужно осуществить до вечера) // *коси, коса, пока роса* (указанный вид деятельности должен быть осуществлён утром).

Если в русском языке синонимы слова *труженик* указывают на отношение к работе (*работяга, трудяга, трудоголик*), на связь с концептом «Любовь» (*трудолюб*), то в немецком языке синонимический ряд *rastlos Arbeitende* («работающий без передышки»); *der Werktätige* («работающий на заводе») отражает иные сценарии в понимании человека труда: он осмысливается через место осуществления трудовой деятельности, либо через соотнесение с концептом «Отдых». Связь компо-

нентов в составе категории определяется сферой опыта, который в каждой культуре разный.

Наиболее точно подходит к процессам категоризации концептуализм, учитывающий не только вербальный уровень, но и промежуточный между словами и референтами — концептуальный. Концептуализация — процесс, протекающий на ментальном уровне, категоризация касается как уровня концептуального, так и языкового. Рассмотрим культурные аспекты категоризации на концептуальном и языковом уровнях.

Исследование механизмов вербализации культурного знания требует изучения отношений концепта с более простыми, структурирующими его смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, идеологемами, стереотипами, а также выяснения специфики их презентации в русском языке.

1. 1. 3. Виды и способы категоризации культурного знания

Как мы могли видеть выше, концепт в лингвокультурологическом понимании охватывает три уровня прототипической категоризации: суперординатный, базисный, субординатный, что отражает его широкую экстенциональность.

Хотя концепт и характеризуется широкой экстенциональностью, это не означает, что его экстенционал размыт. Способность человека различать концепты, например, отделять концепт «Труд» от концепта «Безделье», говорит о наличии у них границ, пусть и нечётких. На первых этапах категоризации, наряду с обогащением интенционала, человеческое сознание выделяет экстенционал концепта, указывая этим, какие смыслы могут быть соотнесены с тем или иным концептом. Содержание концепта может быть неоднородно: концепт включает в свой экстенционал как наивные, так и научные знания.

Составляющие концепта: представления, научные и обыденные (наивные) понятия, стереотипы, культурные установки, идеологемы — единицы концептуального уровня, результат работы правого полушария коры головного мозга. Гипотеза о существовании определённого уровня, на который стекается, перерабатывается, а затем получает языковое оформление вся полученная извне информация, принадлежит Р. Джекендоффу [Кубрякова Е. С.: 1986, 90]. Концептуальный уровень имеет первичное, господствующее положение по отношению к языковому. А. П. Бабушкин отмечает, что концептуальный уровень представляет «не пассивный слепок с действительности, а внутреннюю модель, построен-

ную мозгом после активной переработки» [1996, 8]. Единицы концептуального уровня могут иметь как «языковлѐнный» (связанный с языком напрямую), так и не «языковлѐнный» характер.

А. П. Бабушкин считает, что проблема ступеней и форм познания традиционно сводится к иерархической лестнице от чувственного к рациональному: ощущения — восприятия — представления — понятия. Под ощущением понимается отражение отдельных свойств и качеств, которые присущи реалии, под восприятием — объективация предмета в виде целостного чувственного образа. В чём состоит специфика представлений и понятий?

Е. С. Кубрякова даёт следующее определение **представлениям**: «Ощущения, которые возникают у человека при его взаимодействии со средой, приходят к нему по разным каналам — зрительному, слуховому, тактильному и т. д. Сенсорные механизмы преобразуют эти материальные стимулы, придавая им символический характер. Эти преобразованные символические образования и являются представлениями...» [1992, 15]. В сопоставлении с ощущениями представления характеризуются репрезентативностью, символическим характером.

Наиболее продуктивная форма концептуальной репрезентации представлений — концептуальный гештальт. Например, кустарь-самоварщик видел в своём изделии некоторое сходство с человеком, именуя части самовара по сходству с частями тела и лица: **носик, щѐчки, ручки, ножки, шейка** и др.

Представления возникают как мыслительные корреляты чувственно воспринимаемых предметов. Данный вид ментальных единиц является результатом работы обыденного сознания и составляет основу наивной картины мира, то есть системы донаучных (ненаучных), обыденных, отчасти национально детерминированных знаний [Апресян Ю. Д.: 1995 е. Т. 2, 349-352].

Для своей презентации представления пользуются средствами самых разнообразных семиотических систем: живописи, скульптуры, кино и театра и проч. Так, картина В. Г. Петрова «Тройка» отражает представления о положении детей, детском труде в России середины 19 века.

Представления могут репрезентироваться посредством натурфактов и артефактов. Например, с именинным снопом связывали представления об особой создающей силе, обеспечивающей плодородие земли. Считалось, что вся продуцирующая сила земли сосредотачивалась в первом и последнем снопах, которым приписывались магические свойства: они служили оберегом от сглаза, болезни. Существовала и иная традиция: последние колосья не вырывались, а завязывались в сноп, а

затем прижимались («заламывались») камнем к земле, тем самым ей возвращалась вложенная в урожай сила. Количество звёзд на небе связывалось с представлениями о будущем урожае или приплоде домашнего скота. В основе данного представления, вероятно, лежали количественные и цветовые ассоциации: число звёзд связывалось с числом телят, ягнят и проч., а цвет звезды отдалённо напоминал цвет ягнёнка (очевидно, не последнюю роль при формировании этого представления играло созвучие слов ярки (о звёздах) и ярки («овцы»), включённых в паремию: **яркие звёзды породят белых ярок**).

Спектр языковых репрезентаций представлений достаточно широк: от слова до сложного синтаксического целого. Чаще представления репрезентируются именно большими с точки зрения протяжённости линейными структурами: **знать осень на Ильин день по снопам; коли на Егорьев день мороз, то и под кустом овёс**. Это объясняется особенностью содержания представлений: представления не имеют чёткого экстенционала. Поскольку они являются начальной формой познания действительности, их интенционал неупорядочен, открыт, то есть набор признаков, всегда немногочисленных, может так или иначе варьироваться. Например, представления об урожайности связывались с такими натурфактами, как крещенские морозы или красные круги вокруг солнца. Приведённый пример иллюстрирует размытость экстенциональной характеристики: не уточняется, урожайность какой именно культуры имеется в виду. Не определён и точный набор признаков: либо это уровень температуры в январе, либо состояние дневного светила в марте, причём опять же нет чёткого указания на точное время наблюдений. Вариативность признаков представлений отражается в кустарных терминологиях. Например, голосовая планка гармоники могла называться **голос, пискун, гудок**. Синонимия терминов отражает диффузное понимание данной реалии: кустарь-гармонщик, по всей вероятности, ещё не определился в тембровых особенностях этой части музыкального инструмента.

Особенности интенционала представлений указывают на их концептуальную локальность. Эта мысль наилучшим образом иллюстрируется названием дней народного календаря, в которых отражено представление о назначении данного дня: **гречишницы** «день посева гречихи», **горошник** «день засева гороха», **огуречники** «день посадки огурцов». Как видим, название дней осуществляется по принципу выполнения наиболее существенного дела.

Главным репрезентантом представления выступает внутренняя форма. Она является семантическим стержнем представления. Внутрен-

няя форма, по мнению А. А. Потебни, и есть представление [1999, 125]. Если вспомнить, что она репрезентирует один из признаков того или иного явления, то можно сделать вывод, что в представлении выделяется наиболее важный с точки зрения членов лингвокультурной общности или социума признак реалии.

Представление отражает процессы понимания (познания), оно интегрирует результаты процессов ощущения и восприятия и выражает это в виде образа. Так, познание своего труда ремесленником имеет характер диалога: именуемый обращается к реалии с вопросом: что есть это? — и получает ответ в виде сенсорного отпечатка. Большинство терминов своими внутренними формами подтверждают работу тех или иных органов чувств. Из пяти видов физического восприятия: зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания — избираются зрение и осязание. Работу глаз подтверждают внутренние формы многочисленных косвенных номинаций, построенных средствами переноса по сходству, основанному на аналогии формы: *кобылина* «приспособление для ковки стенки самовара», *шейка, репеек, шишки* «названия элементов самовара»; единицы, включающие в свой состав признак цвета: *синить* «придавать цвет ткани», *молоко* «известковый раствор», *воронило* «приспособление для полировки». Не единичны номинации, в которых внутренняя форма указывает на контакт с органами осязания: *гладкий самовар*.

Представления могут иметь как объективную, так и субъективную природу. Например, главный герой рассказа А. И. Куприна «Молох» инженер Бобров представляет себе завод в образе Молоха, демонического существа: *«Вот он — Молох, требующий тёплой человеческой крови! — кричал Бобров, простирая в окно свою тонкую руку»*. Индивидуальные представления могут иметь случайный, плохо объяснимый, непрограммируемый характер.

Объективные представления социальны, в них отражается коллективное миропонимание. Так, со сменой дня и ночи, с движением воды в реке связаны представления о быстротечности жизни, стиранием из памяти тех или иных событий. Поэтому в заговоре на корову, которая не может привыкнуть к новому пастбищу, обращаются к заре и реке: *Заря-заряница, заря — красна девица, утренняя заря Дарья, вечерняя заря — Марья, я к вам с просьбой не ради хитрости, не ради мудрости, а ради великой божьей надобности, ради пёстрой коровы. Речка-матушка, текёшь и маешься, бежишь стараешься, День и ночь — сутки прочь. Смываешь пенё, корень, лихое деревьё, жёлты песочки, серы камешочки, ракитовы кусточки. Так же и с моей пёстрой коровы тоску и сухоту, и кручину великую, со бела лица, с ретива*

сердца, со ясных очей, со текучих жил [«Русские заговоры и заклинания: 1998, 178]. Последний вид представлений по своему содержанию близок обыденным понятиям.

Упорядочивание, структурирование содержания представлений может иметь своим результатом образование обыденных и научных понятий, культурных установок, идеологем, стереотипов. Например, на Руси существовал обычай помочей, суть которого заключалась в обязательной помощи многодетным семьям или вдовам при сборе урожая. Со временем на основе этого обычая была сформирована культурная установка: помогай тому, кто не может своими силами выполнить ту или иную работу. Эта установка, в частности, отразилась в пословице *на вдовый двор хоть щепку брось*.

Из представлений о звукообразующем блоке гармонике как о чём-либо «сгороженном» — *городушка* — сформировалось научное понятие, обозначенное термином *резонатор*.

Наблюдения людей за домашними животными, которые в феврале выходят из хлевов погреть бока стали основанием для образования обыденного понятия об этом месяце, объективированного словом *бокогрей*.

Представления могут предшествовать понятию либо надстраиваться над ним (то есть становиться своеобразным ментальным образом понятия). Так, синонимичные термины кустарного производства гармоник: *выкладка, колодка* «часть гармоники, на которой крепится клавиатура» — отражают наивное представление гармонщика об особенностях изготовления и строения данного объекта. На смену данным терминам, объективирующим представления, пришёл термин *гриф*. Процесс надстраивания представлений над научными понятиями отражает образование профессионализмов, дублирующих кодифицированные специальные единицы. Например, термин *брусек крепления резонаторов* дублируется профессионализмом *подтычка*, термин *хвостовик рычага* — профессионализмом *отросток*, которые более точно и просто объективируют функции и строение детали.

Представления имеют свои способы образования, к ним, по мнению А. А. Потемни, относятся ассоциации и слияние [1999, 114].

Итак, дифференциальными признаками представлений является, во-первых, их донаучный (наивный) характер, нечёткий экстенционал, вариативный интенционал, что приводит, по верному наблюдению А. Б. Феоктистовой, к тому, что понятия объясняют происходящее, представления — нет [1999, 177]; во-вторых, интернациональный характер первых и идиоэтнический вторых.

Кроме представлений, атрибутами наивной картины мира являются культурные установки, идеологемы, стереотипы.

Культурные установки — это «совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемых культурной традицией» [Болдырев Н. Н.: 2001, 33]. В результате взаимодействия с другими индивидами человек осознаёт себя членом коллектива, продуктами этого взаимодействия являются эталонизированные образцы поведения (культурные установки), имеющие характер рекомендации, правила, закона: *трудись в поте лица, занимайся существенными делами* и др., то есть ценностно маркированные. Вооружаясь этими образцами, человек усваивает «правила игры»: он узнаёт, как себя вести в той или иной ситуации, как следует отнестись к тому или иному явлению, какую оценку получит, совершив тот или иной поступок и т. п., то есть овладевает **культурно обусловленными сценариями поведения**. Так, в сказе Н. С. Лескова «Левша» показано, что тульские мастера, получив от генерала Платова задание выполнить царский наказ, начинают это непростое дело с паломничества к иконе Св. Николая (глава 7 сказа). Тем самым тульские мастера следуют действующей в то время культурной установке, отражённой в «Домострое»: *«...всякое дело начать ...прежде всего — святым образом поклониться трижды в землю..., а кто может молитву сказать ... с тем и начать всякое дело, ибо ему божья милость сопутствует...»*.

Особым видом культурных установок являются **идеологемы**. Они используются на определённом культурном срезе и меняются при переходе от одной культурной модели к другой. Идеологемы включают набор актуализированных в тот или иной период ценностей. Так, в советский период были значимы такие ценности, как свобода, равенство, общество, человек, которые были включены в идеологемы типа: *каждый человек имеет право на труд; каждый человек обязан трудиться, поскольку это способствует самореализации личности*. Взрослый человек, проживающий на территории бывшего Советского Союза, в настоящее время хорошо осознаёт забвение этих принципов, перемещение их в прошлое. Идеологемы отличаются от культурных установок более высокой сложностью своей организации, императивностью, безапелляционностью. Ср.: христианскую культурную установку *трудись в поте лица*, указывающую человеку на способ существования в обществе, и идеологему *труд должен быть свободным*, в которой акцентируется ценность «свобода». Из приведённых примеров ясно, что культурные установки и идеологемы могут сосуществовать. Ещё одним отличием культурных установок от идеологем является возможная противоречи-

вость установок и обязательная согласованность идеологем на одном культурном срезе. Так, культурной установке *честно трудись* противопоставлена *нет смысла честно трудиться*. Ср.: *трудом праведным не наживёшь палат каменных / трудовая денежка до веку живёт; где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто; кто рано встаёт, у того копейка растёт*.

Сценарный характер концептуального содержания культурных установок и идеологем предопределяет оптимальные формы их языковой репрезентации — паремический фонд: *умел начать — умей и кончить; думай свечера, что делать поутру; честный труд — наше богатство; хороша нива только у коллектива*. Продуктивным средством нелингвистической презентации представлений являются поведенческие сценарии.

Культурным установкам близки по своим функциям и сущности стереотипы. **Стереотип** — это стандартное мнение, измеряющее деятельность той или иной социальной группы или индивида. В. В. Красных указывает, что стереотипы в сравнении с другими ментальными категориями суперфиксированы и суперустойчивы [2002, 186]. Стереотипы упорядочивают знания, противопоставляя при этом своё чужому, помогают человеку ориентироваться в жизни. Н. Ф. Алефиренко обращает внимание на функциональную ценность стереотипов: «Стереотипы в познании окружающего мира просто необходимы, чтобы справиться с слишком объёмной, сложной и быстротечной для восприятия окружающей нас средой. Будучи не в состоянии зафиксировать все её тонкости, многообразие и конфигурации, мы вынуждены структурировать и воссоздавать действительность по более упрощённым моделям» [2002, 282]. Если культурные установки мы сравнили с правилами игры, то стереотипы можно сопоставить с ориентирами, координатами этой игры. В качестве примера стереотипа советского периода можно привести следующее утверждение: *все советские люди честно трудятся*; современные стереотипы имеют иное содержание: *новые русские не работают; тот, кто честно трудится, неприемчив*.

Культурные установки, идеологемы, стереотипы, с одной стороны, формируются теми или иными социумами, с другой — они объединяют людей в группы, противопоставляют одну группу другой, что обуславливает их культурную маркированность. Так, из приведённых выше современных стереотипов первый характерен для людей старшего поколения, второй для молодёжи.

Представления, культурные установки и идеологемы, стереотипы тесно взаимосвязаны друг с другом. Формирование представлений ко-

ординируется теми или иными культурными установками или идеологиями. Иными словами, культурные установки и идеологии прогнозируют процесс осмысления того или иного явления, выступая в виде своеобразной матрицы этого процесса. Так, осмысление труда в годы первых пятилеток осуществлялось в рамках базового образа «фронт», что отражало действующую в то время идеологию: советская власть должна победить внутреннего и внешнего врага. Влияние указанной идеологии отражено во внутренней форме единиц: *трудова́й десант, трудовая армия, фронт работы, борец за высокое качество продукции*.

В процессе функционирования представлений фиксируется их экстенционал и интенционал, повышается степень объективации и обобщения, что приводит к формированию понятий или стереотипов. Ранее мы говорили, что основным репрезентантом представлений является внутренняя форма. Внутренняя форма той или иной устойчивой и воспроизводимой единицы есть отражение соответствующего стереотипа. Так, представления о человеке, который чрезмерно много работает, но едва ли может обеспечить свою жизнь, были связаны с отцом сказочного персонажа Буратино — папой Карло. Функционирование и распространение этой единицы, постепенное приобретение ею семантической целостности, а вместе с ней устойчивости и воспроизводимости, эмоционально-оценочное нивелирование внутренней формы, выражающееся в нашем случае в том, что за данной внутренней формой закрепляются знания, что она является эталоном тяжёлого труда и вызывает отрицательную эмоциональную реакцию, привели к тому, что в русской лингвокультурной общности внутренняя форма выражения *как папа Карло* стала стереотипом человека, который много работает.

Элементами наивной картины мира являются также обыденные (наивные, нестрогие) понятия. Исследователи понятий обычно выделяют понятия в строгом и нестрогом (широком) смысле [Войшвилло Е. К.: 1989, 100]. Для наивных понятий характерны чёткие экстенционально-интенциональные характеристики. Обыденное понятие отличается от представления более высокой степенью обобщённости и объективированности, отсутствием эмоционально-оценочных смыслов, от научного понятия — минимальным набором признаков, включённых в интенционал: оно обобщает наиболее существенные, дифференциальные признаки той или иной реалии. Отсюда следует, что основной способ образования обыденных понятий — обобщение.

Типичная форма языковой репрезентации этого вида ментальных единиц — слово или подчинительное словосочетание: *бобыль, кулак, будний день, молоток* и проч.

Рассмотрим семантику обыденного понятия (в настоящее время утратившего свою актуальность) *тягло* «мера земли, которую обрабатывает одна немногодетная семья». Настоящее понятие имеет чёткий экстенционал «мера земли». Интенционал понятия закрыт, включает 4 наиболее существенных признака: «обработка», «семья», «одна», «немногодетная». Обобщённость и объективированность данного понятия проявляется в узуальности содержащегося в нём смысла, забвении внутренней формы, отсутствии эмоционально-оценочных смыслов.

Обыденные понятия могут коррелировать, вступать в функциональные омонимические отношения с представлениями и научными понятиями. Так, содержание обыденного понятия *зарплата* включает следующие признаки «деньги, полученные за работу в течение месяца». Представления о *зарплате* связаны со сроками её выплаты, размером, основным местом работы и проч. Очевидно, что эти представления отличаются по набору признаков от коррелирующего понятия, например, в немецкой картине мира. Научное понятие *заработная плата* охватывает историю возникновения этого явления, теорию добавочной стоимости, социальные и политические аспекты и т. д.

Представления, в наибольшей степени зависят от культурной ситуации, наряду с обыденными понятиями они являются элементами наивной картины мира, относятся к культурно маркированным единицам. Последнее свойство выражается у обыденного понятия посредством внутренней формы (как и у представления) или набора варьируемых признаков. Например, признак «за месяц» рассмотренного обыденного понятия является культурно маркированным, поскольку, например, в американской культуре принято выплачивать заработанную плату за неделю.

Какова природа научного понятия? Под **научным понятием** понимают «результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определённой совокупности общих для предметов этого класса — и в совокупности отличительных для них — признаков...» [Войшвилло Е. К.: 1989, 91]. Рассмотрим понятия в строгом, научном смысле (научное понятие – продукт научного мышления, составляющая научной картины мира).

Научное понятие представляет высший вид ментальных репрезентаций. Переход от представления к понятию осмысливается как переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению. Высокая

степень абстрактности понятия объясняется спецификой его репрезентации — словом или словосочетанием. Такой вид репрезентаций предполагает высокую степень обобщения, схематичности (и вместе с тем глубокую концептуальную проработку реалий), отрыв от индивидуальных признаков. А. А. Потебня замечает по этому поводу: «...слово есть средство образования понятия...; характеризующая понятие ясность (раздельность признаков), ... стремление понятия занять место в системе: всё это первоначально достигается в слове и прообразуется им...» [1999, 145]. Однако этот важный признак не является демаркационной линией между понятиями и другими ментальными единицами. «Слово может ... одинаково выражать и чувственный образ, и понятие», — замечает по этому поводу А. А. Потебня [Там же, 146]. Тем самым слово может быть как средством репрезентации понятия, так и представления. Однако слово и словосочетание для понятий являются единственным средством репрезентации.

Понятие представляет собой расчленённое, многопризнаковое, аналитичное мыслительное образование. Интенционал научного понятия открыт, новые признаки явления с развитием науки и техники могут добавляться. Количество этих признаков не регламентируется: чем больше признаков, тем лучше разработано понятие. При этом набор признаков не вариативен, как у представлений, а фиксирован. Например, понятие *интенсивность труда* включает следующий набор признаков «степень напряжённости», «труд», «производительность», «рабочее время», «производство», «рационализация» и др. Основные признаки данного научного понятия фиксируются его дефиницией: «степень напряжённости труда, ограниченная рабочим временем, обусловленная степенью рациональности в процессе производства и являющаяся одним из факторов производительности труда». Содержание научных понятий характеризуется высокой степенью объективности, чёткости, ясности (что обусловлено их апостериорностью), отсутствием эмоциональных компонентов: *нормы труда, трудовой стаж* и др. Специфика научных понятий, по наблюдениям Е. К. Войшвилло, состоит в их необразном отражении действительности. Так, в семантической структуре вербальных репрезентаций понятий внутренняя форма не играет ведущей роли. Отсюда относительное безразличие терминосистем к мотивированности терминов, активность такого способа терминообразования, как заимствование, продуктивное использование иноязычного, в частности интернационального (греческого и латинского) морфемного материала. [См. работы В. П. Даниленко, Д. С. Лотте, А. В. Суперанской и др.]

Среди традиционных признаков научного понятия называют и такие: оно входит в состав той или иной теории, является единицей той или иной классификации. Например, научное понятие *заработная плата* входит в теорию добавочной стоимости, является гипонимом для понятия *национальный доход*, гиперонимом для понятий *сдельная заработная плата*, *повреждённая заработная плата*.

Научные понятия имеют специфические приёмы образования: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, идеализация.

Каждый из рассмотренных типов ментальных единиц является элементом наивной или научной картины мира. Концепт в лингвокультурологической интерпретации — категория, связывающая фрагменты как научной, так и наивной картин мира. Так, концепт «Труд» включает в свой состав представления, культурные установки, идеологемы, стереотипы, обыденные и научные понятия, что обусловлено признаками культурно-исторической детерминированности и содержательной целостности концепта. Как наивные, так и научные ментальные единицы могут участвовать в концептуализации одного и того же фрагмента идеосферы. Кроме этого, как мы могли видеть, из представлений могут развиваться научные понятия.

Рассмотренные ментальные единицы характеризуются особой значимостью для человека, социума, лингвокультурной группы, всего человечества в целом. Значимость представлений, культурных установок, стереотипов и проч. состоит в том, что они играют роль идеалов, эталонов, принципов, с учётом которых тот или иной субъект регулирует своё поведение. В зависимости от того, какой субъект культивирует ценности, их можно дифференцировать как личностные, социальные, национальные, общечеловеческие.

Так, для героя Б. Н. Полевого Захарыча ценность представляют профессиональные умения, которые требуют от человека веры и полной самоотдачи: *«Профессия – она вещь святая! В неё, брат, верить надо»* (Б. Н. Полевой «Вклад»).

Для иллюстрации социальных ценностей приведём отрывок из очерка Г. И. Успенского «Власть земли», где сопоставляются ценности петербургского интеллигента и крестьянина: *«Вам, например, петербургскому интеллигентному чиновнику, жизнь не так легка: вы работаете в министерстве до пяти часов подённую, чтобы заработать средства к жизни... Жизнь для вас — особь статья: Сара Бернар, Зембрих, почести, политика. ...Вы в департаменте совсем другой, чем дома или в театре. А крестьянин-земледелец везде один и тот же: он трудится и живёт интересами этого же тру-*

да...Результат вашей жизни, положим, хоть плотная банковая книжка; банковая книжка пахаря тут же всегда с ним — в его радости, что вёдро, что овсы вязались шибко...Вам нужен кабинет — для себя, салон — для общества, классная для детей ...для пахаря-мужика нужна одна изба, потому что все живут одним — землёй...». Приведённый отрывок отчётливо освещает ценности чиновника: деньги, квартира, должность и проч. — и крестьянина: погода, урожай, земля.

Итак, в лингвокультурологическом понимании **концепт** — это ментальная макроединица, которая структурируется представлениями, научными и обыденными понятиями, культурными установками, идеологиями, стереотипами. Рассмотрим специфику концепта как ментальной единицы.

Определённая выше структура концепта даёт основания считать, что он совмещает в себе субъективное и коллективное, универсальное и национальное. Концепт — глобальное и многомерное ментальное образование. Он соединяет в себе конкретное и абстрактное, образное и безобразное, эмоционально-оценочное и рациональное.

Концепт характеризуется и содержательной спецификой. Если, например, для понятия применима интенционально-экстенциональная характеристика, то концепт не может быть охарактеризован с точки зрения его экстенционала. Человеческое мышление, в основе которого лежит «логика с нечёткой истинностью, нечёткими связями и нечёткими правилами вывода» [Бабушкин А. П.: 1996, 12] позволило говорить о нестрогости границ концепта. Нечёткость следует понимать как размытость, растяжимость экстенционала. Концепт выступает как содержание, не взятое в чёткие границы. Свойство открытости концепта определяет тот факт, что концепт нельзя точно смоделировать [Стернин И. А.: 2000, 14-15]. Даже детальное моделирование концепта всё равно что-то оставит неучтённым. Отсюда следует вывод, что концепт невозможно полностью охватить сознанием.

Размытость экстенциональной характеристики отчасти находит своё выражение в том, что концепт относится к тому типу ментальных единиц, который имеет множество языковых репрезентаций.

Несмотря на это, содержание концепта не находит полного выражения. Для его репрезентации привлекаются различные семиотические системы и разнообразные в структурном отношении знаки. Так, для репрезентации концепта «Труд» используются различные средства естественного языка (*страда; золотые руки; кто с агротехникой дружит — об урожае не тужит* и др.), язык живописи (картины А. Г. Вени-

цианова «На пашне. Весна», «На жатве. Лето», А. Архипова «Прачки», А. А. Платова «Ужин тракториста», Т. Н. Яблонской «Хлеб» и др.), кино (кинофильмы «Свинарка и пастух», «Высота», «Крестьяне», «Трактористы» и др.).

Таким образом, концепт есть не что иное, как идея, по Платону, неречевой (объективный) смысл, под которым следует понимать «...синкретический квант ментально-культурного пространства», — отмечают А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко [1998, 18].

Отсутствие экстенционала можно рассматривать как следствие динамичного, пульсирующего характера, открытости концепта. Это свойство обусловлено тем, что концепт постоянно пополняется знаниями, человеческое мышление классифицирует их с точки зрения актуальности: активизирует одни структуры, другие же отправляет в пассивный слой, что находит своё отражение в языке. Например, за последнее десятилетие утратили актуальность такие языковые единицы, как *колхоз*, *Герой Социалистического Труда*, *трудовая четверть* и др. Такие слова, как *бизнес-план*, *безработица*, *менеджер* вошли в активный пласт словарного состава. Таким образом, интенционал концепта представляет собой всю историю человеческой мысли по данной теме. Аспекты содержания концепта могут быть охарактеризованы как старые или новые, актуальные или неактуальные.

Интенционал концепта вступает в отношения «целое – часть» с интенционалами обыденных и научных понятий и представлений, культурных установок, идеологем. Например, интенционалы представления об урожае льна (хороший урожай предсказывался длиной проделанного донцем пути: оно спускалось с ледяной горы); культурной установки *не берись за дела, не владея его навыками*, стереотипа *женщины выполняют всю работу по дому*, объективированного словом *прогульщик* бытового понятия, репрезентированного терминосочетанием *разделение труда* научного понятия и мн. др. являются элементами интенционала концепта «Труд».

Исследования по культурологии, психоанализу, лингвистике, философии показывают, что существуют более сложные в аспекте содержания ментальные единицы – предельные понятия, архетипы, праобразы коллективного бессознательного [Юнг К.: 1992; Снитко Т. Н.: 1999]. **Архетип** представляет собой возможность возникновения тех или иных образов, представлений и проч., которые хранятся в подсознании индивида. К. Юнг указывал, что архетип – «...не врождённое представление, а врождённая возможность представления...», «априорные идеи», «регулирующие принципы формирования творчески оформленного мате-

риала» [1992, 116]. Архетипические структуры не обусловлены личным опытом, а наследуются человеком от предшествующих поколений. Инвариантность архетипических структур определяется значимостью их содержания, «проверенностью» многообразием практик ряда поколений. Содержанием архетипа является усреднённый тип психических реакций на окружающий мир.

Для данной ментальной категории характерен абсолютный экстенционал и интенционал, стремящийся к нулю. Архетипы создают своеобразную рамку для продуцирования или интерпретации концептов. Так, Т. Н. Снитко показывает, что при истолковании восточных, в частности русских концептов, следует исходить из признака целостности (в противовес западной аналитичности) [1999, 146]. Таким образом, архетипы, будучи своеобразными культурными константами, выполняют культуурообразующую функцию [Алефиренко Н. Ф.: 2002, 73].

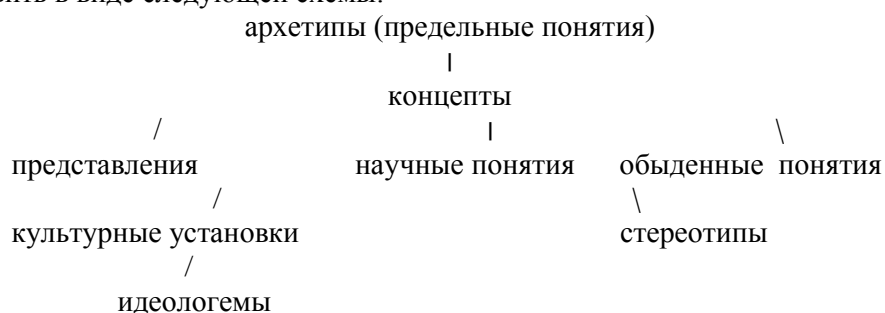
К архетипическим представлениям, лежащим в основе концептуализации труда, в частности, относится жизнеобеспечивающая ценность данного вида деятельности, осмысление атрибутов трудовой деятельности в образах животного, человека, предмета и др.

Если концепты структурируют картину мира, соотносятся с миром вещей, то архетипы (предельные понятия) «держат», представляют его как целое, что позволяет определить их семантику как безденотатную.

Специфика репрезентации предельных понятий заключается в том, что они не находят прямого отражения языковыми средствами.

Итак, концепт по отношению к представлениям, наивным и научным понятиям, культурным установкам, идеологемам, стереотипам выступает как макроструктура. Эти единицы — части, точнее, строевые элементы концепта. В свою очередь, концепт находится в зависимости от архетипов.

Соотношение рассмотренных ментальных категорий можно представить в виде следующей схемы:

Рассмотренные мыслительные категории могут иметь тот или иной тип «ментальной упаковки». Входящие в концепт смыслы структурируются в виде гештальта, фрейма, сценария.

Тот или иной смысл может быть «упакован» в виде **концептуального гештальта**, под которым, вслед за Д. Лакоффом, понимается целостный образ, совмещающий в себе чувственное и рациональное [Лакофф, 1990]. Определение того или иного гештальта связано с выявлением базового образа (матрицы), который является общим для ряда внутренних форм языковых единиц, репрезентирующих один и тот же концепт. Например, понимание работы в русском сознании опирается на образ человека. Работе присущи человеческие чувства, действия, особенности внешности: *работа дураков любит; в дальних краях ремесло кормит; работа молчит, а плеча крехтят; всякое дело мастера боится, а много и мастер бегают; дело учит, и мучит, и кормит; работа с зубами, а лень с языком*. Данный тип «упаковки» обычно актуален на начальных этапах познания, поскольку является, прежде всего, результатом пассивного, эмоционально-чувственного восприятия явления.

Под **фреймом**, вслед за М. Минским, Т. А. Ван Дейком, Ч. Филмором и др., мы понимаем социально обусловленную структуру знаний, представляющую тот или иной концепт (или его составляющую). Фрейм организует понимание и категоризует опыт, описывает то, что в данном обществе является типичным. Например, в пословице *либо трынка-волынка, либо прялка-моталка* отражено 2 фрейма: «трынка-волынка», в который включаются представления о досуге, гулянии, праздном времяпрепровождении, и «прялка-моталка», отражающем знания о работе. Паремия *дом не велик, да лежать не велит* отражает фрейм «дом», включающий в свой объем знания о ведении домашнего хозяйства.

Фреймы состоят из слотов. **Слот** (пустой узел) – это элемент фрейма, имеющий строго очерченный экстенционал, но не обладающий интенционалом. Это свойство слота позволяет идентичные виды знания включать в один фрейм. Иными словами, тот или иной слот в зависимости от ситуации заполняется переменными (конкретными данными той или иной ситуации). Например, фрейм «дом: домашнее хозяйство» можно представить в виде следующей структуры слотов: «ремонтные работы», «уборка», «стирка», «приготовление пищи», «уход за детьми», «содержание домашних животных» и проч. Понятно, что не все слоты данного фрейма могут быть заполнены. Например, Ф. А. Абрамов в рассказе «Деревянные кони», репрезентируя данный фрейм, указывает на не-

заполненность слота «уход за детьми»: «...Максим...довольно равнодушный к своему хозяйству, как большинство бездетных мужчин, в последний выходной не разгибал спины: **перебрал каменку в бане, поправил изгородь вокруг дома, разделал на чурки с весны лежавшие под окошками еловые кряжи...**».

В зависимости от объёма содержания структурируемого знания можно выделить гиперфреймы и гипофреймы (субфреймы). Так, к гиперфреймам можно отнести фрейм «Труд» (структуру данного фрейма см. ниже), к субфреймам — рассмотренные выше фреймы «дом», «прялка-моталка» и т. п.

Если фрейм или его слот репрезентируется словом, фразеологической единицей, паремией, его квалифицируют как **лингвистически релевантный**: *пахота, сенокос, тягловые повинности, мирская запашка, крутить баранку* (фрейм «труд водителя машины»), *бабе красна — мужику соха* (фреймы «прядание», «пахота»). Если репрезентация возможна только в форме текста — как **лингвистически нерелевантный** [Фесенко Т. А.: 1999]. Например, фрейм «выкладывание печей» является лингвистически нерелевантным, так как он не имеет однословных или устойчивых многословных репрезентаций и выражается только текстом. Например, частично он воплощается в рассказе А. Т. Твардовского «Печники». Релевантность / нерелевантность слота / фрейма говорит о степени его актуальности для сознания говорящих, поскольку наличие в языке той или иной языковой единицы свидетельствует о постоянной потребности у членов лингвокультурной общности или социума репрезентировать те или иные смыслы.

Тесно связаны с фреймом сцены, сценарии и скрипты. Все перечисленные виды концептуальной «упаковки» обусловлены понятием ситуации. **Ситуация** предполагает систему внешних по отношению к субъекту условий. Те или иные ситуации отражаются в нашем сознании в виде образов (пропозиций, картин), где можно рассмотреть участников ситуации, их функции, обстоятельства, в которых разворачивается ситуация. Совокупность выделенных компонентов образует **сцену**. Сцены, следуя одна за другой, развиваются по определённому **сценарию**. Стереотипный, типичный сценарий называют **скриптом**. В качестве примера языковой репрезентации скрипта можно привести пословицу: *на Семён день до обеда паши, а после обеда пахаря и вальком погоняй; сей рассаду до Егорья, будет щей вдоволь*. Так, первая паремия отражает сценарий Семёнова дня (1 сентября), дня, который по старому стилю был началом нового года. В этот день завершались работы в поле: заканчивался сбор урожая, озимый посев. С этого дня обычно начинали

в избе зажигать огонь. По Семёнову дню предсказывали осеннюю погоду. Он открывал период женских работ (бабьего лета): засолку огурцов, раскладывание льна и подобное. Всё это заставляло русского крестьянина придавать этому дню особое значение, считать его точкой отсчёта нового периода жизни. Указанная совокупность информации формировала фоновые знания главного участника этого сценария — русского мужика-хозяина. 1 сентября, на Семёнов день, ему нужно было до обеда закончить полевые работы (первая группа следующих друг за другом сцен, эксплицируемых в пословице) и отпустить наёмных работников (вторая группа сцен). Регулярность данного сценария придала ему стереотипный характер, то есть перевела в ранг скриптов.

Скрипты и сценарии отражают национальную специфику концептуализации тех или иных категорий. Во-первых, набор и порядок следования сцен в разных культурах не всегда совпадает. Например, репрезентация смысла «прилагать излишнее старание к простому делу» в русском языке осуществляется средствами вербализации сценария «открывать ларец», а в английском — «есть вишню»: *а ларчик просто открывался / to make two bites of a cherry* (съесть вишню, раскусив её на две половинки). Во-вторых, воспроизводимость того или иного сценария говорит о соответствии его стереотипам, культурным установкам, сложившимся в обществе ценностям.

Концепт «Труд» может быть представлен и как фрейм, и как сценарий. Для того чтобы максимально точно воспроизвести все слоты и сцены, обратимся к энциклопедическим и лингвистическим (обыденным) дефинициям, ключевых слов, репрезентирующих данный концепт — *деятельность, работа, дело, труд*.

Под *деятельностью* психологи понимают: «...динамическую систему взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализация опосредованных им отношений субъекта в предметной деятельности» [Психологический словарь: 1990, 101]. Таким образом, обязательными условиями деятельности является наличие субъекта, мира (объекта), взаимодействий между данными субстанциями. Среди множества человеческих практик (деятельностей) центральное место занимает трудовая деятельность. Философское (энциклопедическое) определение трудовой деятельности таково: «Целесообразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует её в целях создания потребительских стоимостей, необходимых для своих потребностей...» [БСЭ: 1977. Т. 26, 322]. Таким образом, в научной картине мира трудовую деятельность отли-

чают следующие составляющие: целесообразность, осуществление человеком, наличие орудий труда, воздействие на объект, получение результата, причинность.

Дефиниции ключевых слов концепта «Труд» в толковом словаре, имеют следующее содержание:

- **работа** «осуществление какой-либо деятельности, действие по глаголу *работать*». Ср.: **работат** «заниматься каким-либо делом, трудиться». Ср.: **трудиться** «заниматься каким-либо трудом, делом, работать»;
- **дело** «занятие, работа, труд». Ср.: **занятие** «дело, труд, работа»;
- **труд** «процесс воздействия человека на природу, человеческая деятельность, направленная на создание материальных и культурных ценностей».

Для полноты картины приведём значения ещё нескольких глаголов, указывающих на процесс трудовой деятельности:

- **делат** «создавать обычно с помощью различных инструментов, специальных приспособлений, машин и т. п. различного рода предметы, вещи, изделия, изготавливать, производить»; в свою очередь;
- **изготовит** означает «сделать при помощи инструментов, каких-либо приспособлений, машин; выработать»;
- **производит** – «сделать, совершить».

Указанные толкования отражают наивное понимание мира.

Компонентный анализ приведённых толкований позволяет установить набор обязательных эксплицитных или имплицитных сем для языковых единиц, репрезентирующих концепт «Труд»: «цель», «процесс», «человек», «орудие труда», «изделие», «материал», «созидание».

Мы уже говорили, что моделирование концепта весьма относительно, поскольку даже при самом тщательном конструировании что-то остаётся неучтённым. В то же время эта процедура необходима для решения задачи описания концепта. Концепт «Труд» может быть представлен в виде фрейма. Анализ словарных дефиниций, а также выделенный семный набор, опора на здравый смысл (что допустимо для описания наивной картины мира, по В. Н. Телия [1996, 262]), дают данные для экспликации слотов этого фрейма:

- планирование деятельности, целеполагание;
- желание vs. нежелание работать;
- причины деятельности;
- способность к труду;
- объём работы;

- экономическая ценность работы;
- сложность работы;
- процесс, его фазы: начальная, срединная, конечная;
- виды трудовой деятельности;
- исполнитель деятельности (возрастная, гендерная, специальная, морально-этическая, национальная, физическая, социальная характеристики);
- морально-этическая оценка трудовой деятельности;
- социальная характеристика трудовой деятельности;
- время протекания процесса;
- место протекания процесса;
- способ осуществления деятельности;
- качество осуществляемой деятельности;
- мера (интенсивность) осуществляемой деятельности;
- средства осуществления деятельности (ручные vs. неручные, механические vs. немеханические, специальные vs. неспециальные, основные vs. дополнительные);
- материал, из которого что-либо производится (хороший vs. плохой, естественный vs. искусственный, дорогой vs. дешёвый);
- изделие (его качество, объём, форма, ценность);
- вознаграждение (материальное vs. моральное);
- функции трудовой деятельности;
- результаты труда.

Сценарная структура данного концепта выглядит следующим образом:

- подготовка к работе (замысел, планирование, подготовка рабочего места, материалов, инструмента);
- начальная фаза работы;
- внесение коррективов в планы;
- срединная фаза работы;
- отдых во время работы;
- конечная фаза;
- завершение работы;
- отдых после работы;
- оценка качества и результатов трудовой деятельности;
- получение вознаграждения.

Как видим, концепт «Труд» имеет достаточно сложную «параметризацию», что свидетельствует о его значимости в русской лингвокультуре.

турной общности. «Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него «параметров», тем больше он «параметризован» [Степанов Ю. С.: 2001, 697].

Лингвокультурологический подход к концепту отличается от взглядов когнитологов, рассматривающих фреймы, сцены, гештальты и проч. как способ структурирования содержания всего концепта и выделяющих на этом основании концепты-фреймы, концепты-гештальты, концепты-сценарии и др. (См. работы А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева, З. Д. Поповой, И. А. Стернина и др.). Многомерность лингвокультурологического концепта, структурируемого более простыми смыслами – научными и обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, идеологемами, стереотипами – позволяет установить, что каждый из этих смыслов избирает ту или иную форму репрезентации.

Таким образом, процессы категоризации на концептуальном уровне включают в себя оформление экстенционалов ментальных единиц, связаны с структурированием их интенционалов и обусловлены многообразием человеческих практик, а значит, имеют культурно маркированный характер.

В ходе рассмотрения единиц, структурирующих концепт, указывалась их культурная релевантность: представления, культурные установки, идеологемы, стереотипы, наивные понятия имеют обычно культурно маркированную семантику, научные понятия – универсальны. Культурная специфика ментальных единиц может выражаться и в особенностях концептуальной категоризации. Это означает, что концепт может включать в свой интенционал как культурно релевантные, так и нерелевантные смыслы.

Логика исследования приводит нас к необходимости рассмотрения вопроса культурных аспектов языковой репрезентации и категоризации.

1. 2. Культурная маркированность процессов языковой репрезентации и категоризации знания в русском языке

Многообразие ментальной информации, заключённой в концепте, может находить, как уже говорилось, свою презентацию разными семиотическими системами. Выбор той или иной семиотической сферы, структурного типа единицы для репрезентации обусловлен особенностями содержания знания.

Культурно маркированное концептуальное содержание может отражаться средствами языка живописи, музыки, скульптуры и проч. На-

пример, идея взаимосвязи свободного труда крестьян и рабочих воплощается в композиции скульптуры В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница». Соединение серпа и молота, фигуры мужчины и женщины лаконично и ёмко репрезентируют идею, которая могла найти наилучшее выражение только средствами языка скульптуры. Скульптура способна максимально точно отразить концептуальное содержание, создать не только зрительный образ, но и сформировать ощущение динамичности, непосредственности, очевидности.

Картина Т. Н. Яблонской «Хлеб» отражает торжество свободного коллективного механизированного труда. В языке живописи основным средством выражения является цвет. Преобладание в анализируемой картине золотисто-жёлтого цвета, цвета урожая, переводит восприятие картины в положительный эмоционально-оценочный регистр, служит средством интенсификации художественных деталей и композиции картины в целом. Знаки нелингвистических семиотических систем образуют соотносительное референциальное поле для провербальных знаков. Например, с указанной картиной соотносятся паремии: *по-ударному работать, по-зажиточному жить; хороша нива только у коллектива; живи, не тужи — теперь нет межи; хороша доля с колхозного поля; ни межи, ни краю колхозному урожаю* и др., которые более чётко выражают оценку, актуализируют внимание на коллективном характере труда.

Совокупность фактов различных семиотических систем образует **симболярий культуры**. «Симболярий культуры – это совокупность знаков, означающими которых служат ... таксоны того или иного её кода, а означаемые обладают культурной семантикой» [Телия В. Н.: 1999, 21]. Так, совокупность репрезентаций культурного слоя концепта «Труд» образует его культурный симболярий.

Единицы культурного симболярия появляются и функционируют в том или ином **культурном тексте** — знаковом пространстве, неоднородном или однородном по своей семиотической природе. «Текст культуры – любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет ... место культурно маркированная деятельность...» [Там же, 20]. Культурный текст и является полем презентации культурного слоя концепта. Данное понятие редуцирует факт лингвистической выраженности. Так, скульптура И. Д. Шадра «Бульжник – оружие пролетариата», картина П. И. Котова «Красное Сормово», очерк Г. И. Успенского «Власть земли» и др. представляют собой культурные тексты, репрезентируемые одним из языков культуры – скульптуры, живописи, естественного языка. Более сложную природу имеют такие культурные тек-

сты, как кино, драматическая постановка, опера, обряд и проч. Для их презентации используется два и более языка культуры. Ю. М. Лотман отмечает: «...Культурный текст — многоязычное, многократно зашифрованное образование» [2000, 582].

Например, обряд шествия с плугом (авсень) репрезентируется системой артефактов, магических действий, пением заклинательных песен. Перед святками имитировали процесс пахания земли, при этом заклинали плуг, пели засевальные песни («*На счастье, на здоровье, на новое лето, роди, Боже, жито пшеницу и лукавую пашницу*»), поскольку русский крестьянин верил не столько в силу орудия, сколько в силу заклипания, которое могло заставить орудие делать то, что надо. Для выдуманного посева собирали зёрна со всех дворов. Считалось, что такая «подготовка» к посеву обеспечит хороший урожай.

Однако понятие культурного текста не исчерпывается границами того или иного произведения устного народного творчества, вида искусства. Текст культуры охватывает и в целом всё знаковое культурно маркированное пространство. То есть совокупность репрезентаций художественного (разных его форм), номинативного творчества составляет культурный текст. Так, группы культурно маркированных слов, фразеологических единиц, паремий, афоризмов, литературных, музыкальных, живописных и проч. произведений, выражающих идею труда, представляют собой культурный текст концепта «Труд». В поле зрения лингвокультурологических исследований попадают прежде всего тексты, имеющие проverbsальный характер.

Понятия *симболарий культуры* и *текст культуры* являются смежными. И культурный симболарий, и культурный текст представляют собой совокупность культурно маркированных знаков. Однако симболарий культуры включает в себя парадигматический аспект этой совокупности (перечни культурно маркированных знаков), а текст культуры — синтагматический, функциональный.

Культурно маркированные знаки в парадигматическом аспекте представляют собой **семиотические ряды**. В них входят знаки разных языков культуры: живописи, музыки, кино и, главного, естественного языка, — которые группируются по признаку общего ментального содержания. Интегральное концептуальное содержание, лежащее в основе семиотического ряда, организуется культурным кодом. Н. Ф. Алефиренко определяет **культурный код** в лингвoseмиотике культуры как «систему означивания, то есть сформированную стереотипами этнокультурного сознания конфигуративную совокупность знаков и механизмов их применения с целью осуществления двух взаимосвязанных

процессов: (а) образования и структурирования довербальных смыслов и (б) их вербализации в ходе обработки, преобразования, хранения и передачи внегенетической информации в рамках определённой коммуникативно-прагматической парадигмы» [2002, 61 — 62]. Таким образом, культурный код — это своего рода матрица, отражающая способ мышления, которая направляет, определяет содержание и формы ментальных и языковых репрезентаций. Культурный код выступает в роли знаковой реализации архетипических структур. В. В. Красных отмечает: «Культурный код понимается как сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека» [2002, 232]. Так, в культуре известны биоморфный, фетишный, анимический, акциональный и др. виды культурных кодов. Например, на концептуальном уровне биоморфный код находит своё отражение в гештальте, содержанием которого может стать образ домашнего или дикого животного, насекомого. Данный культурный код находит своё отражение в номинациях типа: *тягловой; тянуть воз; укатили сивку крутые горки; мал муравей, да горы ворочает*; в литературных образах басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей», повести Л. Н. Толстого «Холстомер», сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Коняга» и др.

В зависимости от принципа (синхронического или диахронического), положенного в основу выделения семиотических рядов, среди них можно выделить три типа.

1. Ряды, которые выделяются на одном временном срезе, — **парадигмы, стили эпохи.**
2. Ряды, которые отражают эволюцию концепта от эпохи к эпохе, — **эволюционные ряды.**
3. Ряды, которые выделяются по принципу панхронии, то есть без учёта хронологического фактора, — **ментальные изоглосы.**

Рассмотрим семиотические ряды разных типов.

1. Культурные парадигмы выделяются на одном временном срезе. Так, советский период представляет особую эпоху в развитии концепта «Труд». Один из семиотических рядов этого этапа представляет парадигма, имеющая общий гештальт «дорога»: *маяк индустриализации, рубежи пятилетки* и др. Этот же гештальт репрезентируется в картинах Б. Н. Яковлева «Транспорт налаживается», Ю. Н. Пименова «Новая Москва», песнях В. Г. Захарова «Вдоль деревни», «Дороженька» и др.

Культурные парадигмы эпохи организуются в первую очередь идеологемами, благодаря которым и становится возможным отделить одну эпоху от другой. Представления, упакованные в форму гештальта

«дорога», определяются действовавшей в то время идеологемой *молодое государство строит новую жизнь*. Дорога, по-видимому, и представляет тот путь, по которому можно прийти к достижению цели.

2. Эволюционные ряды реконструируются на диахроническом срезе. Они показывают становление и развитие концепта, эволюцию сознания, динамику культурных установок, идеологем, стереотипов. Указанная динамика представляет собой **эволюционный семиотический процесс**. В языковой системе данный процесс находит яркое отражение в функциональной семантике, когда названия одного предмета переходят на другой с опорой на функциональное сходство [Степанов Ю. С.: 1971, 139]. Так, одним из эволюционных рядов, характерных для концепта «Труд» является «человек → животное → машина как средство выполнения работы». Человек в процессе трудовой деятельности уподобляется животному, во многом облегчившему работу, а впоследствии машина уподобляется животному и человеку. Этот процесс отражён внутренними формами номинаций: *в одной упряжке, похваля клячу, да в соху; тяжарь* «земледелец». А. Платонов в повести «Сокровенный человек» показывает, как главный герой, машинист Пухов, воспринимает свою машину: *«день и ночь вращается машина – умная, как живая, неустанная и верная, как сердце»*. Герои рассказа И. Рахима «Мой друг Икрам» сравнивают трактор с конём: *«...мне нужна не конская статя, а работа коня...»*.

3. Тот или иной культурный код проявляется и в **ментальных изоглосах**: определённые тождественные смыслы находят своё выражение в разные промежутки времени и в разных культурах. Причём эти процессы носят непредсказуемый характер. Например, в разное время в разных культурах становятся социально значимыми мысли философов, писателей, общественных деятелей. Здесь мы имеем в виду мудрые мысли, ставшие в нашей культуре афоризмами. Творцами этих речений являются люди, жившие в разные эпохи. Однако между мыслителями существует связь, проявляющаяся в том, что они понимали что-либо одинаково. Ср.: *«Труд – отец удовольствия»* (Стендаль); *«Сознание плодотворности труда есть одно из самых лучших удовольствий»* (Л. Вовен Арг), *«Без труда нет наслаждения»* (А. Бебель).

Систематизация отношений между единицами культурного текста приводит к получению **тезауруса культуры**. «Тезаурус культуры – это таксонимическое представление концептуального содержания текста» [Там же, 20]. Тезаурус культуры по отношению к текстам культуры является неким инвариантом, конструктом, представляющим собой абстрактную модель действительности. В этом смысле понятие тезауруса

культуры синонимично понятию концептуальной картины мира, под которой мы вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным понимаем совокупность смыслов, «получаемых в результате прямого познания сознанием окружающей действительности» [2002, 4]. Таким образом, тезаурус культуры включает в себя не только объективную модель мира, но и ту или иную аксиологическую иерархию. Представление тезауруса концепта «Труд» связано с его моделированием, реконструкцией семиотических рядов, системы ценностей.

Итак, лингвокультурология рассматривает прежде всего провербальные культурно значимые единицы. В русском языке культурно релевантные смыслы репрезентируются посредством языковых единиц, их значений, значимостей (в понимании Ф. де Соссюра).

Репрезентация тех или иных смыслов переплетена с процессами языковой категоризации. Возникший знак включается в систему языка, тем самым связывается различными типами отношений с другими знаками, принимает участие в формировании языковых категорий. Например, возникший в последнее десятилетие словесный знак *бюджетник* «работник учреждения, находящегося на бюджетном финансировании» вступает в гиперо-гипонимические отношения со словом *работник*, в синонимические – со словом *служащий*, в антонимические со словами *коммерсант*, *бизнесмен*, *хозрасчётник*. Данное слово, наряду с другими, участвует в формировании лексико-семантической категории «Характеристика человека, включённого в трудовую деятельность, с точки зрения источника получения платы за труд». Таким образом, процесс языковой категоризации имеет своим результатом включение языковых единиц в систему языка — языковые картины мира.

На языковом уровне различают лексическую и грамматическую категоризацию. Предметом нашего исследования являются процессы лексической и фразеологической категоризации. Лексическую категоризацию можно представить в двух видах: как семантическую и структурно-семантическую. Продуктами семантической категоризации являются значение единицы, парадигматические (лексико-семантические группы, синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические, партонимические парадигмы) и эпидигматические значимости и категории. Так, возникшее в конце 20 века слово *бизнесвумен*, имеющее фиксированный состав сем: «женщина» «бизнесмен», «деловая» и др., на основании типизированных семантических отношений (полное или относительное тождество; род – вид и др.), функций сформировало синонимическую: *бизнесвумен* – *бизнеследи*, *бизнесменка*, *бизнесменица*; антонимическую: *бизнесвумен* – *бизнесмен*; *бизнесвумен* – *домохозяйка*; гиперо-

гипонимическую: *бизнесвумен* – *бизнесмен* – категории. Лексические категории могут быть культурно маркированными. Так, рассматриваемый пример свидетельствует об актуальности для русского языкового сознания гендерной дифференциации обыденного понятия «бизнесмен», о чём говорит антонимическая парадигма. Пристальное внимание со стороны лингвокультурной общности к женщине, занимающейся бизнесом, эксплицирует число членов в синонимической парадигме.

Структурно-семантическая категоризация тесно связана с процессами номинации. Её результатами являются различные по структуре, воспроизводимые единицы: слова, фразеологизмы, паремии, афоризмы. Характер концептуальной информации определяет специфику структурно-семантической категоризации. Характерно, что каждый культурный страт (тип культуры) имеет свои преимущественные формы вербальной репрезентации. Так, концептуальная система народной культуры отражается преимущественно пословицами и фразеологизмами, элитарная – афоризмами и т. п. А. В. Кравченко по этому поводу отмечает: «...разные типы знаков, будучи членами единой репрезентативной системы, с необходимостью отражают определённые аспекты концептуальной картины мира, или знание о мире» [1999, 6].

Концепт «Труд» вербализуется различными с точки зрения способа номинации (прямыми и косвенно-номинативными) и структуры (расчленёнными и нерасчленёнными) языковыми единицами [Телия В. Н.: 1977, 130].

Так, афоризмы репрезентируют такие аспекты концепта, как характер труда (умственный vs. физический, настоящий vs. ненастоящий): *«Телесный труд не только не исключает возможность умственной деятельности, не только улучшает её достоинство, но и поощряет её»* (Л. Н. Толстой); *«Настоящий труд – всегда тихий, равномерный, незаметный»* (Л. Н. Толстой); объединяющая функция труда: *«В труде лежит тайна возможности совместного существования группы людей»* (А. И. Клизовский); формирующая функция труда: *«Труд создал самого человека»* (Ф. Энгельс). Эти аспекты не находят своего выражения другими структурными типами единиц.

Способы номинации могут указывать на степень развития языкового сознания. Так, на ранних этапах развития производства наиболее активны способы не прямой косвенной номинации (в частности метафоризации) и внутреннего заимствования, которые отражают работу наивного сознания, на более поздних – составной терминологизации, являющейся следствием классификационности научного сознания. Ср.: *ямочки, конюшки /слуховая настройка сточенных язычков.*

Отразим особенности вербализации слотов гиперфрейма «Труд» в таблице. В виду того, что учесть абсолютно все вербальные репрезентации невозможно, на что указывали В. Н. Телия [1996], З. Д. Попова, И. А. Стернин [2001], отразим лишь тенденции в процессах объективации смыслов анализируемого концепта. Знаком «▲» мы отметим языковую объективацию слота, знаком «+» — продуктивный характер данного процесса. Продуктивность процесса вербализации нами устанавливается на основании количественного аспекта номинаций. Объектом исследования стали: около 3 000 слов с прямым значением (столбец № 1), около 2 000 составных наименований с прямым значением (столбец № 2), около 1 500 слов с переносным значением (столбец № 3), около 200 фразеологических единиц (столбец № 4), около 600 паремий (столбец № 5), около 300 афоризмов (столбец № 6), то есть всего около 7 600 единиц. (Тёмным фоном выделены типы единиц с прямономинативным значением).

Структурно-номинативная специфика вербализации слотов гиперфрейма «Труд»

Таблица 1

Название слота	1	2	3	4	5	6
Планирование деятельности, целеполагание	▲	▲	▲	▲	▲	▲
Желание vs. нежелание делать			▲	▲	+	▲
Причины деятельности					▲	+
Объём работы		▲	▲	▲		
Экономическая ценность работы					+	▲
Сложность работы		▲	▲	▲		
Процесс деятельности	+	▲	▲	+	▲	▲
начальная фаза процесса деятельности	▲			▲	▲	▲
срединная фаза процесса деятельности		▲				
конечная фаза процесса деятельности	▲	▲		▲	▲	
Виды трудовой деятельности	+	▲			▲	▲
Исполнитель деятельности	▲	▲	▲	▲	▲	▲
возрастная характеристика исполнителя деятельности		▲				▲
гендерная характеристика исполнителя деятельности	+				▲	▲
специальная характеристика исполните-	+			+	+	

ля деятельности						
морально-этическая характеристика исполнителя деятельности		▲		▲	▲	
национальная характеристика исполнителя деятельности	▲	▲			▲	
физическая характеристика исполнителя трудовой деятельности				+	▲	▲
социальная характеристика исполнителя деятельности	▲	▲	▲			▲
Морально-этическая оценка трудовой деятельности		▲		▲	+	+
Социальная характеристика трудовой деятельности		▲			▲	▲
Время протекания процесса трудовой деятельности		▲		▲	▲	▲
Место протекания процесса трудовой деятельности	▲	▲	▲		▲	
Способ осуществления деятельности	▲	▲	▲	+	▲	▲
Качество осуществляемой деятельности	▲	▲	▲		▲	
Мера (интенсивность) осуществляемой деятельности			+	+	▲	▲
Средства осуществления деятельности	▲	▲	▲		▲	
ручные vs. неручные	+	+				
механические vs. немеханические	+	+				
специальные vs. неспециальные	+	+			▲	
основные vs. дополнительные	+	+				
Материал, из которого что-л. производится	▲	+			▲	
хороший vs. плохой		▲			▲	
естественный vs. искусственный		▲				
дорогой vs. дешёвый						
Изделие / Результат труда	+	+			▲	
качество изделия		▲			▲	
объём изделия						
форма изделия		▲	+			
ценность изделия					▲	

Вознаграждение	▲	▲	▲		▲	▲
материальное вознаграждение	▲	▲	▲		▲	▲
моральное вознаграждение	▲	▲			▲	▲
Функции трудовой деятельности		▲			▲	+

Как видно из приведённой таблицы, наибольшее число слотов репрезентируют прямые расчленённые номинации, а наименьшее — косвенные нерасчленённые. Полная картина охвата слотов выглядит так: прямые нерасчленённые номинации — 23 из 44 слотов, прямые расчленённые — 35, косвенные нерасчленённые — 14, фразеологические — 15, паремические — 30, афористические — 21 слот.

Широкое использование прямой расчленённой номинации определяется когнитивной универсальностью данного способа. С одной стороны, данный способ объективирует неактуальные для лингвокультурной общности смыслы, с другой — наиболее актуальные, отражающие этапы классификации. Ср.: *станок для ввинчивания опок; трудовое соглашение // молот рубильный, битильный, сварильный, разымальный, выправляльный.*

Наиболее важными для русской лингвокультурной общности оказываются слоты: «Планирование деятельности, целеполагание», «Процесс деятельности», «Исполнитель деятельности», «Способ осуществления деятельности», «Вознаграждение»: они репрезентируются всеми возможными структурно-семантическими типами единиц. Например, *«Каждый труд должен быть обоснован. Цель его должна быть ясна»* (Н. К. Рерих); *«Если есть человек праздный, то есть другой человек — трудящийся через силу»* (Л. Н. Толстой); *«Всякое дело не идёт без настойчивости и любви»* (И. П. Павлов); *семь раз отмерь — один раз отрежь; умел начать — умеи и окончить; кто труд любит без дела не остаётся; кто рано засеивает, тот семян не теряет; трудовая копейка впрок идёт; везти воз; маг и волшебник; щёлкать как семечки; мейкануть «сделать что-л.»; навоз «колхозник»; зряплата «зарплата»* и др.

Напротив, менее актуальны слоты «Срединная фаза процесса трудовой деятельности», «Ценность изделия». «Дорогой vs. дешёвый материал», «Объём изделия».

Характерно, что при репрезентации ряда слотов, избираются только способы прямой номинации или только косвенной номинации.

Так, объективация слотов «Ручные vs. неручные средства осуществления деятельности», «Механические vs. немеханические средства осуществления деятельности», «Основные vs. неосновные средства осуществления деятельности», «Естественный vs. искусственный материал» производится непосредственно, прямо: *скаленицы* «узор на бумаге, который используют при кружевоплетении»; *сбивальник* «стамеска в колёсном промысле», *пенька трёпаная*. Это объясняется, во-первых, тем, что перед именуемым субъектом стоит задача только обозначить явление, не выражая к нему своего отношения; во-вторых, тем, что данные явления относятся к специальной сфере, требующей однозначной, терминологической номинации.

Характерно, что прямая нерасчленённая номинация продуктивна при репрезентации смыслов, входящих в слоты «Процесс деятельности», «Виды трудовой деятельности», «Гендерная характеристика исполнителя деятельности», «Специальная характеристика исполнителя трудовой деятельности» и др. Данные смыслы актуальны для русской лингвокультурной общности и находят лингвистически релевантное выражение: *клёпка, осаживание, раскрой, штамповщица, упаковщица, крановщик* и др.

Видовое разнообразие средств осуществления деятельности, изделий, материалов, являющееся результатом работы технической мысли, обуславливает продуктивность способа прямой расчленённой номинации: *резец гладильный / обивальный, самовар гранный / гладкий, лайка отделочная / уплотнительная* и др.

Напротив, слоты «Желание vs. нежелание делать», «Причины деятельности», «Экономическая ценность работы», «Физическая характеристика исполнителя трудовой деятельности», «Мера (интенсивность) осуществляемой деятельности» подвергаются образной номинации: здесь перед языковой личностью стоит задача не столько обозначить явление, сколько выразить своё отношение к нему: «...ассоциативно-образное представление ... выступает как эмоциогенный «катализатор» для вынесения X-у эмотивного приговора...» [Телия В. Н.: 1991, 20].

Косвенная нерасчленённая номинация продуктивна при репрезентации смыслов, указывающих на интенсивность осуществления деятельности, формы изделия: *ишачить, вкалывать, щёчка* «головка ключа», *жилки* «украшения музыкального инструмента» и др.

Фразеологизмы широко используются при именовании процесса деятельности, его меры и способа, специальной характеристики исполнителя: *расхлёбывать кашу, тянуть ярмо, вытягиваться из последних сил, рука набита, как без рук* и др.

Паремии как репрезентации народных жизненных прескрипций манифестируют концептуальные аспекты, связанные с желанием vs. нежеланием выполнять дело, экономической ценностью работы, её морально-этической оценкой, специальной характеристикой исполнителя деятельности: *была бы охота — заладится всякая работа; глубже папешь — веселей пляшешь; труд — дело чести; у кого больно чист инструмент, тот плохой мастер; нажил — чирый на боку* и др.

Афоризмы, будучи основным рупором элитарной культуры, служат репрезентации смыслов, указывающих на причины деятельности, её морально-этическую оценку и функции: «*Труд будит в человеке творческие силы*» (А. Н. Толстой); «*Труд не есть добродетель, но необходимое условие добродетельной жизни*» (Л. Н. Толстой); «*Свободный труд нужен человеку сам по себе, для развития и поддержания в нём чувства человеческого достоинства*» (К. Д. Ушинский) и др.

Таким образом, в процессах объективации смыслов концепта «Труд» наблюдается тенденция в распределении «сфер влияния» между структурно-семантическими единицами разных типов. Специфика вербализации тех или иных смыслов, структурирующих концепт, имеет когнитивную основу. С. Шаумян отмечает: «...средства выражения и то, что они выражают, взаимосвязаны и дополняют друг друга. Никакое значение не существует отдельно от структуры знака» [2001, 160].

Любой тип концептуальной информации может быть репрезентирован и подведён под ту или иную категорию. Та или иная культурно маркированная языковая единица может соотноситься как с референтом, так и с идеей. Поэтому процесс категоризации культурной информации имеет по меньшей мере два вида.

Первый вид, когда языковая единица имеет референциальную соотнесённость, использует традиционную модель лексической категоризации. Например, культурно маркированный смысл «крестьянин, освобождённый от уплаты подати за землю» репрезентируется словом (структурный аспект лексической категоризации) — субстантивированным существительным *белопашенный*. Данное слово входит в лексико-тематическую категорию «Земледельцы», формирует антонимическую: *белопашенный* — *тягловой*, синонимическую: *белопашенный* — *бестяглый, нетяглый*, гиперо-гипонимическую: *белопашенный* — *земледелец* категории.

Культурно маркированные языковые единицы, соотносящиеся только с миром идей (второй вид категоризации культурной информации), имеют две ступени категоризации. На первой ступени тот или иной смысл воплощается в значение языкового знака: он оформляется в

виде коннотации. На втором этапе данный знак функционирует как тот или иной культурный эталон, символ. При этом культурно маркированная языковая единица становится константой, универсалией для лингвокультурной группы.

Этапы категоризации этого вида разделены большим временным промежутком, поскольку процессы эталонизации, символизации связаны с длительной работой коллективного сознания, отражающего генезис культуры. Наша точка зрения противоречит мнению Т. З. Черданцевой, считающей, что символы и коннотации не имеют ничего общего [Черданцева Т. З.: 1988, 91]. По-нашему мнению, символическое значение рождается именно из коннотативного. Проиллюстрируем это положение примером.

Так, использование русской лингвокультурной общностью слова *мозоль* «утолщение кожи на кистях или руках от трения или давления» в составе фразеологических единиц, паремий, в текстах: *мозолить руки; когда сеют да жнут, не глядят, что мозоли жгут; нам бы так пахать, чтоб мозоли не набивать; мозолистые руки не знают скуки; «Сегодня я вдруг понял, что не только топор да нож мастера этой красоты. Главную-то обточку и шлифовку все эти трепала, серпы, пестери, соха ... прошли в поле и на пожне. Крестьянские мозоли обкатывали и полировали их»* (Ф. А. Абрамов «Деревянные кони») порождает коннотации «при выполнении тяжёлого труда», «от постоянного труда» у данного слова. Это первый этап культурной категоризации. На втором этапе коннотации данного слова меняют свой статус: переходят в зону денотации; данное содержание для членов языкового коллектива становится культурной константой, символом тяжёлого, постоянного труда.

Предлагаемая нами точка зрения подкрепляется и мыслями А. В. Кравченко об особенностях формирования символических значений: «...Появление всякого символа возможно лишь через переосмысление и модификацию уже существующих знаковых отношений между различного вида эмпирических сущностей» [2001, 107].

Формирование языкового символа *мозоль*, с одной стороны, обусловлено культурными смыслами, что находит своё отражение в коннотациях слова, с другой – сам символ становится элементом материальной культуры.

В результате такого интерактивного взаимодействия языка и культуры, двух семиотических систем, культурная информация кодируется языковыми средствами, а языковые знаки получают способность выполнять функцию знаков культуры [Телия В. Н.: 1999 б, 14]. Воплощение

языка в культуру осуществляется посредством языковых стереотипов, квазиэталонов, квазисимволов, культурно маркированных языковых единиц, эксплицирующих в полном виде культурные установки. Таким образом, вербальные знаки формируют, с одной стороны, языковые, с другой – культурные категории.

Рассмотренные культурные разновидности языковой категоризации представляют собой составляющие культурно-семиотического процесса.

Как уже говорилось ранее, проявлением культурно-семиотического процесса являются семиотические ряды. Лингвистическую разновидность семиотического ряда будем называть **лингвосемиотическим рядом**: *как вол; как лошадь; кляча; коняга; в одной упряжке; тянуть лямку; похваля клячу, да в соху; вола зовут не пиво пить, а хотят на нём воду возить* и др. Разновидностью эволюционных лингвосемиотических рядов можно считать, например, историческую динамику семантической структуры многозначного слова. Лингвосемиотические ряды в синхронном аспекте (парадигмы эпохи) могут быть представлены, например, синонимическим рядом. (Анализ подобных рядов см. в главе 3). Члены одного лингвосемиотического ряда являются представителями абстрактной лингвокультурологической единицы — лингвокультурема [Воробьев В. В.: 1996].

Лингвокультурема отражает результаты взаимодействия двух семиотических систем – языка и культуры, а значит, неоднородна по своей сущности. Этот факт определяет сложность семиотической природы лингвокультурема.

Рассмотрим знаковую природу лингвокультурема. Означаемое лингвокультурема включает элементы культурной и языковой парадигм, то есть может быть представлено в виде бинарной структуры, частями которой является культурное означаемое и языковое означаемое.

Сущность культурного означаемого составляют культурные установки, идеологемы, стереотипы. Культурное означаемое лингвокультурема, представленной приведённым лингвосемиотическим рядом, составляет культурная установка *не выполняй непосильную работу* и стереотип *обычный русский человек очень много трудится*.

Языковым означаемым является один или несколько блоков значения. В центре означаемого лингвокультурема находится культурный семантический компонент, отражающий интерпретацию того или иного блока значения теми или иными культурными установками, идеологемами, стереотипами. Языковое означаемое описываемой лингвокультурема представляют следующие компоненты:

- базовый языковой образ, репрезентирующий гештальт «домашнее тягловое животное», который соотносится с указанным стереотипом: обычный русский человек работает столько, как если бы был домашним тягловым животным;
- интенсификация значения, являющаяся результатом культурной интерпретации образа: если человек выполняет ту же работу, что и животное, он очень много работает;
- отрицательная оценка, отражающая итоги соотнесения культурной интерпретации внутренней формы с культурной установкой *не выполняй непосильную работу*;
- эмотивность неодобрения, которая является результатом культурной интерпретации образа и оценки и выражается в типовой эмоциональной реакции на данные знаки: когда используют приведённые языковые единицы, испытай эмоцию неодобрения.

Таким образом, культурное и языковое означаемое взаимосвязаны. Эта взаимосвязь эксплицирует взаимодействие системы языка и культуры.

Семиотический ряд может соотноситься с одним или несколькими культурными кодами. Это означает, что лингвокультурема отражает тот или иной код культуры. В нашем случае лингвокультурема отражает биоморфный культурный код.

В одну лингвокультурему могут входить языковые единицы, соотносящиеся с разными кодами культуры. Так, паремии: ***бобы не грибы: не посеяв, не взойдут / масло само не родится*** — имеют тождественное денотативно-сигнификативное содержание «чтобы получить результат, нужно потрудиться», но восходят к разным кодам культуры — биоморфному и антропоморфному соответственно. Ср. также: ***заржавеет у дела*** (фетишный код) / ***завалиться за делом*** (акциональный код); ***корооче насечь, легче везть*** (акциональный код) / ***каково руки родят, таково плеча носят*** (антропоморфный код) и др.

Означающее лингвокультуремы представлено системой возможных для репрезентации данного смысла языковых единиц, отношений между ними. Языковое означаемое рассматриваемой лингвокультуремы репрезентировано словами, фразеологическими единицами, паремиями.

Таким образом, знаковая специфика лингвокультуремы проявляется в том, что имеет инвариантное означаемое и вариативное означающее.

Лингвокультурема соединяет и культурную, и языковую семиотические системы. Это находит своё отражение в том, что, с одной стороны, культурная информация воплощается в одном из блоков значения, с

другой – тип культурно значимых языковых единиц репрезентирует, предопределяет, охраняет культурно значимые способы поведения. На это свойство культурно маркированных единиц обратил внимание ещё В. фон Гумбольдт: «Обратное действие языка тем определённое, что через него всё созданное народами в прошлом воздействует на индивида. Влияние характера языка на субъективный мир неоспоримо» [1984, 105].

Помимо категоризирующей, важнейшими функциями лингвокультуры являются связующая (осуществляет связь языка и культуры); кумулятивная (является средством хранения культурной информации в языке), моделирующе-гносеологическая (отражает и определяет сценарии поведения человека в культурном пространстве).

Таким образом, результатом процессов репрезентации и категоризации являются языковые картины мира, отражающие системы ценностей, действующие культурные коды. Если процессы языковой репрезентации связаны с выражением смысла, внедрением его в «тело» того или иного знака, то процессы категоризации – с его «размещением», «языковой пропиской» (сравнение В. Н. Телия), включением в языковую систему. Культурные аспекты репрезентации проявляются в том, как воплотился в знак (обозначен) тот или иной смысл. Культурная маркированность языковой категоризации отражается в том, как он интерпретирован в языке. Эти процессы находят своё воплощение в значении и значимости языковой единицы – способах хранения культурной информации в русском языке.

1. 3. Лексические способы хранения культурной информации в русском языке

Культурная маркированность лексического значения, значимости проявляется в том, что данные семантические величины способны как отражать те или иные культурные смыслы, так и интерпретировать универсальные кванты знания в соответствии с действующими культурными установками, стереотипами. Рассмотрим эти процессы. Решение поставленной задачи требует исследования структуры лексического значения, отражающей процессы семантической категоризации.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют пространство значения как «реальное таксонимическое отображение эмпирического и теоретического (абстрагирующего) знания о мире, в которое вплетается культурно-языковой опыт данной языковой общности» [1980, 7]. Лин-

гвокультурологический подход к языку характеризуется пониманием значения как определённым образом категоризованной информации.

В настоящее время является общепризнанным понимание лексического значения как системы, состоящей из двух макрокомпонентов (блоков): **денотативно-сигнификативного и прагматического**.

1. Денотативный компонент значения, с одной стороны, несёт информацию об образе (представлении) типовой реалии (реалеме), которую обозначает данное слово, с другой – обеспечивает связь реалемы с конкретным референтом. Денотативный компонент объективирует экстенционал того или иного понятия, иными словами, указывает на класс явлений, в который входит данный референт, тем самым денотативный компонент показывает, с какой лексико-семантической группой соотносится то или иное значение. Из сказанного следует, что денотативный компонент значения отражает процессы структурирования языковой картины мира. Данные процессы культурно маркированы, поскольку соотношение явления с тем или иным лексико-семантическим классом слов может быть обусловлено идеологемами.

Проиллюстрируем это положение. Слово *предприниматель* «капиталист – владелец промышленного и торгового и т. п. предприятия» входит в лексико-семантическую группу «Общественный класс», на что указывает сема «капиталист». Лексико-семантическая категоризация отражает советские идеологемы, направленные на чёткую классовую дифференциацию общества. В постсоветское время значение данного слова меняется: «тот, кто имеет своё дело, владеет предприятием или на свой риск занимается какой-либо экономической деятельностью, приносящей личный доход». Данное словозначение включено в лексико-семантическую группу «Характеристика лица по способу осуществления трудовой деятельности». Если учесть, что экстенционал значения находит своё отражение в архисеме, то можно сделать вывод, что ряд значений имеет культурно маркированную родовую лексическую сему (архисему). Нетрудно заметить, что изменения в экстенционале обусловлены модификацией интенционала, воплощённого в сигнификативном компоненте значения.

2. Сигнификативный компонент включает часть признаков понятия (представления) о реалии. Сигнификативный компонент объективирует не все признаки, а только те, с помощью которых возможно отличить одно явление от другого. Очевидно, что набор существенных признаков для той или иной лингвокультурной общности в определённое время может быть разным. Выбор существенных признаков находится в зависимости от системы актуализированных в данное время

ценностей. Так, слово **кулак** в 19 веке включало в сигнификат признаки «скупой», «крепкий», «перекупщик». Приведённые признаки отражают хозяйственный статус зажиточного крестьянина. В советское время смена культурных установок, парадигмы ценностей привела к актуализации иных признаков «богатый», «собственник», «эксплуататор», указывающих на социальный статус. Интенционал находит своё отражение, прежде всего, в дифференциальных семах. Из чего следует, что культурно маркированными могут быть дифференциальные семы.

Приведённые примеры иллюстрируют интерпретирующую функцию архисемы и дифференциальных сем. Архисема и дифференциальные семы могут отражать культурную информацию и иным способом. Данные семы способны репрезентировать не имеющие эквивалентов, присущие только этой культуре смыслы. Семы, выполняющие подобную функцию, мы находим в составе значений безэквивалентной лексики: **барщина** «даровой принудительный труд крестьян на помещика при крепостном праве», **трудодень** «единица учёта труда в колхозах, определяющая долю колхозника в доходах» и др.

Помимо сигнификативного микроблока интенционал значения структурируется образным, оценочным, интенсивным микрокомпонентами.

3. Содержание **образного компонента** (внутренней формы) отсылает говорящего к тому или иному гештальту, сцене, сценарию, фрейму [Алефиренко Н. Ф.: 2002, 278]. Например, внутренняя форма фразеологической единицы **рот на барщине** соотносится с фреймом «барщина», **снимать пенки** – сценарием снятия пенок, **раз плюнуть** — сценой плевок, **на холостом ходу** – гештальтом «станок». Образность строится на развёртывании одного или нескольких сигнификативных признаков. В. Г. Гак отмечает: «Внутренняя форма номинации определяется тем признаком, который выбирается в качестве различительного и кладётся в основу наименования» [1977, 272]. Например, значение фразеологической единицы **воротить горы** включает следующие сигнификативные признаки «делать большое дело, требующее огромных усилий». Внутренняя форма данной языковой единицы основана на развёртывании признаков «большое», «огромные усилия».

Процедура определения внутренней формы состоит в буквальном прочтении той или иной единицы. Совокупность однотипных внутренних форм позволяет реконструировать базовый образ, языковую репрезентацию концептуального гештальта, фрейма, скрипта. Например, буквальное прочтение языковых единиц: **один и дома горюет, а двое и в поле воюют; один в поле не воин; отбомбиться, трудармия, трудде-**

сант – указывает на базовый образ «война». Базовые образы отражают тот или иной культурный код. Так, например, указанный базовый образ соответствует акциональному культурному коду, продуктивному во все периоды развития концепта «Труд», что, вероятно, обусловлено содержанием данного концепта.

Внутренние формы объективируют сложившиеся в лингвокультурной общности представления, вербализуют стереотипы осмысления тех или иных явлений. «Имя (слово, тело знака) – это та культурная рамка, которая накладывается на культурный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определённой культуре», — отмечает Н. В. Уфимцева [2000, 90]. Так, русское сознание представляет работу в цветовой гамме: *работа черна, да денежка бела; тёмное дело; белопахенный, чернопахенный*. Стереотипом честной и, вместе с тем, выгодной работы является белый цвет; нечестной, тяжёлой, неприбыльной — чёрный. Такие стереотипы основывались на символическом значении белого и чёрного цвета: белый цвет был символом красоты, чистоты, света, в противоположность ему чёрный – символом безобразия, печали, ненависти, смерти, грязи [Потебня А. А.: 2000, 28 - 31].

В. Гумбольдт подчёркивал культурно-концептуальную значимость внутренних форм: «Мы видим тут подлинную картину хода мысли и сцепления идей...» [1984, 182].

4. С сигнификативным и образным компонентами тесно связан **интенсивный компонент**. Содержание этого компонента можно представить в виде шкалы, контрпунктами которой будут точки со значением «очень» / «не очень». Интенсификация обусловлена фоновыми знаниями членов лингвокультурной общности или внутренней формой. Это означает, что интенсификация связана со сложившимися в данной культуре представлениями и стереотипами, то есть интенсивная сема культурно маркирована, а также что интенсивность может иметь как концептуальную, так и языковую природу.

Так, в русском языке существует около 40 фразеологических единиц, характеризующих различные степени интенсивности выполнения работы: *засучив рукава, до упаду, высунув язык, без передышки, хоть разорвись* и др. Степень интенсификации определяется содержанием внутренней формы, положенной в основу фразеологической номинации. Наибольшей интенсификацией обладают фразеологизмы, внутренние формы которых отражают физическую «надорванность»: *до кровавого пота, семь потов сошло* и др. Интенсивная сема данных языковых единиц имеет языковую природу и входит в зону коннотаций.

Интенсификация значений *перетрудиться* «продолжительной работой, трудом сильно утомиться», *предобросовестный* «очень добросовестный» и др. определяется концептуальным содержанием.

Для языковых единиц, репрезентирующих концепт «Труд», интенсификация значения особенно характерна, что связано с представлениями о необходимости быстрого выполнения работы. Это, по мнению В. О. Ключевского, объясняется тем, что «условия жизни русского человека убедили его, что необходимо дорожить ясным летним днём, что природа отпускает ему мало времени для земледельческого труда и что короткое русское лето может укорачиваться ненастьем. Это заставляло русского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы много сделать за короткое время. Так великорусский крестьянин приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья» [1987. Т. 9, 65].

5. С сигнификативным, денотативным, образным компонентами значения связан **оценочный компонент**. Н. Н. Болдырев отмечает, что специфика оценочной категоризации заключается в том, что «тот или иной объект не причисляется к какой-либо естественной категории..., его онтологический категориальный статус при этом не анализируется... Ему приписывается соответствующее положительное или отрицательное качество или характеристика...» [2002, 11 — 12]. Оценочный компонент является наиболее сложным в семантической структуре.

Оценка складывается из ряда компонентов [Ивин А. А.: 1970, 21 — 34]. К основным относятся:

- субъект оценки, то есть тот, кто оценивает. В качестве субъекта оценки могут выступать отдельно взятое лицо, лингвокультурная группа или социум. Культурно-языковая личность обладает национальным характером [Попова З. Д., Стернин И. А.: 2002], особенности которого могут влиять на выбор объекта и оснований оценки. Так, В. О. Ключевский отмечал привязанность русских к дому, добрососедство [1987. Т. 1, 87], Н. М. Карамзин – храбрость, жестокость, добродушие, гостепреимство [1989. Т. 1, 23], Д. К. Зеленин – амбивалентность сознания [1989, 29];
- объект оценки, то есть предмет, лицо, событие, которым приписывается определённая ценность. В объекте выделяются оцениваемые признаки (аспекты). Объект оценки культурно маркирован, так как выбор того или иного явления или признака для оценки указывает на его актуальность для лингвокультурной общности. Так, в 19 веке объектом оценки становилось умение девушки прясть и ткать (к 14

годам она должна была овладеть этими умениями). Неумение это делать было объектом оценки: *неткаха* «девочка, не умеющая выткать кросны», *бесподставочная* «девочка, не умеющая поставить стан без подсказки матери»;

- сама оценка: абсолютная (хорошо, плохо, безразлично) или сравнительная (лучше, хуже, равноценно);
- основание оценки (та или иная культурная установка, стереотип). Основание оценки может быть культурно маркированным, так как составляющие её ментальные категории могут иметь культурно обусловленную природу.

Так, субъектом отрицательной оценки слова *частник* «частный торговец, предприниматель» является русская советская лингвокультурная общность. Объектом оценки становится признак участия / неучастия человека в коллективном труде, особенно важный в годы первых пятилеток для советских людей. Основанием оценки являются культурные установки и стереотипы *необходимо искоренять частника как класс, в социалистическом обществе труд имеет общественный характер, частный предприниматель является классовым врагом пролетариата*.

Совокупность этих компонентов составляют оценочную модальность – «связь, устанавливаемую между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией..., оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию ... в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [Телия В. Н.: 1986, 22-23].

Оценка может иметь разную природу. Это нетрудно заметить, например, при сопоставлении оценочного компонента слов *трудолюбивый* и *Золушка*. Если в значении первого слова отражается констатация, что человек, обладающий данным качеством, положительно оценивается обществом, то в значении второго слова (квазиэталона) «о девушке, любящей труд: много работающая» отражается не только (а точнее, не столько) оценка указанного в дескрипции качества, сколько оценка внутренней формы: если *X* как бы является Золушкой, то это хорошо. Кроме того, номинацией *Золушка* осуществляется оценка уже оценённого признака: быть трудолюбивым хорошо. Данный факт дал возможность В. Н. Телия говорить о двойственности оценки, «модальной двувершинности» [1986]. Двувершинностью оценки обладают слова с экспрессивно окрашенным значением, имеющие живую образность. Итак, в словах данного типа можно выделить денотативную и коннотативную оценку. Рассмотрим выделенные виды оценки.

5. 1. Денотативная оценка является результатом соотнесения денотативно-сигнификативной информации с действующими культурными установками и стереотипами, а значит, она объективна, входит в сигнификат значения. Денотативная оценка имеет концептуальную природу, поскольку отражает объективные признаки той или иной реалии, она ориентирована на квалификацию того или иного аспекта в предмете, отражает осознанный подход к миру. Денотативная оценка объективирует ту или иную систему культурных установок, стереотипов, идеологем, а значит, она репрезентирует культурные смыслы. Так, слово *деловой* «знающий и опытный в делах» репрезентирует противоречивые культурные установки (*работай, не ленись // дела не делай, а от дела не бегай; деловая Маланья и к обедне с прялкой пришла*), что находит своё выражение в возможности реализации полярных оценок: быть деловым хорошо и быть деловым плохо.

5. 2. Коннотативная оценка представляет собой результат соотнесения внутренней формы с культурными установками и фоновыми знаниями. Внутренняя форма выступает здесь в роли объекта (квазиобъекта) оценки.

Так, слово *паук* «о жестоком человеке, эксплуатирующем чужой труд, вымогающем у другого последнее достояние» имеет отрицательную коннотативную оценку, которая является результатом соотнесения образа с действующими культурными установками и фоновыми знаниями. Паук относится к насекомым-хищникам, он ловит, а затем поедает насекомых, то есть свою жизнь поддерживает за счёт жизней других. Кроме этого, представления о пауке связаны с чем-либо неприятным. Когда пауки живут рядом с человеком – это плохо. Существует примета: увидеть паука – к плохим новостям. Поэтому вести себя подобно пауку плохо, ибо это, прежде всего, не отвечает культурной установке: живи своим трудом.

Этот вид оценки как бы надстраивается над денотативной оценкой (является эмотивно подмеченным признаком для соответствующего когнитивного), пытаясь воздействовать на адресата через обращение к тому или иному образу с целью сообщения о ценности чего-либо. Обусловленность коннотативной оценки внутренней формой показывает её бессознательную природу.

На том основании, что данный вид оценки дополняет денотативную оценочную зону, апеллирует к сигнификативным признакам посредством внутренней формы, его следует отнести к коннотациям значения.

Если денотативная оценка имеет концептуальную природу, репрезентирует те или иные культурные смыслы, то коннотативная – языковую, вследствие чего она интерпретирует культурные смыслы, поскольку зиждется на объективированном языке признаке – внутренней форме слова.

Денотативная и коннотативная оценки отличаются друг от друга характером субъекта и его функциями. При денотативной оценке субъект руководствуется практическим интересом. Его функция состоит в констатации объективных свойств той или иной реалии. Такая оценка носит познавательный характер. В коннотативной оценке субъект руководствуется личностно-прагматическим интересом. Он не столько констатирует объективные свойства реалии, сколько интерпретирует их в том или ином прагматическом ключе. Интегральным признаком для одной и другой оценки является тождество основания оценки – культурных установок, идеологем, стереотипов.

Таким образом, оценочная сема, как денотативная, так и коннотативная, могут быть культурно маркированными.

Эмотивный, стилевой, коннотативный компоненты формируют прагматический макрокомпонент, который отражает результаты взаимодействия языкового знака и пользователя, выражает отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату.

6. Эмотивный компонент непосредственно связан с оценочным и образным. Содержание эмотивного компонента составляет эмоциональная реакция на оценку или на оценку и образ [Телия В. Н.: 1994; Шаховский В. И.: 1987]. В самых общих чертах содержание эмотивности можно рассмотреть как шкалу «одобряю / не одобряю».

Неоднородность оценки отражается эмотивностью — языковым выражением эмоциональности. Вернёмся к нашим примерам. Так, слова *трудолюбивый* и *Золушка* отражают положительную реакцию на знак. Однако в первом случае эта реакция обусловлена положительной оценкой, являющейся результатом соотнесения дескрипции с указанными выше культурными установками. Второй случай отражает не только реакцию на положительную оценку, результат соотнесения дескрипции с культурными установками, но и эмоциональное переживание внутренней формы: Золушка вызывает у члена русской лингвокультурной общности эмоциональную реакцию одобрения, сочувствия, жалости. Данный образ актуализирует в фоновых знаниях судьбу этого сказочного персонажа: она терпит унижения от мачехи, много работает, но потом за свои труды вознаграждается. Таким образом, языковой символ *Золушка* имеет две эмотивные семы. Одну – основную, обусловленную

дескриптивной оценкой, другую – коннотативную, обусловленную эмоциогенностью внутренней формы.

Эмотивность позволяет более точно охарактеризовать культурно-семиологическую природу оценки. Оценка в зависимости от своей природы обращена к стандартам или к стереотипам. Стандарт — это фиксированный набор типичных признаков того или иного явления. Образная репрезентация стандарта представляет собой стереотип явления или положения дел. Стереотипы могут размещаться на шкале оценок, то есть быть стереотипами хорошего или плохого, в этом случае они отражают нормы – нормы хорошего или плохого, поскольку норма «не есть отсутствие, ноль признака, нейтральная зона. Она соотнесена с той частью шкалы оценок, на которую помещается стереотипное представление о данном объекте с соответствующим признаком» [Вольф Е. М.: 1985, 54]. Денотативная оценка обращена к стандартам, коннотативная — к стереотипам.

Так, семантика слова *пробатрачить* «выполнять в течение какого-либо времени тяжёлую низкооплачиваемую работу» характеризуется оценочной двувёршинностью. Денотативная оценка данного слова апеллирует к стандарту: обычно человек выполняет посильную работу; как правило, размеры оплаты труда соответствуют затраченным усилиям. Данный стандарт репрезентируется в языке внутренней формой *батрак* с опорой на мотивацию «человек, который выполняет тяжёлую низкооплачиваемую работу, подобен батраку», то есть *батрак* становится стереотипом указанного стандарта. *Батрак* воспринимается как норма плохого. Фоновые знания (батраками обычно становились люди, не имеющие собственного хозяйства, они выполняли тяжёлую работу, зарабатывали только на хлеб и проч.) обуславливают отрицательное эмоциональное переживание внутренней формы. Таким образом, денотативная оценка направлена на презентацию признаков стандарта, коннотативная – на их эмотивную аранжировку.

Обусловленность эмотивности культурными установками, стандартами, стереотипами, оценкой определяет её культурную маркированность.

7. Стилиевой компонент может быть обусловлен всеми рассмотренными выше макро- и микрокомпонентами. Стилиевой компонент несёт информацию об уместности / неуместности употребления данного значения в той или иной речевой ситуации. Например, значение слова *пачкун* «неумелый, плохой работник» включает в свой состав стилевую сему «разг.», которая определяет функционирование слова в неформальной речевой ситуации. Стилиевая дифференциация языка, его лекси-

ки и фразеологии обусловлена уровнем развития духовной культуры, однако изучение этого аспекта не входит в задачи нашего исследования.

8. Ещё одним компонентом прагматического блока значения является **коннотативный компонент** (импликационал значения), одной из основных составляющих которого является культурная коннотация. Культурная коннотация представляет собой результат интерпретации компонентов значения в ракурсе культурных установок, идеологем, стереотипов.

В. Н. Телия выдвинула гипотезу: «если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы её отображения и средства соотнесения с ней, то есть служить своего рода «звеном», соединяющим в единую цепь «тело знака» ... — с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т. п. знаки национальной и шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [1996, 215].

Одним из таких способов является культурная коннотация. Под **культурной коннотацией** В. Н. Телия предлагает понимать интерпретацию «денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Там же, 214]. Разработка понятия культурной коннотации связана с целым комплексом проблем. Какова сущность коннотации? Каковы их содержательные типы и др.? Явление коннотации широко изучается в различных отраслях знания: семиотике, психолингвистике, стилистике, страноведении, отсюда неоднозначность интерпретаций коннотации [См. их обзор в Телия В. Н.: 1986]. В русистике наиболее распространён стилистический подход, в рамках которого коннотация понимается как дополнительное значение, придающее языковым единицам экспрессивность. Для нашей работы небезынтересен и страноведческий (культурологический) подход, при котором коннотация осмысливается как культурно маркированная, указывающая на национальную специфику семантическая доля.

Наиболее популярными в русистике на данном этапе являются теории коннотации В. Н. Телия и Ю. Д. Апресяна.

В книге «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» В. Н. Телия определяет коннотацию как «семантическую сущность, узואльно илиokkaзионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [1986, 5]. Из процитированного определения следует, что коннотации неоднородны по своей природе (они могут быть

узуальными иokkaзиональными) – и по содержанию (могут быть эмотивными, оценочными, экспрессивными). Основная функция коннотации экспрессивная, воздействующая. Коннотация, по В. Н. Телия, это модус к диктуму.

Иное понимание коннотации находим в работе Ю. Д. Апресяна «Коннотации как часть прагматики слова». Под коннотацией лексемы он понимает «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они (коннотации –Г. Т.) не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [1995 д. Т. 2, 159]. (Однако в своём исследовании Ю. Д. Апресян показывает связь коннотаций с другими компонентами значения. Так, при анализе коннотаций слова *тёща* исследователь указывает, что коннотации «недоброжелательность, придирчивость, безразличие к благополучию зятя» обусловлены существующими в обществе стереотипами. Тем самым проводится связь с оценочным компонентом. Далее исследователь отмечает, что коннотация является «связующим звеном между двумя разными единицами языка, и отношение, в которое она ставит эти две единицы, есть отношение уподобления ... оно описывается компонентом «как бы», введение которого ... обосновывается следующим образом: «Этот компонент ... задаёт «внутреннюю форму» смысла, его образную структуру...», чем утверждается связь коннотаций с образным основанием значения.)

Таким образом, коннотации в понимании Ю. Д. Апресяна узуальны, а значит, культурно обусловлены, с точки зрения содержания могут быть логическими (сигнификативными, диктумными) и эмотивными. Следует обратить внимание и на то, что, в интерпретации данного исследователя, коннотации не зависят от других компонентов значения.

Различаются рассматриваемые точки зрения и тем, что, по мнению В. Н. Телия, коннотации имеют место преимущественно в переносных значениях, Ю. Д. Апресян считает, что коннотации «характеризуют, как правило, основные, или исходные значения слов, а материализуются они в переносных значениях...» [Там же, 163].

На наш взгляд, теории коннотаций В. Н. Телия и Ю. Д. Апресяна не противоречат, а дополняют друг друга. Поясним нашу точку зрения, рассмотрев содержательные типы коннотаций.

Коннотации входят в импликационал значения, образуя тем самым отдельный его компонент. Данный компонент, несмотря на разнородность содержания, является частью прагматического макрокомпонента,

поскольку формирующие его смыслы возникают в результате функционирования, использования знака.

Коннотации воспроизводимы и устойчивы. Каждый носитель языка без труда сможет назвать, с какими ассоциациями у него связаны, например, номинации *бык*, *муравей* и др. Этим свойством коннотации отличаются от потенциальных сем. Потенциальные семы производимы контекстом, проявляются в контексте, могут носить как узуальный, так и окказиональный характер. Ср.: коннотации (связанные с трудом) значения слова *мужик* «работник, большая физическая сила, неприхотливость, мастер на все руки, кормилец, много работает» и потенциальные семы значения слова *пегий*: «*Когда я родился, я не знал, что такое значит пегий, я думал, что я лошадь*» (Л. Н. Толстой «Холстомер»): «тяжёлая работа, низкое происхождение». Основное же значение у слова *пегий* «с большими пятнами, крапинами». Выделенные контекстуальные смыслы не являются воспроизводимыми в русской лингвокультурной общности.

Коннотации, как уже говорилось, могут иметь как концептуальную, так и языковую природу. Коннотации, имеющие концептуальный характер, объективируют фоновые знания, тем самым выполняют прежде всего репрезентирующую функцию. С точки зрения своего содержания они могут быть дескриптивными, интенсивными, оценочными, эмоциональными.

- К дескриптивным коннотациям мы причисляем несущественные сигнификативные признаки, отражающие фоновые знания членов лингвокультурной общности. Например, значение слова *боров* характеризуется коннотациями «неповоротливость», «тяжеловесность», «немеренная сила», «грубость». Дескриптивные коннотации обусловлены фоновыми знаниями (в частности, особенностями использования явления и знака, которым оно обозначается), этимологией слова. Так, воспроизведённые выше коннотации основаны на наблюдениях человека за свиньёй: она имеет тяжёлую походку, способна выворачивать с корнем многолетние растения и подобное. Коннотации значения слова *смерд* «грязный, неухоженный человек» обусловлены этимологией: данное слово связано с праславянским *smьrd* «зловоние». Коннотации «бесхозяйственный, немастеровой» у слова *бобыль* обусловлены происхождением слова от англ. *bob* «увалень» [Фасмер М.: 1996].
- Интенсивные коннотации интенсифицируют один из дескриптивных коннотативных признаков. Например, значение слова *школа* «учебное заведение, которое осуществляет общее образование и воспита-

ние молодого поколения» в настоящее время характеризуется дескриптивными коннотациями «невысокая зарплата», «сложная и неблагодарная работа»: «*На алименты подавать не стала. Что с него взять – он в школе работает...*», «*Сидишь – штаны протираешь. Ты бы попробовал в школе поработал...*» [Картотека устной речи]. Эксплицированные дескриптивные семы интенсифицируются сопровождающей их семой «очень».

- Оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотношения с культурными установками, стереотипами, фоновыми знаниями денотативно-сигнификативного компонента значения либо дескриптивных коннотативных сем. Так, значение слово *премия* «дополнительное денежное вознаграждение, выдаваемое сверх заработной платы за качественное выполнение плана, за превышение обязательных производственных норм, снижение себестоимости продукции и т. д.» обладает положительными коннотациями, что обусловлено соотношением денотативно-сигнификативного значения со стереотипами «зарабатывать дополнительные деньги хорошо», «зарплата обычно невысокая, её всегда не хватает». Указанная оценка порождает положительную эмоциональную реакцию при восприятии данного знака. Значение слова *немец* «относящийся по национальному признаку к основному населению Германии» имеет дескриптивные коннотации «пунктуальный», «хороший специалист» и др., которые материализуются во фразеологических единицах, паремиях *немецкая работа; у немца на всё свой инструмент есть* и др. Результатом культурно-когнитивной интерпретации данных коннотаций (соотнесение с культурной установкой *делай работу качественно*) является их положительная эмоционально-оценочная коннотативная аранжировка. Анализ языкового материала показывает, что эмотивные коннотативные семы всегда сопровождают оценочные.

Языковые коннотации, как мы могли убедиться выше, являются результатом соотношения внутренней формы с культурными установками, идеологемами, стереотипами. Та или иная функция внутренней формы: интенсификация значения, вербализация того или иного оценочного стереотипа, эмотивная презентация оценочного стереотипа (возбуждение той или иной эмоциональной реакции на образ) – определяет содержательный тип языковой коннотации. Можно выделить три типа таких коннотаций.

- Интенсивные коннотации являются следствием интенсификации дескрипции посредством внутренней формы. Так, значение слова *крутиться* «иметь своё дело, заниматься предпринимательством»

интенсифицируется внутренней формой, которая возбуждает в нашем сознании образ чего-либо быстро движущегося, быстро вращающегося (не исключено, что и актуализирует образ крутящейся в колесе белки, что обусловлено совпадением «тела» данного знака с компонентом фразеологической единицы *крутиться, как белка в колесе*).

- Оценочные коннотации являются результатом вербализации того или иного оценочного стереотипа. Они возникают в результате соотнесения внутренней формы с культурными установками, фоновыми знаниями, стереотипами. Так, оценочным стереотипом бесправного, выполняющего непосильную работу человека является *негр*, что находит своё отношение во внутренней форме фразеологической единицы *белый негр*. Отрицательная оценочная сема является результатом соотнесения внутренней формы с фоновыми знаниями *негр выполняет тяжёлую, неквалифицированную, низкооплачиваемую работу*, с культурными установками *знай меру в работе, оценивай квалифицированную работу хорошо, а неквалифицированную – плохо, не работай за дарма*.
- Эмотивные коннотации являются результатом эмоциональной презентации того или иного оценочного стандарта, следствием эмоциогенности внутренней формы. Эмотивные коннотации всегда сопряжены с оценочными, поскольку целью использования того или иного образа является не указание на аномалию, а провоцирование эмоционального переживания того или иного оценочного стереотипа. Так, отрицательная оценочная коннотация значения фразеологической единицы *белый негр* сопряжена с эмотивными коннотациями «неодобрение», «уничтожение», «негодование». Эти коннотации обусловлены результатами когнитивной интерпретации образа. Если *X* называют белым негром, то преследуют цель передать ему своё неодобрение, вызвать в нём чувство негодования, потому что, если *X* работает так, как если бы он был негром, это плохо, так как негры работают много, выполняют самую тяжёлую, неквалифицированную и малооплачиваемую работу, а это считается плохим, потому что нужно знать меру в работе, не работать за дарма.

Кроме этого, оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотнесения логических коннотаций с действующими культурными установками. Например, значение слова *холоп* «в Древней Руси – лицо, находившееся в зависимости, близкой по форме к рабству; позже – дворовый, крепостной слуга» обладает логическими коннотациями «получеловек, бесправный, много работает и др.», которые опре-

деляют отрицательные эмотивно-оценочные со-значения данного слова.

Из приведённых примеров видно, коннотации могут быть обусловлены теми или иными культурными причинами. Так, отрицательные эмотивно-оценочные коннотации фразеологической единицы *белый негр* объясняются политическими причинами: в странах Южной и Северной Америки обычно рабами были негры. Положительные эмотивно-оценочные коннотации слова *крутиться* обусловлены психологическим контекстом: тот, кто имеет своё дело, обычно богат. Отрицательные коннотации слова *школа* отражают утрату ценности интеллектуального труда государственных служащих.

Культурная маркированность коннотаций обусловлена, во-первых, их узуальностью, во-вторых, соотнесённостью с культурно маркированными установками, стереотипами, фоновыми знаниями, в-третьих, культурной спецификой внутренней формы, которая вербализует национальные стереотипы.

Приведённая классификация коннотаций даёт основания говорить, что коннотации связаны как с различными компонентами значения, так и другими типами коннотаций.

Итак, **культурная коннотация** представляет собой узуальные устойчивые семантические признаки, которые являются результатом использования данной реалии и её обозначения определённой лингвокультурной общностью, влияния этимологии либо соотнесения внутренней формы с культурно маркированными концептуальными единицами.

Таким образом, культурная коннотация — комплексное явление, представляющее собой сочетание логических, оценочных, эмотивных интерпретант.

Кроме пространства вещественного значения, ещё одним способом хранения культурной информации в языке является культурная значимость. Понятие значимости введено Ф. де Соссюром [1999, 114 — 117] для обозначения места знака в системе, которое определяется на основе противопоставления другим знакам. Под значимостью понимают семантические отношения, возникающие между коррелирующими единицами. Данные отношения возможны при наличии интегральной и дифференциальной семантических частей. Различают следующие типы значимости: лексико-семантическую (синонимические, антонимические, партонимические, гиперо-гипонимические, ассоциативные отношения, тематические группы), синтагматическую, словообразовательную (дери-вационную) и прочие.

Ранее говорилось, что те или иные семантические отношения (виды значимости) между единицами репрезентируют особенности концептуализации культурного знания, поскольку язык отражает категоризацию явлений, обусловленную сложившейся в лингвокультурной общности ценностной шкалой.

Так, синонимический ряд *артистизм, ремесло, виртуозность, техника, искусство, сноровка, квалификация* отражает разноаспектность в понимании такой концептуальной составляющей, как «требующая специальных навыков работа». Осмысление осуществляется через сферу деятельности: *артистизм, ремесло, виртуозность, техника*; характер деятельности (духовная, умственная, телесная, физическая): *искусство, сноровка, техника, виртуозность, ремесло*), способ получения умения (путём получения знаний, тренировок, одарённость от природы): *квалификация, техника, сноровка*.

Наиболее чётко ценностную шкалу, актуальную в той или иной лингвокультурной общности, выражает количественный аспект репрезентации того или иного типа значимости. Так, количество синонимов, гипонимов, слов или фразеологических единиц в лексико-семантической группе эксплицирует ценность той или иной реалии для соответствующей лингвокультурной общности. Актуальность концептуального аспекта «место трудовой деятельности» подчёркивает большое число синонимов: *место, должность, служба, пост* и др.

Выделяют и статистический вид значимости, определяемый частотностью использования в речи языковых единиц [Алефиренко Н. Ф.: 1999, 58]. В своём исследовании «Понимание культур через средство ключевых слов» А. Вежбицкая указывает значимость частотного показателя лексем для понимания культуры [1999, 278]. Так, одним из самых актуальных слов русского языка является *дело*, что подтверждает значимость трудовой деятельности для членов русской лингвокультурной общности. Встречаемость этого слова, по данным частотного словаря Л. Н. Засориной, составляет 1919 раз.

Таким образом, под **культурной значимостью** понимаются семантические отношения между языковыми единицами, отражающие аспекты концептуализации и категоризации культурного знания.

Культурная значимость может отражать особенности понимания тех или иных аспектов концепта (культурно-когнитивные стратегии). Этот вид значимости, как мы могли увидеть выше, объективирован синонимическими, антонимическими, деривационными, ассоциативными парадигмами. В этом случае значимость реализует культурно-интерпретирующий потенциал того или иного языка.

Предметом репрезентации могут быть ценности той или иной культуры. Ценностно ориентированная значимость указывает на актуальность тех или иных явлений. Этот вид значимости репрезентируется численностью единиц в лексико-семантической группе, языковыми лакунами, а также статистической разновидностью значимости.

Количественный аспект лексико-фразеологических макрогруппировок указывает на степень значимости тех или иных знаний для той или иной нации, социальной группы, на глубину разработки данного ментального аспекта. Например, к наиболее крупной семантической группе в сфере кустарных терминологий относится «Номинации изделий», что обусловлено отсутствием дифференциации труда, изготовлением изделия из подручного материала с помощью имеющихся средств. Кустарь держал в сознании только внешний, целостный образ своего изделия.

Лексические лакуны отражают аспекты знания, неактуальные для той или иной лингвокультурной общности или социума. Так, в дискурсе ремесленника не было номинаций дефектов, технических показателей, что отражало отсутствие чётких норм и параметров деятельности.

В. И. Карасик отмечает: «...ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке. Семантическая плотность той или иной лексико-семантической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта...» [1996, 4]. Таким образом, ценностно ориентированная значимость, в отличие от предыдущего вида, отражает актуальные для той или иной лингвокультурной общности или социума знания.

Итак, значение (лексическое, фразеологическое) языковой единицы представляет собой структуру, состоящую из компонентов, несущих разнородную, но взаимосвязанную информацию. Каждый компонент является продуктом процесса категоризации. В компонентах значения воплощаются результаты культурно значимых человеческих практик, структурированность и системность самой культуры в целом. Ю. М. Лотман отмечал, что культура представляет собой не только склад информации, но и механизм, который определяет способы хранения этой информации [2000, 395]. Лексическая и фразеологическая семантика не только отражает те или иные культурно маркированные смыслы, но и интерпретирует универсальные аспекты знания в соответствии с теми или иными атрибутами культуры, объективируя своеобразие организа-

ции культурного знания. После выявления типов культурно маркированной семантики возможно представить модель концепта.

1. 4. Лингвокультурологическая модель концепта

Итак, неоднородность семантики, функциональных особенностей языковых единиц позволяет нам говорить о неоднородности содержания концепта. Значение кодирует как культурно релевантную, так и нерелевантную информацию. Например, слово *плоскогубцы* репрезентирует обыденное понятие о клещах, захватывающая часть которых имеет плоскую внутреннюю поверхность. Данное понятие, несомненно, имеет культурно нерелевантный характер, однако внутренняя форма языковой единицы, отражая особенности национального восприятия реальности, указывает на культурно релевантную интерпретацию в процессе понимания этого явления действительности. Русская лингвокультурная общность акцентирует внимание только на форме этого инструмента, а, например, немецкая — отражает классификационность, чёткость в процессе понимания: *die Flachzange* (буквально: плоские щипцы). Этот факт даёт основания полагать, что слои концепта хаотичны, тесно взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга. Прибегая к метафоре, мы можем сопоставить модель концепта с облаком, в котором диффузно. Таким образом, в концепте мы можем выделить универсальный (общечеловеческий, культурно нерелевантный) и культурный слой.

Универсальный слой концепта наполняется интенционалами научных и отчасти наивных понятий. Универсальными могут быть культурные установки и стереотипы. В этом случае они отражают общечеловеческие ценности. Например, культурная установка *человеку необходимо трудиться* // *каждый человек должен трудиться; не откладывай дела*, стереотипы *труд приносит пользу обществу, хороший специалист имеет многолетний опыт работы* являются универсальными на данном синхронном срезе. Нетрудно заметить, что ментальные единицы этого типа предельно обобщены, лишены конкретизирующих специфических компонентов. Таким образом, в общечеловеческий слой концепта могут входить разнотипные ментальные единицы, но его ядро образуют научные понятия.

Как мы смогли убедиться, специфика **культурного слоя** концепта состоит в том, что он в большей мере, чем универсальный, связан с системой языка. С одной стороны, это обусловлено тем, что культурный слой ценностно маркирован, а репрезентации подвергается ценностно маркированная информация. Например, важность земли, поля, во вла-

сти которых была сила, по представлениям русского крестьянина, дать хороший урожай, отражается в обилии номинаций земельного угодья, внутренние формы которых указывают особенности возделывания, подготовки земли, её назначение: *хлѢвница, рѢвище, покромь, роздѣртъ* и др. С другой стороны это обусловлено тем, что язык является своеобразным штампующим, организующим устройством для информации этого слоя. В частности, эту функцию мы наблюдали у такого важного компонента значения, как внутренняя форма слова. Данный факт обуславливает то, что культурный слой как бы надстраивается над системой языка, является вторичной моделирующей системой [Лотман Ю.: 2000, 396]. Ещё В. Гумбольдт говорил, что мышление каждого народа обусловлено его языком: «... мышление не просто зависит от языка вообще, — оно до известной степени обусловлено также каждым отдельным языком» [1985, 317]. Те же идеи находим в концепции Б. Уорфа и Э. Сепира. Поскольку в поле зрения лингвокультуролога находится только культурный слой, то в языке описания используется термин **концепт культуры**, или просто концепт. Ядро культурного слоя концепта составляют национально маркированные представления и взаимосвязанные с ними культурные установки и стереотипы. Так, ранее стереотипом заработной платы являлась милость и любовь хозяина, что отражено внутренней формой слова *жалованье*. Внутренняя форма вербализует культурную установку *люби и заботься о своём работнике*, запечатлённую в «Домострое».

Культурно значимыми могут быть и наивные понятия. Например, понятие *трудгужналог* «форма обязательного привлечения населения к бесплатному выполнению определённых работ и использования принадлежащих отдельным гражданам гужевых средств по указанию органов Советской власти» является релевантным для русской советской культуры. Данное понятие квалифицируется как безэквивалентное, то есть не имеющее коррелятов в других культурах.

Культурный слой концепта содержательно неоднороден, о чём свидетельствует функциональная разнородность единиц. Ср.: *порнушник* «мол. халтурщик, недобросовестный работник»; *служить у графа Ветрова* «арг. быть безработным»; *зауторник* «проф. инструмент, который используется при изготовлении бочек»; *грива* «диал. поле на высоком месте» и др. Это обусловлено дифференциацией лингвокультурной общности как субъекта, продуцирующего смысл, на более мелкие группы, которые формируют дополнительные ценности и культурные установки. Н. И. Толстой отмечал, что в культуре можно выделить четыре разновидности: «культуру образованного слоя, «книжную», или элитар-

ную, культуру народную, крестьянскую, культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют «культурой для народа» или третьей культурой, и для полноты картины и более чёткого параллелизма ещё традиционно-профессиональную субкультуру (пастушескую, пчеловодческую, гончарную и др. на селе, торгово-ремесленную — в городе)» [1995, 16-17].

Так, паремии о труде отражают ценность времени в народной (крестьянской) культуре и инструмента в профессиональной: *сей и холь яровое в мае, так будет зимой добро; овсы да льны в августе смотри; в октябре та бабам и работа, что льны приспевать; до солнца пройти три покоса – не будешь ходить босо // кабы не клин да не мох, так бы плотник издох; без веретена пряжи не спрядёшь; кому до чего, а кузнецу до наковальни.*

Неоднородность культурного слоя, обусловленная разнообразием типов социумов, выделяемых в составе лингвокультурной группы, отражается в особенностях языковой репрезентации. Специфика лингвистической репрезентации культурных установок в элитарной культуре проявляется в продуктивности жанра афоризма. Ср. афоризмы с пословицами: *«Физический труд помогает забывать о нравственных страданиях» (Ф. Ларошфуко); «Труд делает заботы незаметными» (античный афоризм) // не то забота, что много работы, а то забота, как ея нет.*

Проблемы дифференциации внутри культуры связаны с выделением особого сегмента культурного слоя — **субкультурного слоя**, отражающего представления, культурные установки, стереотипы, характерные для социальной группы (социума). Каждый из социумов характеризуется специфичными для него представлениями, культурными установками, стереотипами. Причём они так или иначе коррелируют с представлениями, культурными установками и стереотипами общенародной культуры.

Представления, культурные установки, стереотипы субкультурного слоя могут находиться в отношениях дихотомии «актуальное – устаревшее», «актуальное – новое» с соответствующими ментальными единицами культурного слоя. Так, героиня рассказа Ф. А. Абрамова «Деревянные кони» Мелентьевна, по словам её невестки, старорежимный человек. Это проявляется, прежде всего, в том, что в своей жизни Мелентьевна руководствуется иными (в рассказе часто используются слова *раньше, бывалошнее время*), чем сын Максим и невестка Евгения, принципами: власть потрудиться и доказать себе и другим людям, что не зря на этом свете жила (по Ф. А. Абрамову). Культурные установки и

представления Мелентьевны и людей её положения и возраста оцениваются детьми как устаревшие её: *«Старорежимный человек. Покамест грибы не приберёт, лучше не заикайся об еде. ...Ну, мама у нас решила перво-наперво свёкра да свекровь на свою сторону перетягивать. Им угоду делать. А чем можно было перетянуть стариков в бывалошнее время? Работой».*

Представления, культурные установки, стереотипы тех или иных социумов могут вступать в оппозитивные отношения с аналогичными типами ментальных единиц культурного слоя концепта. Например, в иерархии ценностей современной молодёжи секс, досуг, деньги занимают первое место [Береговская Э. М.: 1996, 32 — 43]. Трудовая деятельность осмысливается как нечто ненужное, утомительное, что противоречит ценности труда в национальной картине мира. Культурные установки, определяемые указанной иерархией ценностей, отражаются в номинациях типа: *затрахать* «устать», *дрочить* «заставлять делать».

Противоречивость может выражаться в противоположности осмысления общих для культуры и субкультуры концептуальных аспектов. Например, слово *пахота* в национальной картине мира имеет положительные коннотации «созидание», «польза» и др., отражающие стереотип «земледелие – самый важный и почётный труд». Данное слово заимствуется и переосмысливается в языковой картине мира молодёжной субкультуры. Значение жаргонизма *пахота* «труд вообще» отражает отрицательные эмотивные и оценочные коннотации. Тем самым сознание носителей данной субкультуры национальному стереотипу противопоставляет собственный стереотип, антистереотип.

Культурный и субкультурный слои концепта являются в наибольшей степени, чем универсальный слой, ориентированными на ценностную шкалу. Это обусловлено и тесными связями с системой языка, отражающего наиболее важные для смыслопроизводящего субъекта знания. З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают: «...значимость языковой единицы ... связана с ценностью выражаемого ею концепта для культуры народа» [2002, б]. Культурный слой концепта отражает аксиологию, актуальную для той или иной нации или народа, субкультурный — значимости определённого социума, который является частью лингвокультурной общности.

С учётом выделенных факторов структура концепта определяется как триединство общечеловеческого, культурного, субкультурного слоёв. Итак, схематично структура концепта в лингвокультурологии выглядит следующим образом.

Таблица 2

Структура концепта

Общечеловеческий (универсальный) слой	Преимущественно научные и обыденные понятия. Культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие общечеловеческие ценности.
Культурный (национальный) слой	Представления и обыденные понятия. Культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие ценности той или иной лингвокультурной общности.
Субкультурный слой	Представления, обыденные понятия, культурные установки, стереотипы, ориентированные на ценности того или иного социума.

Как мы убедились выше, выделенные слои концепта находят своё отражение и в особенностях языковой репрезентации.

Многообразие видов репрезентации культурного слоя даёт основания для предположений о его структурной неоднородности. Рассмотрим особенности структуры и содержания культурного слоя концепта.

Диктумный и модусный типы языковой семантики культурно маркированных единиц, фиксирующей и выражающей ту или иную концептуальную информацию, дают основания полагать, что они являются проекцией соответствующих типов концептуального культурно маркированного содержания. На этом основании культурный компонент концепта мы рассматриваем в виде структуры, состоящей из двух компонентов: диктумного и модусного.

Первый компонент – **диктумный (объективный)** – структурируется преимущественно представлениями и обыденными понятиями, которые являются отражениями многообразия культурно значимых (ценностно ориентированных) человеческих практик. Так, представления о том, что земледельческим трудом можно выкупиться из рабства отражено словом *изработаться* «выкупиться работой»; о том, что, кроме земледельческого труда можно заниматься на хозяйском дворе нетягловой, дворовой, ремесленной работой — словом *безъпахотный* и др..

В этот же блок входит информация об истории концепта. Так, на истоки концепта «Труд» указывает этимология ключевых слов *труд, работа, дело*. П. Я. Черных устанавливает, что древнерусское слово *труд* произошло от общеславянского **trudъ*, которое имело значение «мять», «жать», «давить», «щемить». Вероятно, что пейоративные им-

плицитные семы этих значений подготовили почву для возникновения денотаций типа «усилие» (с.-хорват.), «напряжение, затруднение» (чеш.), «беспокойство, усталость» (польск.) [Черных П. Я.: 1994. Т. 2, 266-267]). М. Фасмер приводит аналогии с другими языками: *triusas* (лит.) — «хлопоты»; *droz* (ср.-в.-н.) — «досада, тягота, тяжесть»; *us-riutan* (гот.) — «отягощать»; *praut* (др. исл.) — «испытание, беда, искушение»; *trucio* (лат.) — «толкать, теснить». Таким образом, содержанием этимона данного слова является «действие, направленное на изменение структуры чего-л., сопряжённое с большими усилиями». Древнее сознание назвало трудом то, что было связано с тяжестью выполнения.

Как свидетельствуют этимологические словари, слово *работа* является производным от *раб* [Фасмер М.: 1996. Т. 3, 427], [Черных П. Я.: 1994. Т. 2, 91-92]. Этимон слова отражает обязательный атрибут рабства — подневольный труд.

М. Фасмер указывает на общеславянские корни слова *дело* и сравнивает его с древнерусским *деть*, литовским *padelys* — «яйцо, подложенное в гнездо», *priedel* — «приложение», *daile* — «искусство, ремесло». Таким образом, содержание этимона можно определить как нечто совершённое; занятие, действие [Фасмер М.: 1996. Т. 1, 496]. Таким образом, первые этапы осмысления труда происходили в акциональном ключе.

С информацией, содержащейся в диктумном компоненте, тесно связаны культурные установки, идеологемы, стереотипы, оценки, эмоции, входящие в **модусный** компонент.

Культурные установки, идеологемы, стереотипы выступают в функции оснований оценки. Эмоции и оценки являются результатом соотнесения объекта оценки — представлений, бытовых понятий — с основанием оценки. Отсюда культурная маркированность оценок и эмоций, являющихся интерпретациями той или иной идеи.

Так, русские культурные установки указывают на то, что человек должен подготовиться к зиме, сделав запасы (глава 42 «Домостроя»; эти культурные установки отражены в многочисленных поговорках: **было бы в амбаре, будет и в кармане; была бы в сусеке рожь, будет и в кармане грош** и др.) являются основанием отрицательной оценки, вербализованной семантикой слова *безгуменник* «плохой крестьянин. хозяин». Если у человека нет гумна, в котором хранится зерно, он не может прокормить свою семью и обеспечить посев на будущий год.

В модусный компонент входит информация, которая интерпретирует не только культурно релевантные смыслы, составляющие диктумный блок, но и знания, структурирующие универсальный блок концепта.

Например, культурно маркированные представления воплощены в названиях многих славянских месяцев: апрель у украинцев называется *цветень (квітень)* (то есть связывался с цветением растений), у белорусов – *красавик* (название отражает эстетическую оценку). Разное понимание одного и того же отрезка времени объективировано русской фразеологической единицей *бабье лето*, указывающей на наступление женских работ (лето в крестьянском сознании связывалось со временем полевых, домашних дел) и её немецком эквиваленте *марьина пряжа*, конкретизирующем вид деятельности. Как видим, внутренняя форма языковой единицы отражает ту или иную интерпретацию, стратегию в осмыслении, которая обусловлена особенностями быта, истории, характера данного народа.

Модусный компонент культурного слоя концепта отражает социальный рейтинг концепта: в одни культурно-исторические периоды концепт может приобретать особую социальную значимость, в другие — утрачивать её. В качестве примера можно привести значимость труда на предыдущих этапах развития русской культуры, воплощённую в модусных компонентах языковых единиц разного типа: *в дальних краях ремесло кормит; мастер на все руки; ничто так, как труд, не облагораживает человека* — и скептическое отношение к честному труду в нынешнее время, что находит свою объективацию, например, в эмоционально-оценочных коннотациях газетных заголовков: *«Как избежать безработицы, если никто не хочет работать»* («Комсомольская правда», 19.07.91), *«Работа не волк, но что-то звериное в ней есть»* («Аргументы и факты», № 50, 2000), *«Не хотим быть трудом, хотим быть капиталом»* («Комсомольская правда», 11.12.91).

Неотъемлемой частью процесса изменения социального рейтинга концепта является актуализация входящих в него смыслов. Выше мы говорили, что составляющие концепта подвержены актуальной дифференциации: одни смыслы уходят в пассивный слой, другие составляют ядерную часть. Несмотря на возможность протекания данных процессов, ядерная часть концепта отличается той или иной степенью стабильности, которая обусловлена фактором социально-исторической преемственности. Инвариантное содержание ядерной части концептов находится в зависимости от архетипов, особенностей **национального менталитета**, глубинной структуры, определяющей на протяжении длительного времени этническое и национальное своеобразие и характеризующееся большой стабильностью [Попова З. Д., Стернин И. А.: 2001, 66].

Таким образом, культурная информация разноаспектна, что неоднократно подчёркивалось в фундаментальных лингвокультурологических трудах, например, [Алефиренко Н. Ф.: 2002, 144 и др.].

Итак, культурный слой концепта является способом существования и организации культуры. Структурируя культуру и указывая на динамику культурно-когнитивных процессов, он обеспечивает связь между различными эпохами и стилями культуры, что находит своё воплощение в эволюционном семиотическом процессе. Рассматриваемый слой концепта не только отражает, но и задаёт определённый угол зрения на объективный мир и тем самым закрепляет и организует те или иные ценности, помогает человеку ориентироваться в том или ином культурном пространстве. Культурный слой концепта отражает этнический характер лингвокультурной общности, сущность которого заключается в определённом типе реакций на явления окружающего мира.

Итак, значение (лексическое, фразеологическое) языковой единицы представляет собой структуру, состоящую из компонентов, несущих разнородную, но взаимосвязанную информацию. Каждый компонент является продуктом процесса категоризации. В компонентах значения воплощаются результаты культурно значимых человеческих практик, структурированность и системность самой культуры в целом. Ю. М. Лотман отмечал, что культура представляет собой не только склад информации, но и механизм, который определяет способы хранения этой информации [2000, 395]. Лексическая и фразеологическая семантика не только отражает те или иные культурно маркированные смыслы, но и интерпретирует универсальные аспекты знания в соответствии с теми или иными атрибутами культуры, объективируя своеобразие организации культурного знания. Многообразие языковых репрезентаций группируется в лингвосемиотические ряды, отражающие процессы аспектуализации знания, объективирующие таксоны тезауруса культуры. Характер семантики языковых единиц позволяет представить модель структуры концепта культуры.

2. Вербализация стереотипных представлений о труде в русском языке

2. 1. Внутренняя форма как средство вербализации культурных стереотипов

Как уже отмечалось, одним из средств репрезентации культурных стереотипов является внутренняя форма. В основу стереотипа кладутся стандартные признаки того или иного явления, которые могут интерпретироваться сознанием как эталоны хорошего или плохого. Эти свойства внутренней формы позволили Н. Ф. Алефиренко сравнить её с речемыслительным кентавром, «фокусирующим в себе один из признаков этимологического образа, модально-оценочный элемент эмосемы и отдельные смысловые гены концепта» [2002, 279]. Так, в основе внутренних форм кустарных терминов: *щёчка, макушка, бородка, ручки, пятки* — лежит стереотипное представление о том, что изделие подобно человеку (человек становится эталоном, мерой создаваемых вещей). Набор стандартных признаков, отражённых приведёнными номинациями, не находит модальной интерпретации. Внутренняя форма устойчивого сравнения *как машина* отражает стереотипное представление о том, что человек, выполняющий однообразную работу, не проявляющий творческого подхода к делу, подобен машине. Этот признак становится эталоном плохого отношения к работе. Свойство внутренних форм репрезентировать сформированные той или иной лингвокультурной общностью стереотипы обусловило их квалификацию как квазистереотипов [Телия В. Н.: 1986].

Внутренняя форма (квазистереотип) представляет собой вербализацию того или иного положения дел (концептуального образа), которое может быть структурировано как гештальт, сцена, сценарий (скрипт), фрейм [см. п. 1.5.]. Д. Б. Ольховиков отмечает: «Языковой образ — это вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объём и положение в пространстве поименованного предмета» [1999, 338]. Процесс вербализации того или иного стандартного положения дел связан с актуализацией одного и редукцией остальных его признаков. А. А. Потенба отмечает: «Внутренняя форма есть ... центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» [1999, 125]. Так, для репрезентации смысла «трудолюбивый» избирается один признак — «такой, который не устаёт»: *безус-*

тальный. Соотносясь с одним из признаков того или иного положения дел, внутренняя форма в то же время обеспечивает его целостность. Семантика образа беспредельна [там же, 232], внутренняя форма же сгущает её, заключает в строгие рамки.

А. А. Потебня учит различать внутреннюю форму и образ, внутренняя форма — это центровая часть образа, один из его компонентов. Однако многочисленные семантические и ономаσιологические исследования [В. П. Жуков, А. М. Мелерович; В. М. Мокиенко; М. И. Сидоренко; Р. Н. Попов; В. Н. Телия и др.] демонстрируют тенденции к редукции в различении этих понятий, что находит своё объяснение в задачах исследования: акцентировании внимания на семасиологической и ономаσιологической специфике языкового образа, а не на прагматическом эффекте, который он производит. В настоящем исследовании внимание фокусируется на внутренней форме в строгом смысле слова, что объясняет синонимическое использование терминов *внутренняя форма* и *языковой образ*.

Признак, ставший внутренней формой языковой единицы, получает особую роль — репрезентировать данное представление. Эта особенность внутренней формы даёт возможность её определить как квазиденотативное содержание языкового знака [Телия В. Н.: 1996, 236]. Процесс выбора подобного признака обусловлен культурными факторами и отражает специфику национальной категоризации и концептуализации мира.

Внутренняя форма является своеобразным результатом процесса языковой категоризации. Редуцируя массу признаков, она облегчает обобщение однородных явлений. Избранный признак является своеобразной этикеткой всего значения, стоящей за ним реалии, а значит, указывает на то, как она отражается, понимается сознанием говорящих на данном языке. Выделение того или иного признака из их многообразия говорит о том, что процессы сортировки пройдены. Например, отсутствие навыка в том или ином деле, обусловленное какими-либо причинами, в 19 веке осмыслялось через ситуацию, когда нечто становилось для человека обычным, постоянным, то есть через привыкание к чему-либо: **непривычка.**

Выбор определённого признака связан с процессом его эталонизации: выбранная сознанием черта становится своеобразной мерой явления, нормой хорошего или плохого получает операциональный, общепризнанный характер, который выражается в том, что использование языковой единицы отражает способ мировидения и может быть сопряжено с какой-либо эмоциональной реакцией. Так, для репрезентации

смысла «поработай теперь, поскольку ты отдыхал, когда другие трудились» используется внутренняя форма слова **попляши** (в выражении **поди-ка попляши**), а не *потанцуй, повальсируй, погуляй, поиграй* и проч. Выбор внутренней формы подчёркивает значимость действия (работай так, как если бы ты плясал). Данный признак, «схваченный знаком», стал эталоном отрицательной эмоционально-оценочной реакции на поступок человека, не принимающего участия в работе, но претендующего на её результаты.

Эталоны сжато (компрессированно) выражают типичные представления народа о мире в ходе освоения действительности, характеризуются операциональностью, поскольку выступают в качестве ориентиров в процессе познания действительности. А. А. Потебня отмечает: «...в образе отпечатывается то, что человеку кажется непосредственно истинным и действительным» [1999, 127].

Специфика природы квазистереотипа состоит в том, что он как бы «схвачен» знаком, представляя часть его значения, которая отсылает, с одной стороны, к денотативно-сигнификативному, а с другой, к прагматическому компонентам. Внутренняя форма всегда опирается на другой знак (знаки), что определяет её мотивированность. М о т и в и р о в а н н о с т ь представляет собой интерпретационный компонент внутренней формы, который является результатом апперцепции человеческой психики — обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека [Потебня А. А.: 1999].

В. Н. Телия установила [1988, 40], что в основе этого компонента лежит принцип фиктивности «как если бы», который определяет движение образа по шкале «живой – стёртый / мёртвый образ», отмеченное ещё Ш. Балли [1961, 225 — 226]. Ср.: **дело табак; тянуть канитель** (единицы с мёртвым образом: мотивировка отсутствует; принцип «как если бы» редуцирован полностью, поскольку отсутствует возможность буквального прочтения языковой единицы) и **на солнце всё поглядывает; переливать из пустого в порожнее; аврал** (единицы с живым образом, возможно применение одного из трёх вариантов принципа фиктивности: «как», «как бы» и «как если бы»). Интерпретационный компонент внутренней формы отражает устойчивые, социально значимые ассоциативные отношения между мотивирующим и мотивированным именами и стоящими за ними явлениями. «Это даёт возможность образным единицам языка стереоскопически представлять всю смысловую эволюцию, «траекторию культурного развития» в парадоксальном сочетании всеобщего и особенного, субъективного и объективного видения

мира» [Алефиренко Н. Ф.: 2002, 35]. Степень прозрачности внутренней формы указывает на ценность того или иного явления для говорящего.

Факт утраты образности не менее интересен для лингвокультурологии. Данный процесс может указывать:

- на снижение ценностного статуса обозначаемого языковой единицей явления. Например, утрата актуальности значения «тот, кто работает для себя на досуге» — *колодеи* повлекла за собой затмение образного основания: от *(о)коло* + *деяти* [Фасмер М.: 1996. Т. 2, 293];
- на усложнение понятия (здесь уместным будет вспомнить мысли А. А. Потебни: «Важность забвения внутренней формы – в положительной стороне этого явления, с которой оно есть усложнение или, как говорит Лацарус, сгущение мысли» [1999, 194]). Для примера можно привести номинации обыденных понятий: *долото* от *долбить*; *кладиво* «молот» от *кладу*. Усложнение данных понятий, проявляющееся в «обрастании» их смыслового стержня, репрезентированного языковым образом, новыми признаками, привело к забвению внутренних форм. Тем самым можно утверждать, что затемнение внутренней формы в той или иной степени связано с изменением концептуального статуса единицы: живую внутреннюю форму имеют, как правило, языковые единицы, репрезентирующие представления; «перерастание» представлений в обыденные и научные понятия может повлечь за собой забвение образа. Даже если языковая единица этого типа имеет внутреннюю форму, последняя утрачивает свою актуальность, что связано с высокой степенью абстракции, обобщённости данных ментальных единиц, с сложностью (многопризнаковостью и глубиной), неэмотивностью их содержания;
- на смену культурной парадигмы (культурных установок и стереотипов, особенностей материальной культуры), в которой была порождена данная внутренняя форма. Так, затемнение внутренней формы слова *работа* связано с изменением понимания, что работа является обязательным атрибутом рабства, выполняется не по своей воле. Этот же процесс в слове *черезполосица* «земля, не сплошная в одних руках, а полосами чужая» связан с утратой традиции давать крестьянским миром той или иной семье для выращивания урожая земельную полосу.

Каждый из этих факторов имеет одинаковую когнитивную основу: признак, положенный в основу внутренней формы, не способен более представлять всё значение языковой единицы, становится несущественным, как бы «отрывается» от своего значения. Мёртвые внутренние

формы уже не объясняют то или иное явление, а хранят память о его интерпретации.

Культурно-семиотический подход к внутренним формам позволяет выделить лингвосемиотические ряды, представляющие те или иные лингвокультуры. Основанием для выделения лингвосемиотического ряда является базовый образ, который моделируется в результате обобщения внутренних форм. Базовый образ отражает процессы актуализации культуры, которые находятся под влиянием культурного кода. Тем самым актуализация того или иного признака оказывается в зависимости от действия определённого культурного кода. Отсюда следует, что внутренняя форма является отражением способа мировидения. Массив мотивированных языковых единиц, репрезентирующих концепт «Труд», позволяет установить пять продуктивных способов концептуализации данной ментальной категории, которые имеют своим началом ранние формы религии. К этим способам (кодам культуры) мы относим акциональный, фетишный, биоморфный, антропоморфный, анимический.

В основе акционального кода лежат представления о действиях, имеющих магический характер. В рамках данного способа мировосприятия формируются такие базовые образы, как *путь, война, выполнение того или иного вида деятельности (вспахивание поля, уход за домашними животными, приготовление пищи и др.)*.

Фетишный способ мировосприятия культивирует базовые образы натурфактов или артефактов. Здесь выделяются такие матрицы, как: *машина, земледельческие орудия труда и др.*

Биоморфный культурный код продуцирует образы животных, насекомых, растений: *растение, домашнее тягловое животное и др.* Атрибуты трудовой деятельности наделяются чертами животных.

Антропоморфизм олицетворяет, очеловечивает процессы, результаты, средства трудовой деятельности. В рамках этого кода выступает единственный образ – *человек*.

Анимический культурный код одухотворяет явления природы, выступающие в качестве стереотипов атрибутов трудовой деятельности.

Каждый из перечисленных культурных кодов имеет архетипический характер. В. В. Красных отмечает, что набор кодов культуры для человечества универсален. «Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [2002, 232].

Таким образом, внутренняя форма в отношении к смыслу выполняет интерпретирующую роль. Из всего многообразия той или иной части знания она выделяет один признак, отражающий стереотипные представления той или иной лингвокультурной общности о нормах хорошего или плохого. Языковой образ не только объективирует результаты познания, но и способствует посредством сформированного квазистереотипа обогащению и совершенствованию добытых знаний. Квазистереотипы являются своеобразным «входом» в концепт: для той или иной лингвокультурной общности образы родного языка являются доступными, понятными, имеющими высокий объясняющий потенциал.

Рассмотрим стереотипы трудовой деятельности, вербализованные в русской лингвокультуре.

2. 2. Вербализация стереотипов трудовой деятельности русской общенародной культуры посредством различных культурных кодов

2. 2. 1. Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках антропоморфного культурного кода

Антропоморфный культурный код продуцирует понимание действительности в форме олицетворения. Применительно к концепту «Труд» это означает, что трудовая деятельность и её атрибуты осмысляются посредством гештальта «человек» [Телия В. Н.: 1988, 40]. Для вербализации стереотипных представлений о трудовой деятельности сознание прибегает к образам частей человеческого тела, его духовной и физиологической сферам, системе функций, социальному статусу.

Части тела человека репрезентируют представления о целях, мере, видах трудовой деятельности, орудиях труда.

Так, с **зубами** связаны представления о работе и тех материальных благах, которые она даёт. Выбор этой части тела обусловлен тем, что с помощью зубов человек потребляет пищу, утоляет голод. Возможность прокормить себя и свою семью для русского человека всегда была целью и критерием оценки труда. Отсюда стандартные представления о труде вербализуются данным квазистереотипом: **работа с зубами, а лень с языком** и др. Представления о целях труда отражаются и квазисимволом **брюхо: кабы не брюхо, мы б лёжа опузырились** и др. Брюхо –местилище еды, индикатор чувства голода. Эти функции и послужили причинами выбора данной лексемы для выражения стандарта причин, обязывающих человека трудиться.

Многообразные стереотипные представления, связанные с трудовой деятельностью, отражаются посредством квазисимвола *рука*. Рука – главное «орудие труда» – становится своеобразной мерой дела, мастерства человека.

Актуальность данной части тела для русского человека отражена и в том, что в поле зрения языковой личности попадают части руки: *палец, локоть, плечо*: *играть на руку, не с руки, пальцем о палец не ударить, по плечу, под руку, руки не отвалятся, засучивать рукава* (имплицитная презентация локтя) и др.

Рука становится своеобразной метрической системой. Эта метрическая система трёхмерна, её составляющие: палец, локоть, плечо. Палец репрезентирует полное бездействие, наименьшие физические затраты: *палец о палец не ударит, пальцем не пошевелишь* и др. Человек, который не делает никаких движений даже пальцем, подвергается отрицательной оценке, являющейся результатом соотнесения основания оценки – квазиденотативного содержания (палец имеет небольшие размеры, небольшое число функций) с культурными установками *трудись в поте лица; чтобы прокормить себя и свою семью, необходимо много трудиться* и подобными, которые выступают в качестве оснований оценки. Тем самым квазистереотип *палец* репрезентирует стандарты лени, пассивности, безынициативного отношения к труду.

Локоть характеризует стандарт хорошего выполнения работы, достаточной меры сил, направленных на её осуществление. Данный стандарт находит опосредованное, описательное выражение в языке: *засучив рукава*. Этимология данной фразеологической единицы отражает особенности древнерусской материальной культуры: одежда имела очень длинные рукава и выполнение любой работы было невозможно без того, чтобы не засучить их. Изменение моды повлекло за собой модификацию в интерпретации внутренней формы. Квазиденотативная информация для современной языковой личности представляет собой картинку, содержанием которой является освобождённая от одежды примерно до локтя рука. Работать так, что даже засучить рукава, одобряется русским человеком, так как объект оценки соответствует уже вышеназванным культурным установкам.

Выражением стандарта высокой, но реальной для выполнения меры работы является плечо: *по плечу*. Плечо русскому человеку представлялось тем местом, куда «забирается» работа: *взвалить на плечи; дело лежит на плечах моих* и др. Плечо имеет больше силы, чем рука: *плечом гору сдвинешь* и др. По плечу русские сравнивают рост: кто

выше или ниже. Эти фоновые знания стали основанием для вербализации указанного стандарта квазисимволом *по плечу* и др.

Рука не случайно становится своего рода «измерительным прибором» дела, трудовых достоинств человека. Вспомним древнерусскую метрическую систему: аршин, пядь, сажень. Метрическая характеристика также осуществлялась посредством руки: пядь — расстояние между максимально расставленными большим и указательным пальцами, аршин — расстояние от пальцев до локтя, сажень — расстояние между вытянутыми руками [Черных П. Я.: 1994]. Таким образом, языковому сознанию, по сути дела, был предложен инструмент и единицы измерения. (В подтверждение этой мысли можно привести и тот аргумент, что другие квазисимволы этого концепта: ноги, спина — не отражают «метрики дела».) Для количественной оценки работы этот инструментарий вполне подходил: главным орудием труда является рука, объект (дело и его исполнитель) может измеряться по шкале «много — достаточно — мало».

Поскольку рука является символом деятельности, то для коллективного сознания становится важным движение руки и по отношению к руке, а также расположение рук. Квазиденотативное содержание единиц: *на руку, под руку, сложа руки, руки не доходят, приложить руки, как без рук, руки не из того места растут, руки не отвалятся, неручь, рука набита, на все руки* и др. — ориентирует на то, что рука определяет ценность дела и человека, трудность работы, правильность и удобство её выполнения, уровень мастерства.

Состояние рук является и стереотипом желания работать: *руки зачесались, руки горят* и др.

Рука становится стереотипом качества выполнения деятельности: *на живую руку; на скорую руку* и др.

Значима для коллективного сознания и оппозиция правый vs. левый. Рабочая функция правой руки определяет культурную интерпретацию этих образов. Быть подобному правой руке, делать что-либо правой рукой хорошо, так как она несёт основную функцию. Слово *правая* имеет коннотации «правильность», «важность», «выполнение основной работы», «доверительность» и др.: *правая рука; левая* — «небрежность», «неверность», «простота», реже — «изошрённость»: *пиши хоть левой рукой, одной левой*. Отрицательные коннотации обусловлены не только фоновыми знаниями, а также соотношением внутренней формы с культурными установками, но и этимологией слова. Этимон слова *левый* имеет значение «слабый, кривой, неправильный, нечестный, ненадёжный, плохой» [Апресян Ю. Д.: 1995. Т.2, 171].

Стереотипные представления о длительном выполнении той или иной работы выражаются посредством квазисимвола *ноги: на ногах*. Внутренняя форма находит отрицательную оценку, так как долго делать ту или иную работу плохо, ибо человек лишается сил. Поэтому квазистереотип *на ногах* имеет отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Стереотипные представления о строении человеческого тела указывают, что человек должен иметь здоровые руки и ноги. Поэтому квазиденотативное содержание *без рук, без ног* продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации и репрезентирует стандарт уставшего, не способного для продолжения деятельности человека.

К образу ноги языковая личность прибегает для репрезентации представления о строении сохи: *держись за сошеньку, за кривую ноженьку*. Причиной выбора данного признака является сходство формы сохи и ноги. Важность данного орудия труда, его постоянное использование, сопоставление с тружеником, который весь день проводил *на ногах*, вероятно, составляли ту часть фоновых знаний, которые принимались во внимание при определении сходства сохи и ноги человека.

Образы рук и ног становятся стереотипами состояния усталости: *руки отваливаются; ноги отнялись* и др.

Ещё одной частью человеческого тела, с помощью которой русские выражают свои стереотипные представления о труде, является спина. Квазисимвол *спина* вербализует представления о физическом напряжении, которым сопровождается выполнение той или иной работы, а также об ответственности за выполненную работу: *руки виноваты, а спина отвечает; пилить пилюю — гнуться спиною; горбить спину; гнуть спину; спина отваливается; не я ответчик — спина моя* и др. Отражение данной части тела квазиденотативным содержанием обусловлено, с одной стороны, тем, что наибольшая физическая нагрузка при выполнении той или иной работы падает на спину, спина является одним из самых уязвимых мест человеческого организма, «болевым точкой», с другой стороны, традицией за плохо выполненную работу наказывать ударами по спине. Фоновые знания, сопровождающие данный образ, получают отрицательную оценку, обусловленную общечеловеческим стереотипом *испытывать боль плохо*. Таким образом, языковой символ *спина* отражает стандарт чрезмерного труда либо наказания за невыполненную работу.

Квазистереотипы *живот (пуп), жилы, кишки, кровь, кожа, мозоль* также выражают стандарты непосильной, чрезмерной работы: *надорвать живот, пуп; надрывать жилы; достаться кровью; рвать*

кишки; нам бы так пахать, чтобы мозоли не набивать; крестьянскими мозолями и бары сыты живут; мозолистые руки не знают скуки; когда сеют да жнут, не глядят, что мозоли жгут и др.

Стереотипом чрезмерного напряжения сил являются представления о поте: *умываться потом; семь потов сойдёт; до кровавого пота; работай до поту, так поешь в охоту; не земля родит, а пот* и др. Пот становится своеобразной мерой и оценкой труда: работать и не вспотеть – плохо работать, не добиться хороших результатов.

Представления о честном, тяжёлом труде вербализуются квазисимволами *горб, хребет: добывай всяк своим горбом* и др. С горбом связаны и представления о «награде за труд»: *от работы не будешь богат, а будешь горбат; мужик не живёт богат, а живёт горбат* и др. Иметь горб плохо, поскольку он является признаком больного человека, делает его безобразным. Поэтому результаты работы, представляемые в виде горба, оцениваются отрицательно, вызывают неодобрение. Эти же представления объективируются образами болевых частей тела человека: *нажил — чирий на боку; заработал чирий да болячку* и др. Ирония русского народа по отношению несоответствия непосильного труда и его результатов находит своё отражение в переосмыслении данного квазисимвола. Горб в значении «живот»: *жить, богатеть и спереди горбатеть* – выступает в качестве языкового символа довольной и сытой жизни. Основаниями для выбора данного квазиденотативного содержания являются фоновые знания и сходство формы пуза и горба.

Стандартные представления об интеллектуальном труде репрезентируются квазисимволом *голова: работать головою* и др. Выбор данного образа обусловлен представлениями о том, что голова являетсяместищем ума.

Успешное осуществление того или иного вида трудовой деятельности возможно, если человек обладает особым знанием, отождествляет себя с Богом, творцом. Эти представления отражены в квазиденотативном содержании ряда языковых единиц: *непривычка* «недостаток навыка», *изобыкать* «получать навык, набить руку», *творец, умодѢльник* «мастер», *прѢмУдрость* – «дело», *ухыщрение* – «ремесло», *хытроство* – «искусная работа», *«Школа труда — школа жизни»* («Комсомольская правда», 1986, № 161). Большинство из приведённых слов имеют этимон со значением «знание, учение». Ср: *наука*. А. А. Потебня указывал на семантическую близость ума и хитрости с быстротой [2000, 39-41]. Таким образом, буквальное прочтение этих единиц выявляет, что трудовая деятельность осмысливается как нечто требующее особого знания, быстроты исполнения.

В представлении русской языковой личности машина обладает тем же строением, что и человек: *«Ручной труд — на плечи механизмов!»* («Известия», 1974); *«...задремал..., обнимая одной рукой паровозный котёл, как живот всего трудящегося человечества...»* (А. Платонов «Фро»); *«...котлы взрывали свою железную грудь...»* (В. Гроссман «Жизнь»); *«На перемышке тоже стояли пузатые краны»* (Ф. Гладков «Энергия»); *«...я ощущал всё тело машины — оно сильно грелось и мучилось...»* (А. Платонов «Родина электричества») и др. На формирование подобных представлений, по всей вероятности, повлиял процесс постепенного высвобождения человека машиной. Механизм получал не только часть функций человека, но и некоторые его признаки (в частности признак строения).

Таким образом, труд в буквальном смысле имеет голову, руки, ноги, живот и спину, то есть при концептуализации труда сознание охватывает полностью человеческие очертания. Однако зрительные ощущения не играют здесь существенной роли: выбор частей тела обусловлен их функциональными особенностями. Символизация рассмотренных языковых единиц, их продуктивность, проявляющаяся в фразеологическом и паремическом гнездообразовании, обусловлена тем, что посредством них человек оперирует большими структурами знания — фреймами. Так, например, квазисимвол *живот* актуализирует в сознании фрейм «переутомление в результате трудовой деятельности», слотами которого являются сцены трудовой деятельности, способ её выполнения, время выполнения и др.

Репрезентируя стереотипные представления об объекте трудовой деятельности, русское сознание прибегает к образам одежды человека: *овёс в кафтане, а на гречихе и рубахи нет* и др. Эти внутренние формы помогают русскому человеку выразить обыденные понятия о степени зрелости зерновой культуры. Одетый кафтан, вид верхней одежды, указывал на завершённость, полноту костюма, респектабельность человека: *худа слава, что без кафтана*.

Кроме этого, для вербализации стереотипов трудовой деятельности сознание прибегает к социальным характеристикам человека. Активно используются базовые образы «семья», «работник — хозяин». Семейные отношения и функции помогают выразить стандарты запущенного хозяйства: *без хозяина дом сирота*, представления о нравственном и экономическом потенциале трудовой деятельности: *«Труд — это отец удовольствия»* (Стендаль); *клеёк да рубанок столяру отцы родные* и др.

Сирота вызывает сочувствие и сострадание, о сиротах некому позаботиться, поэтому они неухожены. Чаще всего они оказываются не нужными другим людям. Поэтому быть сиротой плохо. Сирота – это несчастный человек. Квазиденотативное содержание порождает отрицательные коннотативные семы: дом, в котором нет хозяина, подобен сироте, а значит, не может вызвать одобрения.

Стандартное представление о том, что труд может породить те или иные чувства, находит своё выражение посредством внутренней формы *отец*. Отец имеет детей, выполняет главную роль в семье. Подобно отцу труд имеет плоды, занимает главное место в жизни человека.

К базовому образу «работник — хозяин»: *мощный комбайн в поле хозяин; труд – отец богатства, земля – его мать; «Освобожденье честного труда – Вот в чём задача нынешнего века, Недаром бурь народных череда Встаёт во имя братства человека»* (И. Чавчавадзе), *«Если работа для вас главное, а плата — вещь второстепенная, то вашим господином будет труд»* (А. Клизовский), *«Рабочий — раб, очно поступивший на завод»* («Аргументы и факты», 1997) и др. — сознание прибегает не только для выражения идеи подчинённости, закабалённости, несвободы труда, но и власти, господства труда. Отношения «работник — хозяин» непосредственно сопровождают трудовую деятельность, отсюда формирование данных стереотипных представлений связано со сферой опыта. Как видно из примеров, к указанным образам сознание прибегает как для выражения представлений о роли орудий труда, так и для характеристики трудовой деятельности в целом. Представления о функциях слуги порождают отрицательные эмотивно-оценочные коннотации, хозяина – положительные.

Кроме того, труд, его атрибуты наделяются психическими качествами человека, он любит, боится и подобное: *работа дураков любит; дело шутки не любит; работа молчит, а плеча крехтят; всякое дело мастера боится, а инога и мастер бегаёт; губит лень, спасает трудодень; час смену бережёт; и трактор имеет характер; соха ябедница, а борона праведница* и др. Эмотивное переживание трудовой деятельности имеет своим результатом представления, наделяющие труд и его атрибуты особенностями характера человека. Их имеют такие аспекты труда, как:

- мера (*час смену бережёт* и др.);
- время деятельности (*август-батюшка заботой-работой мужика тешит* и др.);

- место деятельности («...угрюмый завод...» (Скиталец «Кузнец»); *«На заводе, за высоким забором, стояло заунывное молчание — там жило давно остывшее железо, съедаемое ленивой ржавчиной»* (А. П. Платонов «Сокровенный человек»);
- средства (*навоз бога обманет; кто землю лелеет, того земля жалует, «...день и ночь вращается машина — умная, как живая, неустанная и верная, как сердце...»* (А. П. Платонов «Сокровенный человек» и др.);
- процесс труда (*дело шутки не любит; губит лень, спасает трудодень; «...Иль жаль мне труда, молчаливого спутника ночи...»* (А. С. Пушкин «Труд» и др.);
- результат труда (*работа хвалит мастера* и др.).

Обращает на себя внимание, что труд и его атрибуты обладают положительными чертами характера: любит, спасает, тешит и прочее.

Модель отношений между людьми переносится на отношения работника к орудиям труда: *клин плотнику товарищ*. Положительное восприятие орудий труда: инструмент помогает человеку делать дело — отражается в квазистереотипизации товарищеских отношений между людьми. Для характеристики степени сложности работы русская лингвокультурная общность прибегает к правилам драки: *лежащего не бьют*. Если человек в процессе трудовой деятельности, которую можно представить как противоборствующую силу, ощущает себя так же, как если бы, дерясь и осознав себя победившим, воспользовался правилом: *лежащего не бьют* (то есть прекратил драку, не стал бы больше проявлять физических усилий), то данная трудовая деятельность осмысливается как очень простая, не требующая никаких усилий. Такое понимание трудовой деятельности не соответствует стандартным представлениям о ней, поэтому квазистереотип вызывает отрицательную оценку и эмоцию уничижения.

Кроме того, труд наделяется рядом физиологических признаков, свойственных человеку. Отбор этих признаков обусловлен, прежде всего, той ролью, которую играет трудовая деятельность для человека — обеспечением его средствами к жизни, наделением знаниями и опытом: *хлеб за брюхом не ходит; трудовая денежка до веку живёт (кормит, служит); дело учит, и мучит, и кормит; куда топор, коса и соха не ходили; спасибо не кормит и не греет; не переводя дыхания; без хозяина двор, а без хозяйки изба плачет; отдохни, сошка, — сказал дед Тимошка. — Теперь не твой час — есть трактор у нас* и др.

Для репрезентации представлений о трудовой деятельности и её атрибутах сознание прибегает к образам физиологических особенностей организма человека: «...*стремленьем к истине суровой Горячий труд его дышал...*» (Н. А. Некрасов «В. Г. Белинский»); «*Посади в неё дурака, он машину угробит и дела не сделает*» (Б. Н. Полевой «Вклад»); «...*бабы плачут по скончавшейся шахте...*» (В. С. Гроссман «Жизнь»); «*Работы велись в пониженном темпе: так же, прерывисто и неравномерно, дышит больной*» (Л. Леонов «Соть»); «*Игрушечно маленький паровозик, чихая паром, тащил за собою целый состав вагонеток...*» (Ф. Гладков «Энергия») и др.

Наиболее востребованным физиологическим признаком, к которому прибегает русская лингвокультурная общность при репрезентации стереотипных представлений о труде, относится продуцирующий. Данный признак репрезентирует представления о роли труда: «*Труд создал самого человека*» (Ф. Энгельс), времени деятельности: *заря деньгу родит*; средствах труда: *где хозяин ходит, там и земля родит; на навозе и оглобля родит*. Актуализация данного признака объясняется продуцирующим потенциалом трудовой деятельности в целом.

Этот признак трудовой деятельности объясняет обращение языковой личности к системе человеческих практик: *если в апреле земля прет, значит, вовремя май посеет; дело дела погоняет; «Наш мир создаётся деяннем, трудом»* (М. Горький); *день придёт и заботу принесёт; лето припасиха, а зима прибериха; лето собирает, а зима подбирает; осень всклокочет, а весна как захочет; заря золотом осыплет; сам не скажет, трудодни покажут; топор одевает, топор обувает; мужика не шуба греет, а топор*; главной из которых является следующая: труд кормит: «*Великих людей питает труд*» (Сенека); *матушка-рожь кормит всех сплошь, а пшеничка по выбору; не поле кормит – нива; в дальних краях ремесло кормит; не просит ремесло хлеба, а само кормит; вешний день весь год кормит; не топор кормит мужика, а июльская работа; топор кормилец* и др.

Трудовая деятельность, её атрибуты наделяется и рядом коммуникативных признаков человека: *придёт осень, за всё спросит; работа хвалит мастера; дом не велик, да садиться не велит, рожь говорит: сей меня в золу да в пору; «Так и в корпусах. Идёшь, а на тебя всё глядит и вроде спрашивает...»* (Н. Н. Ляшенко «Доменная печь»), «*Без разговора со станком, у меня дело не клеится*» (Ф. Гладков Ф. «Клятва»), «*Поля требуют так много труда, как, пожалуй, ничто другое*» («Известия», 1974) и др., отражающих стереотипные представления о том, что труд требует особого подхода, может спросить, приказать, по-

требовать, то есть чаще предстаёт для языковой личности как строгий, требовательный, имеющий более высокий социальный статус собеседник.

Итак, антропоморфный код используется для концептуализации таких аспектов трудовой деятельности, как её мера, ценность, качество, способ, вид, функции. Осмысление этих аспектов концепта оптимально при использовании семантических матриц антропоморфного культурного кода, поскольку определить стереотипы указанных аспектов трудовой деятельности для человека оказывается возможным при проецировании их на себя. В. Н. Топоров отмечает: «Опирающееся на миф ... сознание ... в высшей степени ориентировано на постоянное решение задачи тождества, одним из типичных решений которой становится отождествление космического (природного) и человеческого» [Цит. по Рут М. Э.: 1992, 146]. Человек, его психические и физиологические особенности, социальные отношения, в которые он вовлечён, выступают в качестве эталонов верных способов труда, его видов, различной степени напряжения сил при выполнении той или иной работы. Образные основания данного культурного кода компактно репрезентируют сложные по структуре ментальные единицы: фреймы и сценарии. К рассмотренному культурному коду прибегает преимущественно народная культура, его продуктивность подтверждается актуальностью соотносящихся с ним лингвокультурем. Вербализованные стереотипы этого культурного кода, используемые для представления стандартных положений дел, дают им как положительную, так и отрицательную интерпретацию.

2. 2. 2. Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках акционального культурного кода

Акциональный культурный код продуцирует квазистереотипы, отражающие те или иные виды деятельности. Воплощённым в квазиденотативный компонент жизненным практикам придаётся особый статус, ибо они выполняют важную роль в процессе концептуализации трудовой деятельности. Рассмотрим образные основания, к которым прибегает русская лингвокультурная общность в процессах концептуализации трудовой деятельности.

Одним из основных действий, с помощью которого происходит осмысление трудовой деятельности, является – **тянуть**: **тяглый**, **тянуть**, **тягло**, **тХжание** «поле», **выдень** «обычный, будний день» (по мнению В. И. Даля, слово **выдень** является производным, от **выть** «вытягивать, тянуть тягло»), **тянуть лямку**. Понимание работы как чего-то

требующего больших физических усилий отражено и внутренней формой слова: *земледер* и др.

Квазиденотативное содержание внутренних форм — действия, разрушающие что-либо, требующие больших физических усилий, — продуцирует интенсивные и отрицательные эмотивно-оценочные коннотативные семы.

Действия, сопряжённые с проявлением физических усилий, особым напряжением, быстрым движением, как стереотипные представления работы также отражены внутренними формами слов: *маятисХ, маячить, усюловать, спешити* «работать», *поди-ка попляши* (И. А. Крылов), *работать на гребях* и др. Отрицательная оценка действий *маячить, спешить*, объективированная в пословицах, фразеологизмах (*поспешность нужна при ловле блох; поспешишь – людей насмешишь; маячить перед глазами; домаячить век* и прочее), позволяет установить пейоративную интерпретацию труда: труд требует от человека больших усилий, постоянного напряжения, быстроты – а это оценивается плохо. Дело требует времени. Данные представления воплощаются в квазиденотативном компоненте единиц: *Москва не сразу строилась; колос к колосу – получится сноп, зёрнышко к зёрнышку – насыпешь мешок*, то есть квазистереотипами выполнения сложного дела являются строительство большого города, сбор урожая – человеческие практики, результаты которых складываются из небольших частей. Сцены сбора урожая подчёркивают и продуцирующий характер трудовой деятельности. Зерно в крестьянской культуре играло роль символа. По мнению крестьянина, оно содержало в себе силу будущего урожая, то есть связывалось с идеей роста, силы. Поэтому зерно являлось оберегом: зёрна с именинного снопа давали заболевшим животным, их применяли в обрядах опахивания и коровьей смерти. Зёрна сыпали в фундамент при закладке дома, кидали их курам, которых пускали первыми при новоселье [Сахаров И. П.: 2000]. Продуцирующую идею зерна подчёркивала примета: если под новый год девка выметала из-под стола зерно, в будущем году она выйдет замуж [Даль В.: 1995. Т.1, 681]. Фоновый контекст данной внутренней формы объясняет природу порождаемых им положительных эмотивно-оценочных коннотаций.

Для репрезентации представлений о том, что трудовая деятельность требует максимального напряжения сил, сознание прибегает к квазистереотипу *война: один и дома горюет, а двое и в поле воюют; один в поле не воин; «На войне, как на тяжкой работе»* (Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»); *«Ты хочешь, чтобы начал я мгновенно Про трудовые подвиги, наверно?»* (Е. Евтушенко «Братская ГЭС»); *«Дни работы*

жаркие, На бои похожие...) (Б. Ласкин. «Спят курганы тёмные...») и др. Война предполагает потери, поражение, победу, наличие враждующих сторон и др. Непогода, урожаи и неурожаи уподобляются перечисленным атрибутам войны. На выбор данного признака, на наш взгляд, оказало влияние и место протекания сравниваемых действий: и сражение, и выполнение наиболее важного вида трудовой деятельности происходили на поле. Культурные установки указывают, что вести войну плохо, поэтому данная внутренняя форма продуцирует отрицательные коннотации, отражающие понимание трудовой деятельности.

С предыдущими лингвосемиотическими рядами связана лингвокультурема, представленная единицами *сплУтьникъ* – «сотрудник», *«Жизнь трудовая Другу прямая К сердцу дорога...»* (Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»); *«Труд – самый лёгкий, хотя и длительный путь к истине»* (В. Гоч), *только первый шаг труден* и др. Объединяет данные единицы тождественное квазиденотативное содержание «путь». Тем самым стереотипом трудовой деятельности является представление её как дороги, прохождения пути. Связывает данную лингвокультурему с предыдущими понимание труда как чего-то динамичного, отличает – семы «начало», «конец», «цель», продуцируемые образом.

Говоря об этапах трудовой деятельности отметим, что в русском языке вербализованы стереотипы начального и конечного этапов. Квазистереотипом начала деятельности является сцена, отражённая внутренней формой *взять быка за рога*. Бык является эталоном силы (*здоровый как бык, упёрся как бык в стену рогами*). Схватить быка за рога, часть тела, с помощью которой животное защищается и нападает, означает лишить его возможности действовать. Причём сделать это довольно трудно. Сложность и ценность данного действия сравнивается с сложностью и важностью выполнения дела. Начало действия репрезентируется и сценой действия священнослужителя: *раздуть кадило*. Стереотипами завершения работы становятся сцены бега на заданную дистанцию, завершения торговли: *выходить на финишную прямую; закрыть лавочку*. Внутренняя форма первой единицы продуцирует положительные эмотивно-оценочные семы, поскольку квазиденотативное содержание: финишная прямая – указывает на полное завершение данного вида деятельности. Квазиденотативное содержание второй единицы — на временное прекращение работы. Этот факт, а также невысокая оценка торговли как вида деятельности (*торгаши; торговаться; лучше торговать, нежели воровать*) порождают отрицательные эмотивно-оценочные коннотации, закреплённые за данным значением.

Примечание [Г1]: Найдите автора.

Представления о работе на себя связываются с названием еврейского праздника субботы «шабатом / шабашем». Работать в субботу для еврея считается одним из тяжких грехов. Суббота для евреев является священным днём, предназначенным не для работы, а для молитвы. Возможно, поэтому работа в свободное время связывается с этим праздником: работа на себя (*на себя работа не барщина*) в праздничный день оправдывает даже совершение такого греха. Таким образом, для репрезентации стереотипа дополнительной работы, работы на себя, работы в праздничный день (барщина приковывала крестьянина в течение недели к полю барина) сознание использует указанную мифологему.

Элитарная культура культивирует стереотипное представление труда как праздника: *«Лишь свободное сознание может развивать труд как праздник духа»* (А. Клизовский). Сравнение труда с праздником порождает положительные эмотивно-оценочные коннотации.

Крестьянское сознание хронологически распределяло сферы деятельности. Летом крестьянин обязательно должен заниматься земледелием. Несоответствие этому стереотипу подвергалось осмеянию: *зимой с бороной, а летом в извозе; жнут порою, а жуют зимою; лето пролежишь — зимой с сумой побежишь*.

Образные представления многообразных трудовых действий: уход за домашними животными, занятия ремёслами и др. — выражают понимание руским человеком необходимости очерёдности дел: *заведи сначала хлевинку, а потом скотинку; не припася основы, ткать не садятся; наперёд запрягай, а там погоняй* и др.

Дифференциация сфер деятельности продолжается и по линии гендерных ролей. Стереотипом мужского труда является работа на дворе, в поле (за пределами дома), женской — прядение: *муж возом не навозит, что жена горшком наносит; жена пряди рубашки, муж вей гуж* и др.

Представления и о хронологической, и гендерной дифференциации труда утратили свою актуальность в связи с изменением особенностей материальной культуры.

Стереотипами способов выполнения работы, отношения к ней выступают сцены того или иного вида деятельности, не всегда трудовой: *отзвонил — да и с колокольни долой; первую песенку зардевшись поют; тянуть волынку; валить через пень колоду; снимать пенки; щёлкать как семечки; тянуть канитель; подковать блоху; заварить кашу, расхлёбывать кашу; первый блин комом; разводите муру; таскать каштаны из огня; огород городить; как по мановению волшебного жезла; нажимать на все педали; через сноп не молотят*. Мате-

риал для объективации данных представлений дают многообразные жизненные практики человека. Соотнесение внутренних форм приведённых единиц со стереотипами: *труд требует усердия; на начальных этапах выполнения работы человек должен проявлять особое старание; делать дела нужно быстро* и др. порождает эмотивно-оценочные коннотации. Так, стереотипом недобросовестной работы в русском языке является сцена перетаскивания толстого и тяжёлого бревна через пень: *валить через пень колоду*. Сравнение того или иного вида деятельности с подобными действиями вызывают неодобрение.

Степень сложности дела репрезентируется квазистереотипом *строительство дома: и малый дом с большим трудом ставится; дом построить — не шапку на голову одеть* и др.

Языковой стереотип удачного выполнения дел отражён внутренней формой фразеологической единицы *убить двух зайцев*. Быстрота зайца лишает возможности одновременно убить сразу двух зайцев, поэтому если человеку это удаётся, то данный факт осмысливается как удача, счастливая случайность.

Наблюдения за неспособным к передвижению по воде судном были положены в основу объективации представлений о помощи в процессе трудовой деятельности: *взять на буксир*.

Объективированные внутренними формами сцены деятельности человека выражают представления о необходимости труда для получения какого-либо результата: *заготовка дров (в лес не съездим, так на полах замёрзнем; не отрубить дубка, не насадя пунка); ловля рыбы (без труда не вынешь и рыбку из пруда; чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть); охота (не ударишь в дуду, не налетит и перепел); дойка коровы (есть молоко, да доставать нелегко); собирание грибов (кто пораньше встает, тот грибки себе берёт, а сонливый да ленивый идут после за крапивой), земледелие (что посеешь, то и пожнёшь); приготовление и употребление пищи (не разгрызёшь ореха, не съешь ядра; не разбивши яиц, не сделаешь яичницы; надо наклониться, чтоб из ручья напиться; не тёрши, не мявши не будет и калач; хочешь есть калачи, не сиди на печи), изготовление горшков (глину не мять, горшков не видать)* и др. Как видим, данные представления репрезентируются образами, отражающими сценарии не требующих специальных знаний действий. Тем самым выражается понимание того, что даже самое простое дело требует усилий.

Представления об обусловленности результатов труда затраченными усилиями вербализуются через презентацию сцен земледелия: *глубже пахешь — веселей плянешь; орём землю до глины — да едим*

мякину; что потопашь — то и полопашь и др. Выбор данного вида деятельности обусловлен его важностью в ряду других для жизнедеятельности человека. Из приведённых примеров видно несоответствие стереотипов. Однако данные квазистереотипы утратили свою актуальность, на что, вероятно, повлияло изменение ценностного статуса земледелия.

Трудовая деятельность должна быть целесообразной. Представления о целесообразности связываются с местом употребления пищи. Внутренняя форма фразеологизма *за семь вёрст киселя хлебать* отражает стереотип: человек должен кормиться трудом на своей родине. Зарабатывание средств к существованию поощряется лишь в том случае, если они превышают норму. Кисель – один из самых дешёвых и простых видов пищи – становится символом невыгодности дела. Квазидемотативное содержание продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Представления о ценности своевременного выполнения того или иного дела репрезентируются квазистереотипами, выражающими субфреймы *драка, пожар: после пожара за водой не бегут; после драки кулаками не машут*. Пожар и драка являются наиболее типичными ситуациями, когда от человека требуется быстрое реагирование на действительность и выполнение задач. Эти признаки данных ситуаций становятся причиной их языковой объективации и эталонизации. Указанные представления могут выражаться через обращение к разным видам трудовой деятельности: *обед тогда варят, когда дрова горят*. Несвоевременное выполнение дела обусловлено бюрократическим укладом жизни, что отражено в квазистереотипах: *отложить в долгий ящик; положить под сукно*.

Для русской лингвокультурной общности оказывается важным не только время, но и сфера выполнения трудовой деятельности. Внутренняя форма паремии: *где покос отведут, там и коси* — отражает важность осуществления трудовой деятельности в указанном кем-либо месте. Выбор квазистереотипа обусловлен мирским укладом: крестьянская семья обрабатывала тот участок земли, который ей был определён миром.

Представления о несущественных, не имеющих практической ценности делах репрезентируются либо сценариями простых, не требующих больших знаний и усилий действий: *дело вести – не лапти плести* и др., либо сценариями бессмысленных или не имеющих места в жизни трудового человека (виртуальных) занятий: *пошёл слонов продавать; пошёл чёрных кобелей набело перемывать; толочь воду в*

стуге; мух бить; меледу меледить; в лапоть звонить; он состоит в комитете по утаптыванию мостовой) и др.

Осмысление дела, фаз его протекания, оценка человека через возможность его выполнения опирается на представления о варке каши: *заварить кашу, расхлёбывать кашу, каши не сварить* и др. Каша являлась обрядовой едой, которая готовилась для большой группы людей, отчего приготовление каши считалось хлопотливым, требующим коллективных усилий занятием. Человек, не участвующий в этом процессе, не вызывает доверия, считается ненадёжным [Бирих А. К.: 1998, 256 - 257].

Через сферу деятельности даётся и характеристика работы с точки зрения её простоты или сложности, быстроты или длительности. Простая работа уподобляется плевку: *раз плюнуть*. Отражённое внутренней формой действие характеризуется простотой, отсутствием какой-либо ценности. Внутренняя форма порождает эмотивные коннотации уничижения, презрения, поскольку дело, сравниваемое с плевком, не имеет никакой ценности и вызывает неодобрение. Эмотивно-оценочные коннотации этой единицы поддерживаются её системными связями: *плёвое дело, плевать в потолок, оплёванный* и др. Длительное выполнение дела уподобляется долгой песне: *долгая песня*. Несоответствие стереотипного представления труда как динамичной, требующей больших физических усилий деятельности и квазиденотативного содержания порождает отрицательные коннотативные семы.

Представления о качестве исполнения работы репрезентированы действиями, неосторожное, небрежное выполнение которых способно перечеркнуть сразу всю работу: *где шито на живую нитку, там и прорехи; кроить – не шить: после не распорешь; так гни, чтобы гнулось, а не так, чтоб ломалось*.

Качественный исход работы зависит от приготовленного материала: *не припаса основы, ткать не садятся; не берись лапти плести, не надравши лыка* и др. Данные представления вербализуются сценариями народных ремёсел. Устаревание данных видов деятельности повлекло за собой деактуализацию квазистереотипов.

Квазистереотипом ремесла являлось кузнечное дело: *кознь* – «занятие, промысел, искусство» – от *ковать* [Фасмер М.: 1996. Т. 2, 279].

Языковым стереотипом грубого выполнения работы выступает вербализованный внутренней формой сценарий изготовления заготовок из дерева: *обакланить, оболванить* «сделать что-либо грубо, вчерне». Выбор данного квазиденотативного содержания для представления значения также связан с низкой ценностью данного занятия.

Сознание прибегает к матрицам акционального кода и для характеристики умения. Объективируются в языке представления, когда человек берётся за то дело, которое выполнить не может. Данные представления отражаются внутренней формой фразеологической единицы **не в свои сани не садись**. Несоответствие квазиденотативного содержания «сесть не в свои сани» культурной установке «не бери чужого» продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации. Выражение представлений о мастерстве осуществляется и с помощью объективации тех или иных видов трудовой деятельности: **клин тесать – мастерство казать**. Обычно эти действия требуют от человека особенного усердия: **подковать блоху; мастер из печёного яйца живого цыплёнка вытащит** и др.

Наблюдения за работающим человеком породили представления о неусердии. Квазистереотип указывает, что показателем безразличия к работе является обращение внимания не на неё, а на время: **на солнце всё поглядывает**.

Рассмотренные квазистереотипы характерны для народной культуры. Если народная культура актуализирует вербализацию стереотипов, отражающих физические, трудовые, поведенческие практики человека, то элитарное сознание останавливается на объективации социально-этических видов деятельности. Эмоциогенность элитарных стереотипов трудовой деятельности выше, чем народных. Отсутствие труда сопоставляется с воровством: **«Жизнь без труда – воровство, труд без искусства – варварство»** (Д. Рёскин). Не трудящийся человек подобен вору. Быть вором плохо (одна из христианских заповедей: не укради). Отсюда отрицательная оценка, осуждение, продуцируемые внутренней формой. Напротив, представление труда как молитвы: **«Труд есть молитва»** (А. Клизовский) — порождает положительные эмотивно-оценочные коннотации, что обусловлено такими чертами молитвы, как сокровенность, обращённость к Богу, осмысление и переживание греха и др.

Итак, акциональный культурный код продуцирует разнообразные квазистереотипы, отражающие представления о способах, фазах, интенсивности, времени, месте, ценности, целесообразности, видах деятельности. Менее продуктивны матрицы акционального кода при репрезентации стереотипных представлений результатов деятельности, характеристики труженика.

Большинство приведённых квазистереотипов отражает референциальную ценность указанных ситуаций. Многообразие трудовых практик возможно репрезентировать только посредством разнообразия

матриц акционального культурного кода, что находит своё отражение, с одной стороны, в сложности реконструкции, а с другой – в большом количестве лингвосемиотических рядов. В качестве стереотипов выступают сценарии не только трудовых, но и других видов человеческих практик. Акциональный культурный код активно используется народным сознанием. Тем самым посредством данного кода объективируется общенародная система ценностей. Большинство продуцированных ими квазистереотипов характеризуется актуальностью, а одной из главных причин утраты актуальности является изменения в сфере материальной культуры.

2. 2. 3. Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках биоморфного культурного кода

Биоморфный культурный код актуализирует в сознании образы животных, птиц, насекомых, растений, которые представляют атрибуты труда. Рассмотрим биоморфные лингвосемиотические ряды.

Их можно распределить на четыре типа:

- ряды с базовым образом «растение»;
- ряды с базовым образом «животное»;
- ряды с базовым образом «насекомое»;
- ряды с базовым образом «птица».

Ряды с базовым образом «растение» представлены внутренними формами *плод*, *лимон*: ***без хорошего труда нет плода; как выжатый лимон*** и др.

Продуктивность базового образа *растение* обусловлена составляющими его признаками: рост, развитие, плодоношение. Тем самым данный образ становился удобной и ёмкой схемой трудовой деятельности. Признак роста, развития отбирается для репрезентации идеи процесса трудовой деятельности, его материального эффекта: ***кто рано встаёт, у того копейка растёт; «Дело, как плесень в погребе, — своей силой растёт, а не разумом хозяина»*** (М. Горький «Дело Артамоновых») и др. В рамках данной группы можно установить следующие лингвокультуемы.

Актуальной на данном этапе развития культуры является репрезентация внутренней формой стереотипных представлений о результатах труда *плод* и об уставшем, утратившем силы человеке квазистереотипом ***выжатый лимон***.

Плод – это определённая мера ценности того или иного растения. Отсутствие плодов или несоответствие норме служит основанием для отрицательной оценки. Эти признаки являются оптимальными и для презентации результатов трудовой деятельности: *плоды труда, без труда нет плода*; «*Называем сознание садом, где растут плоды труда*» (А. Клизовский); «*...спеет дружная работа...*» (П. Ершов «Сузге») и др. В языковой интерпретации плод выступает своеобразным характеризующим эталоном трудовой деятельности, её исполнителя: *по дереву и плод; от яблони плод, от ели – шишка* и др.

Причины выбора внутренней формы *выжатый лимон* для воплощения представлений об уставшем человеке связаны с использованием в быту данного плода. Ценность лимона определяется пищевой, лечебной пользой содержащегося в нём сока. Лимон, из которого выжали сок, теряет свою ценность, не может найти своего применения в хозяйстве: *выжми лимон, да и брось вон*. Уставший человек, у которого не осталось сил для продолжения деятельности, подобен лимону, из которого выжали сок. Эта мотивация поддерживается такими единицами, как *выжать (все) соки, выжимать силы*. Быть подобным выжатому лимону плохо, поскольку усталый человек не способен продолжать работу или выполняет её мало и плохо. Кроме того, люди ценят духовные и физические силы, поскольку они помогают им решать те или иные задачи. Использование фразеологической единицы *как выжатый лимон* вызывает эмоции неодобрения или сострадания, что находит своё отражение в эмотивных коннотациях.

Вторая группа единиц объединяется одной лингвокультуремой, выделяемой на основе тождества базового образа, денотативно-сигнификативной и коннотативной семантики. Слова *муравей, пчела* являются квазиэталонами труженика. Причиной вербализации данного стереотипа посредством указанных образов становятся наблюдения русского человека за деятельностью этих насекомых. Пчела и муравей удивляли человека контрастностью размеров и результатов деятельности, в отличие от других насекомых всегда целенаправленной (*муравей не велик, а горы копает*). Более того, деятельность этих насекомых всегда соответствовала стереотипу коллективного, общественно полезного труда. Эталонизация слова *пчела*, вероятно, связана с пониманием того, что пчела трудится для бога, для человека (результаты её деятельности – пчелиный воск и мёд использовались для изготовления свечей и в пищу, как лекарственное средство: *не на себя пчела работает, ласточка лепит гнёзда, пчела соты*). В связи с этим человек, который уподобляет-

ся муравью или пчеле, оценивается положительно, что находит своё отражение в эмотивно-оценочных коннотациях.

Стереотипом мастерской, ювелирной работы является комариный нос: *комар носа не подточит*. В. М. Мокиенко указывает, что ранее слово *подточить* означало «всунуть, пропихнуть, с силой протолкнуть» [Бирих А. К. и др.: 1998, 288]. Русские культурные установки требуют от работника качественного исполнения того или иного вида труда. Отсюда что-либо сделанное, подогнанное так, что комар носа не может протолкнуть, оценивается положительно и вызывает эмоцию одобрения. Таким образом, комариный нос выступает в роли своеобразной меры качества работы. Эти представления отражены и в других устойчивых единицах: *с комариного лытку* (диал.) «очень мало», чеш. *hadat se o komari sadlo* («спорить о комарином сале»), *jak w komarze sadla* «как в комаре сала») и др.

Третья группа является наиболее богатой с точки зрения включаемых в неё лингвокультурем. Этот факт объясняется, во-первых, многообразием видов животных, которое давало больший простор сознанию для концептуализации атрибутов труда, во-вторых, той или иной степенью изоморфности человека и животного, в-третьих, важной ролью животного в процессах ведения домашнего хозяйства.

Наиболее продуктивная лингвокультурема, в основе выделения которой лежит образ «домашнее тягловое животное», репрезентирующий исполнителя трудовой деятельности: *работать, как вол, бык, лошадь, мерин; похваля клячу, да в соху; вола зовут не пиво пить, а хоятят на нём воду возить; брать в оборот* (*обороть* – «часть упряжки лошади» [Бирих А. К. и др.: 1998, 413]), *люблю сивка за обычай: кряхтит, да везёт; умыкали бурку крутые горки; неказиста кляча, да бежсь хороша; котора лошадь больше везёт, на ту и наваливают; «Иван Кузьмич тоже хотел из него человека сделать. Рядом с собой в одну упряжку ставил»* (В. И. Муссалитин «Трое в привокзальном сквере») и др. Основная нагрузка в земледельческом труде приходилась на тягловый скот, без которого осуществление данного вида деятельности было невозможно. Если человек при выполнении той или иной работы подобен животному, значит, он работает больше положенной меры. Тем самым приведённые внутренние формы продуцируют сему «очень». При этом образы, положенные в основу номинаций, дают возможность говорить о градации интенсивности: *кляча, лошадь, вол, бык, мерин*. Несоответствие внутренней формы и порождаемой им интенсивности культурной установке *знай меру в работе* продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Суровый климат, жестокая эксплуатация, материальная скудность, делавшие труд невыносимо тяжёлым, часто бессмысленным, приводили человека к пониманию отсутствия различий между его жизнью и жизнью домашнего тягловое животного. Зачастую человек труда сравнивается с зверем: «*Теперь, если дадут научные темы, ребята будут вкалывать как звери*» (Д. Гранин «Искатели»); «*И его встретили дружным рёвом весёлые звери, встряхивая мокрой шерстью милых морд. Обнимать и целовать хотелось этих двуногих зверей, столь умных и ловких в работе, так самозабвенно увлечённых ею*» (М. Горький «Мои университеты») и др.

Квазиденотативное содержание «домашнее тягловое животное» вербализует представления об орудиях труда. Обращение к данному образу обусловлено, во-первых, огромной значимостью животного в крестьянском хозяйстве: *у матушки-сохи рожки золотые*, во-вторых, сходством функций, выполняемых орудием труда и животным в процессе трудовой деятельности: «*Это и есть породистые машины?*» (И. Рахим «Мой друг Икрам»). Неслучайно мощность машины измеряется в лошадиных силах.

На более поздних культурных срезах квазиденотативное содержание «домашнее тягловое животное» трансформируется в обозначение зверя вообще. Вместе с тем меняется и эмотивно-оценочная интерпретация образа: животное из друга и помощника превращается в озлобленного хищного зверя: «*Вдали по улице рычали машины...*», «*Машина ... съест его...*» (Ф. Гладков «Энергия»), «*Там же была показана гостям машина, работающая гайки, — нечто вроде двух огромных стальных регулярно чавкающих челюстей*» (А. И. Куприн «Молох»); «*Работа не волк, но может и укусить*» («Комсомольская правда», 1997) и др.

Наблюдения за поведением коня перед тем, как его запрягали для сельскохозяйственных работ, отражены во внутренней форме фразеологической единицы *конь не валялся*. Тем самым представления о начале работы связаны с поведением коня.

Представления о несущественном деле, о несоразмерности работы и усилий, затрачиваемых на её выполнение, объективируются в языке посредством внутренней формы фразеологической единицы *мышинная возня*. Маленький размер мышей, их вредоносность выступают в качестве оснований оценки. Поэтому дело, которое подобно мышшиной возне, оценивается отрицательно и вызывает эмоцию неодобрения.

Стереотипом человека, постоянно выполняющего действия, не имеющие видимого результата, стала белка, сидящая в клетке с колесом: *как белка в колесе*. Белка, при всей её энергии, не трудится постоянно,

как муравей и пчела, её действия однообразны и бесцельны ввиду не-свободы. Подневольность, бессмысленность, периодичность действий – черты деятельности белки, сходные с чертами деятельности человека, находящегося в аналогичном положении. Человек, подобный белке в колесе, вызывает отрицательную оценку и эмоцию неодобрения, поскольку такая деятельность не соответствует действующим стереотипам и установкам: *делай существенные дела, труд должен приносить результат*.

Не обошло сознание языковой личности и образ собаки, на базе которого продуцировано три лингвокультуемы. Интерпретация данного образа неоднозначна. С одной стороны, собака – обитатель потустороннего мира, царства ада. Вспомним, собака (Цербер) на цепи сидит у ворот ада. Демоническая природа собаки отражена во многих устойчивых выражениях русского языка: *собаку съел; знать, где собака зарыта*. Поведение собаки могло предсказывать смерть, грозу, болезнь и подобное: *собака валяется – к несчастью; собака жмётся к хозяину – к несчастью; собака землю роет – к покойнику*. Вероятно, эти представления были объективированы в языке. Так, плохого мастера называли *понсуй* (от *понсовать*, от польского *pies* «собака, пёс») [Фасмер М.: 1996. Т.3, 328]. Тем самым стереотипом неумелого мастера являлся образ собаки. С другой стороны, собака живёт вместе с человеком. Наблюдения за повадками собаки отражены в вербализованных внутренних формами стереотипах. Так, стереотипом высокой степени затрачиваемых на выполнение той или иной работы усилий является поведение и повадки собаки: *крутится как бобик; высунув язык* и др.

Представления о необычной, неколлективной трудовой деятельности: *волка ноги кормят* — вербализуются внутренней формой *волк*, которая соотносится с фреймом «жизнедеятельность волка». В восточно-славянской, уже – русской культуре, волк являлся символом дьявольских, демонических сил. Вспомним целый ряд русских народных сказок, в которых волк, обладая особым даром, помогает герою совершать непосильные для человека поступки; веру в упырей – людей, превращающихся в волка. Волк считался врагом солнца и дневного света. Душа злого человека отождествлялась с волком [Потебня А. А.: 2000, 305 – 306]. В русской культуре приоритет отдаётся коллективному земледельческому труду, поэтому для выражения идеи самостоятельной, неколлективной, необычной («тёмной») деятельности сознание прибегает к образу, репрезентирующему фрейм «жизнедеятельность волка». Идея необычности деятельности выражается указанием на способ её осуществления: если традиционным средством осуществления трудовой дея-

тельности являются руки, то образ волка исключает типичное и утверждает новое средство – ноги. В современной культурно-языковой парадигме данный квазистереотип изменил свою интерпретацию: акценты смещены с необычности на альтернативность способа осуществления деятельности.

Вербализованным стереотипом стареющего человека является животное, вылезающее из шкуры: *лезть из шкуры*. Шкура облекает плоть животного и вылезти из неё невозможно. Человек, подобный животному, вылезающему из шкуры, совершает невозможные для себя вещи.

В рамках группы с базовым образом «птица» выделяется четыре лингвокультуемы. Первая имеет квазиденотативное содержание *петух (вставать с петухами; петух не человек, а своё всё скажет и баб научит* и др.) и денотативно-сигнификативное содержание «время осуществления работы». Вербализация представлений об утренних, ранних часах данным образом связана с наблюдениями за поведением петуха: он первым просыпается и своим пением будит других.

Представления о мастеровом человеке связаны с образом *курицы мастеровой что курица: что ступит, то стукнет*. Мотивом выбора данного образа стало внешнее подобие мастера-плотника, который не может пройти мимо работы, и курицы, которая не может пройти мимо зерна.

Третья лингвокультуема выделяется на основе тождества внутренней формы *сорока, ворона* и денотативного содержания «степень мастерства». С одной стороны, сорока и ворона отличаются небольшими размерами, поэтому их образы используются для вербализации стереотипов о начальных этапах дела: *бей сороку и ворону, добьёшься до белого медведя*. С другой стороны, это очень чуткие и подвижные птицы, поэтому убить их очень трудно: *убитая сорока ружьё красит*. Таким образом, энантиосемия интерпретаций данных образов обусловлена разными мотивирующими признаками денотата.

В элитарной субкультуре труд сравнивается с летящей птицей, что указывает на его положительную интерпретацию: «...словно складки имени-знамени *расправляет полёт труда...*» («Комсомольская правда», 1984, № 159) и др.

Отдельную группу представляет лингвосемиотический ряд, имеющий в своей основе когнитивную модель РАБОТА (ДЕЛО) не X. В качестве переменных выступают внутренние формы биоморфного культурного кода. Говоря о подобном построении образа, X. Ортега-и-Гассет отмечал, что метафора сначала утверждает тождество, затем его отрица-

ет, сохраняя утверждение в силе только для части объекта [1990, 74]. Продуктивность данной модели обусловлена абстрактностью, сложностью для целостного осмысления процесса трудовой деятельности: *дело не медведь, в лес не уйдёт; дела не голуби, не разлетятся; дело не сокол, не улетит; дело не малина, не опадёт; работа не волк, в лес не убежит*. Таким образом, своеобразным языковым антисимволом работы является медведь, волк, голуби, сокол, малина – образы, денотативное содержание которых не уместается в одну смысловую плоскость. Однако общим у этих образов является то, что они представляют реалии, живущие и динамично функционирующие вне желания, воли человека, а между тем, представляющие для него определённую ценность. Тем самым указывается, что работа полностью определяется волей человека, статична, имеет невысокую ценность.

Анализ приведённых стереотипов отражает продуктивность биоморфного культурного кода в процессах концептуализации трудовой деятельности. Базовые образы данного кода способствуют пониманию процесса трудовой деятельности, меры, времени, средств, способов её осуществления, исполнителя, результата. Продуктивность биоморфных ментальных матриц обусловлена приоритетностью земледельческого труда в русской культуре, высокой ценностью для языковой личности животного, которое помогало человеку преодолевать тяготы труда, наблюдениями русского человека за особенностями окружающего мира, осмыслением себя как его части. Характерным является тот факт, что если базовые образы «растение», «насекомое», «птица» обычно избираются для вербализации положительно оцениваемых положений дел, то базовый образ «животное» — для репрезентации явлений, интерпретируемых в отрицательном ключе.

2. 2. 4. Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках фетишного культурного кода

Как отмечалось ранее, фетишный культурный код актуализирует в сознании образы неодушевлённых предметов, придавая им сверхъестественные свойства.

Рассмотрим фетишные лингвосемиотические ряды.

Среди них можно выделить 3 разновидности, которые в своей основе имеют следующие когнитивные модели:

- человек подобен предмету;
- отвлечённое понятие подобно предмету;

- предмет подобен другому предмету.

Первая лингвокультурема определяется с опорой на интегральное содержание «способ выполнения действия». Это значение отражается, в частности, посредством квазиденотативного содержания **новая метла: новая метла чисто метёт, новая метла по-новому метёт**. Сходство особенностей выполнения функций на первых этапах деятельности стало основанием для эталонизации данного квазиденотативного содержания. Эмоционально-оценочная интерпретация стереотипа «новый работник подобен новой метле», отражённого внутренней формой, неоднозначна, что обусловлено её соотношением с разными культурными установками: при соотнесении с установкой «трудись добросовестно» возникает положительная семантическая аранжировка, при соотнесении с установкой «делай, как все, как раньше» – отрицательная.

Свойства предмета кладутся в основу формирования языкового стандарта желания выполнять ту или иную работу: **на острую косу много сенокосу**.

Квазистереотипом пассивного отношения к работе выступает внутренняя форма фразеологической единицы **заржаветь у дела**. Появление ржавчины свидетельствует о долгом бездействии механизма. Поэтому отождествление отношения человека к труду с покрывающимся ржавчиной предметом порождает отрицательную эмотивно-оценочную интерпретацию.

В качестве языкового символа равнодушного отношения к труду, безделья выступает слово **халат**, включающее в импликационал своего значения семы «нерабочая одежда», «одежда для отдыха». Слово актуализирует в сознании образ Ильи Обломова, постоянно пребывающего в старом запятнанном халате, символизирующем пассивность и безделье.

То же значение отражается квазиденотативным содержанием, воплощённым внутренней формой устойчивого сравнения **как (заведённая) машина** «человек, выполняющий однообразную деятельность, не проявляющий творческого подхода к делу», «механически, не раздумывая»: **«Нас было двадцать шесть человек — двадцать шесть живых машин, запертых в сыром подвале, где мы с утра до вечера месили тесто, делая крендели и сушки»** (М. Горький «Двадцать шесть и одна»); **«Иногда он вспоминал свою умершую от преждевременного износа жену»** (А. П. Платонов «Сокровенный человек»). Гештальт «машина» упорядочивает представления о том, что машина выполняет тот или иной вид деятельности ритмичнее, быстрее, больше, нежели человек. В то же время машина лишена интеллекта, творческого начала. Русская лингвокультурная общность, как и многие другие, отдаёт приоритет

творческому, интеллектуальному труду, поощряет смекалку и изобретательность, поэтому уподобление человека машине имеет своим результатом отрицательные оценочные и эмотивные коннотации.

Образ вертящегося предмета становится квазистереотипом интенсивно работающего человека: *вертеться колесом; вертеться как вертник* и др. Отождествление человека с быстро вращающимся механизмом или его частью порождает отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Те или иные артефакты и натурфакты могут отражаться квазиденотативным компонентом для характеристики морального облика человека, материального, социального положения. Так, продукты вербализации смыслов «наличие в собственности земли, хозяйственных построек» становятся эталонами трудолюбия, хозяйственности, здоровья, семейного положения и проч.: *бесполосный, беспашатный, безгуменник, есть на гумне — будет и в суме* и др. Без земли и, например, гумна может быть человек ленивый, больной, не достигший совершеннолетия, холостой, нищий [Даль В.: 1995. Т. 4, 454].

Лингвокультурема с интегральным значением «характеристика человека с точки зрения участия в деятельности представлена такими единицами, как *банная затычка, гайка слаба* и подобными.

Гештальт «банная затычка» структурирует представления русских о человеке, который берётся за выполнение любого дела, но при этом ничего в нём не смыслит, играет при его выполнении несущественную роль. Выбор образа, вероятно, связан с простотой устройства и функций банной затычки. Культурные установки *цени мастерство, не хватайся за все дела* определяют отрицательные эмотивно-оценочные коннотации, сопровождающие данный образ.

Гештальт «механизм» организует представления русских о возможности человека выполнять то или иное дело: *«И сам я, казалось, превратился в механизм, сосредоточенный лишь на том, чтобы чётко выполнять нужные действия»* (Ч. Айтматов «Верблюжий глаз»). Слабое крепление частей этого механизма, отражённое внутренней формой фразеологической единицы *гайка слаба*, становится эталоном человека, не имеющего достаточного навыка для выполнения того или иного дела. Отрицательные эмотивно-оценочные коннотации становятся следствием соотнесения образа с культурной установкой «цени мастерство».

Стереотипом силы, умения человека выступает порох: *пороху не хватает; есть ещё порох в пороховницах*. Свойства пороха: сообщать движение, разрушать что-либо – положены в основу квазиденотативного содержания данных единиц.

Представления о высокой степени усталости объективируются с опорой на признаки предметов: *как свинцом налита*. В основу квазистереотипа кладётся цвет и тяжесть металла.

Представления о человеке, владеющем теми или иными знаниями, способном выполнять то или иное дело, отражены внутренней формой фразеологической единицы *не лыком шит*. Лыко – волокнистое подкорье любого дерева – являлось одним из самых дешёвых материалов, который использовался в простом, не требующем специальных знаний занятии – плетении лаптей [Даль В.: 1995. Т. 2, 276]. Человек, уподобляемый вещи, которая шита не лыком, а чем-то другим, получает ту или иную степень ценности. Внутренняя форма продуцирует положительную оценку и эмоцию одобрения.

Представления о работающем человеке ранее объективировались в языке образом моста: *передний заднему мост* «человек, выполняющий работу, облегчает её для другого». Мост соединяет берега, помогает людям преодолевать препятствия. Эти фоновые знания стали основанием для выбора данной внутренней формы.

Стереотипные представления о плохом работнике, лодыре вербализованы внутренней формой *лапоть*. Быть подобным лаптю плохо. Это значит быть бедным, не владеть какими-либо профессиональными знаниями. Лапоть – признак одежды бедного человека (*не осуди в лаптях, сапоги в санях*), плести лапти – самое простое, не требующее долгой выучки занятие (*это как лапоть сплести*). Лапти просты на вид, не различаются по ногам (*только лапоть на обе ноги плетётся, а и рукавички розни*). Как видим, концептуальные коннотации прямого значения слова *лапоть* нашли свою объективацию в переносном значении *лапоть* «о плохом работнике».

Рассмотренные лингвокультураны функционируют в сфере народной культуры.

Вторая когнитивная модель состоит в определении отвлечённого понятия через предмет. В рамках данной модели выделяются следующие лингвокультураны.

В качестве отвлечённого понятия могут выступать представления о процессе труда. Специфика процесса номинации, состоящая в том, что объектом наименования выступает идея труда, обуславливает тот факт, что средством вербализации стереотипов становятся квазисимволы.

Такие слова, как *борона, соха, цеп, плуг (покуда цеп в руках, потуду и хлеб в зубах; не ленись за плужком, будешь с пирожком; держись сохи плотнее, так будет прибыльнее; без сохи и бороны и царь хлеба не найдёт)*, вербализуя представления о том, что земледелие

— надёжный способ получения средств к жизни, прибыли, достатка, что хороший урожай находится во власти орудия труда, являются символами созидательного труда. Выбор этих слов обусловлен представлениями о том, что от данных орудий труда, основных в хлебопашеском деле, зависит удачный исход дела. Эти представления отражались не только вербальными, но и поведенческими (магическими) семиотическими средствами. Так, на Руси были распространены обряды шествия с плугом во время зимних колядок. Цель этого обряда состояла в заклинании, задабривании плуга, от которого, по мнению крестьянина, зависел будущий урожай [Пропп В.: 2000, 60 - 61]. Фоновые знания крестьянина обусловили концептуальные коннотации «сытость», «достаток».

Если семантика слов *борона, соха, цеп, плуг* отражает ценности крестьянского сознания, то значение языковых единиц *топор, молот (топор-кормилец, топор всему голова)* — ремесленнического. Причины символизации значений данных слов те же, что и у предыдущих.

Орудия труда в русской культуре 17 – 19 веков выполняли и метрическую функцию. Слова *плугъ, соха* служили названиями земельных мер.

Ценность орудий труда отражена рядом паремий: *без клинка плахи не расколешь; была бы уда, а рыба будет; без топора по дрова не ходят; без веретена пряжи не спрядешь; без ножа хлеба не разрежешь; без топора не плотник; без нитки и иголки шубы не шить* и др.

Инструмент осмысливается как показатель мастерства: *у плохого мастера такова и пила; у кого больно чист инструмент — тот плохой мастер; мастер глуп — нож туп* и др.

Идея материальной выгоды от труда определяется образным представлением его в виде пищи: *работа — лучший приварок*.

В древнерусской культуре представления о времени, человеке, свободных от работы, связывались с чем-либо незанятым, пустым, свободным, что нашло своё отражение во внутренней форме слова *поздньи*. Этот квазистереотип выступал в качестве эталона отрицательной характеристики незанятого времени и человека, продуцировал отрицательные эмотивно-оценочные коннотации, что подтверждается их объективацией в значениях таких единиц, как *пустое дело, пустой человек, праздный* и др.

Неисчерпаемость, глубинность, незавершённость, многогранность семантики квазисимвола обуславливает тот факт, что значение одного и того же квазисимвола может объективировать в языке разные стереотипные представления.

Так, квазисимволы *топор, соха*, кроме названных стереотипов, выражают представления о гендерной дифференциации труда, в частности о том, что преимущественно занятиями мужчины является плотничество и земледелие, — те виды деятельности, которые обеспечивали семье сытость и достаток. Ср.: *бабе кросна, мужику соха*.

Местом осуществления женского труда, судя по внутренней форме квазисимвола, является *дом*. Ср.: *без хозяина – двор, а без хозяйки изба (дом) плачет*.

Квазисимволы *топор, соха* утратили свою актуальность на данном временном срезе, что свидетельствует об изменении стереотипных представлений, свидетельствует о редуцировании гендерных различий, роли мужчины как кормильца.

Представления об интеллектуальном труде репрезентируются языковыми единицами: *легче руками работать, чем головой; работать головой* и др. Голова, в наивном понимании, являетсяместилищем ума, что стало одной из причин символизации слова *голова*.

В народном сознании интеллектуальный труд находит двоякую, но не противоречивую интерпретацию. С одной стороны, приоритет отдаётся интеллектуальному труду, так как он сложнее, не всякий человек может им заниматься (примеры см. выше), с другой — подчёркивается тяжесть земледельческого труда в сопоставлении с интеллектуальным. Ср.: *перо легче сохи*. При буквальном прочтении внутренней формы перо и соха, орудия интеллектуального и земледельческого труда, сопоставляются по весу. Тем самым во внимание принимаются внешние обстоятельства осуществления этих видов деятельности. Такие представления, вероятно, связаны с осмыслением труда служащих, которые, в понимании народа, не отличались большим умом. Ср.: отрицательные концептуальные коннотации у слов *писарь, писака*.

Представления о безрезультатном труде репрезентируются базовым образом «станок»: *на холостом ходу*. Нецеленаправленный ход механизмов станка уподобляется бесцельному труду.

Дело отождествляется с напитком, процесс приготовления которого требует времени: *дай всякому делу перебродить на своих дрожжах*. Данный квазистереотип указывает на предпочтение русского человека степенному, обдуманному отношению к делу.

Несущественность устной благодарности выражается внутренними формами следующих единиц: *спасибо домой не принесёшь; из спасибо шубы не сошьёшь; подали спасибо, да домой не донёс*. Низкая оценка подобной оплаты труда показывается путём отрицания у неё свойств, присущих предметам и веществам: спасибо нельзя принести,

из него невозможно что-либо сшить. Тем самым вербализуется стереотип, что устная благодарность не имеет ценности для работника.

Языковой стереотип тяжёлого труда отражён словом *хомут*: *была бы шея, а хомут найдётся; за свой труд попал в хомут* и др. Хомут – часть упряжи тяглового скота. Как уже говорилось, номинации домашнего тяглового скота выражают стереотипы труженика, непосильного труда. Хомут надевают лошади на время работы. Попасть в хомут плохо: он тяжёлый, его надевают на тягловый скот, и это значит, что человек, как бы попавший в хомут, будет выполнять ту же работу, что и животное. Такая интерпретация внутренней формы продуцирует отрицательную оценку и эмоцию неодобрения.

Представления работы в виде какого-либо предмета, вещества подтверждают внутренние формы паремий, в которых свойства предметов переносятся на дело: *у него дело из рук валится; работа в руках плеснеет* и др.

Рассмотренные лингвокультураны продуцируются народным сознанием.

Элитарная культура для вербализации стереотипных представлений особенностей осуществления трудовой деятельности прибегает к мифологемам мировой культуры. Так, символом безрезультатной и бесконечной работы является *бочка Данаид*. Внутренняя форма данной единицы репрезентирует фрейм: в царстве Аида 49 дочерей царя Даная в наказание обречены наливать бездонную бочку. Если работа становится подобной занятию Данаид, говорящий отрицательно её оценивает и испытывает неодобрение.

Если данная единица не отличается актуальностью, то фразеологизм *камень преткновения* является активным языковым конструктом элитарного сознания. Внутренняя форма этой единицы вербализует представления о том, что выполнение какого-либо дела, понимаемого как следование по дороге, может быть связано с теми или иными помехами, которые предстают в образе камня. Очевидно, что помехи в том или ином предприятии находят отрицательную оценку. Камень, о который спотыкается идущий, становится эталоном неудач в делах. Таким образом, внутренние формы рассмотренных единиц обуславливают отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Элитарное сознание активно прибегает к парадигме фетишного культурного кода. Идею труда репрезентируют, прибегая к образам венца, сокровища, целительного бальзама, знамени, медали, часового механизма и др.: *«Труд – венец Света»* (А. Клизовский); *«Жатва — венец хлеборобного труда»* («Известия», 1977); *«Истинное сокровище*

для людей – это умение трудиться» (Эзоп); целительного бальзама: *«Труд – целительный бальзам...»* (Гердер), *«Знамя труда поднимай...»* (В. Харитонов «Международный рабочий класс»); *«Пружина жизненных часов — труд»* («Комсомольская правда», 1985, № 248), *«Всякий труд имеет свою оборотную медаль»* (А. С. Серафимович «Город в степи») и подобные. Объединяет приведённые внутренние формы то, что каждый из запечатлённых в них стереотипов так или иначе подчёркивает ценность трудовой деятельности для человека.

Третья когнитивная модель состоит в уподоблении одного предмета другому.

Данная модель находит своё воплощение в лингвокультуре со значением «результат труда». Эта лингвокультура реализуется квазистереотипами *хлеб, сноп, стог, горшок, печь (кто трудиться рад, тот хлебом будет богат; артельный горшок гуще кипит; хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам каши горшок; без работы печь холодна)*. Реалии, стоящие за данными словами, отражают прямые или косвенные результаты крестьянского труда, ценность которых стала причиной концептуальных оценочных и эмотивных коннотаций значений этих слов. Коннотации объективируют в языке установки, связанные с необходимостью оценки труда по его результатам.

Таким образом, парадигма фетишного культурного кода характеризуется многообразием лингвокультурем, которые продуцируют эталоны видов, способов, меры, обстоятельств трудовой деятельности, отношения человека к труду. Большинство из языковых единиц, соотносимых с данным культурным кодом, характеризуется невысокой степенью актуальности для русской лингвокультурной общности настоящего временного среза, что свидетельствует об утрате продуцирующей способности фетишного культурного кода.

2. 2. 5. Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках анимического культурного кода

Анимический культурный код продуцирует матрицы внутренних форм, отражающих те или иные природные стихии. Для концептуализации и категоризации труда сознание редко обращается к матрицам анимического культурного кода. Продуктивными здесь становятся образы огня, света, сказочного чудовища, а также особенностей ландшафта: горы, моря. Отличительной чертой внутренних форм, появившихся в рамках данного кода, является то, что они выражают стереотипные представления о трудовой деятельности в целом или о труженике. Так,

труд сравнивается с светом: *«Жизнь и деятельность столь же тесно соединены между собой, как пламя и свет»* (Ф. Глинка). Свет является символом счастья, радости, жизни (у русских существовала примета: кто случайно завидит свет в своём доме, тот будет счастлив [Потебня А. А.: 2000, 23]). Благотворная просвещающая роль трудовой деятельности, возможно, послужила причиной стереотипного представления её в виде света.

Одним из источников света является огонь. В мировых культурах огонь выступает спутником и помощником человека в борьбе с силами природы, он имеет очищающую и целительную силу. В основе сравнения трудящегося человека с огнём лежит динамизм, стремительность этой стихии и активность желающего трудиться человека: *на работу огонь; у работающего с утра дело огнём горит*. Данная внутренняя форма помогает объективировать такие качества работника, как живость, горячность. Квазистереотип порождает положительную эмоционально-оценочную реакцию: быть подобным огню — значит быть живым, горячным, активным, эти свойства трудящегося человека соответствуют сложившимся культурным установкам

Смежен с образом огня образ жара, выступающий в качестве квазистереотипа высокой степени интенсивности работы: *аж небу жарко*.

Квазистереотипами труда и его атрибутов нередко являются подземное царство, сказочное чудовище, поглощающее человека: *«...шахта представляется ему каким-то сверхъестественным миром, обиталищем мрачных, чудовищных сил...»* (А. И. Куприн «В недрах земли»); *«Огромная печь была похожа на уродливую голову сказочного чудовища, — она как бы высунулась из-под пола, открыла широкую пасть, полную яркого огня, дышала на нас жаром и смотрела на бесконечную работу нашу двумя чёрными впадинами отдушин над челом. Эти две глубокие впадины были как глаза — безжалостные и бесстрастные очи чудовища: они смотрели всегда одинаково тёмным взглядом, как будто устав смотреть на рабов и не ожидая от них ничего человеческого, презирали их холодным презрением мудрости»* (А. И. Куприн «Молох»); *«А я, пёс старый, в деревню... А в деревне, братцы!.. мать сыра земля...геенна огненна...»* (А. С. Серафимович «Семишкура») и др.

Стереотипные представления о труде объективируются образами горы и моря.

Символом тяжёлой работы является гора: *гора дел; вертеть горами; свернуть горы*; *«...Сносней наутро труд несносный, Таскаешь горы на плечах...»* (Н. А. Некрасов «Несчастные»); *«Ну что ж, худого в*

этом нет. *Может, и пригодится когда. Только то помни, что не всякая гора наружу выходит. Главная гора — работа*» (П. П. Бажов «Васина гора»). А. А. Потебня объясняет причину выбора внутренней формы для репрезентации данных представлений: «Горы стесняют свободу движения, затрудняют путь..., оттого горы противоплагаются равнине как символ неволи, горя» [Потебня А. А.: 2000, 90 - 91]. Дело, сравниваемое с горой, вызывает отрицательную оценку и эмоцию: по горам тяжело идти, а значит, и подобное дело будет сложным для выполнения.

Огромные размеры моря, его глубина, безбрежные просторы кладутся в основу его сравнения с непреходящностью, глобальностью труда: *«Труд... — это море бездонное»* (Н. Михайловский).

Немногочисленные матрицы анимического культурного кода используются как народной, так и элитарной культурой. Большая часть вербализованных внутренними формами стереотипов актуальна на данном этапе развития культуры. Непродуктивность анимического культурного кода, по всей вероятности, является свидетельством неактуальности для русского человека природных стихий в процессах трудовой деятельности. Труженик возлагал надежды, прежде всего, на себя.

Стереотипные представления о труде в русской общенародной культуре и субкультурах восходят к архетипическим представлениям, возникшим в недрах родовых религий. Матрицы других культурных кодов, в частности христианского, в процессах концептуализации трудовой деятельности используются меньше: *«Работал Иннокентий в ту смену так, как будто пьяный помогал петь, не зная слов: подхватом да вдогонку. Скачаев не тыкал носом, не поучал: помучишься — научишься. И ещё: всё ему виделось неправдашним, какой-то глупой и жестокой игрой — как и зачем он попал в эту преисподнюю?»* (Плетнёв А. Н. «До утомления сердца») и др. Вероятно, этот факт объясняется тем, что формирование стереотипных представлений трудовой деятельности началось ещё до распространения христианства на Руси.

2. 3. Вербализация стереотипных представлений о труде в русских субкультурах

В этом параграфе мы рассмотрим вербализованные стереотипы трёх субкультур, сформировавших достаточный пласт языковых единиц, репрезентирующих концепт «Труд»: территориальную, жаргонно-арготическую, ремесленную. Как уже говорилось, та или иная суб-

культура выделяется на основании существования социума — группы, определяемой по общности социальных признаков.

Территориальный социум выделяется на основе территориально-административного признака. В нашей работе территориальный социум охватывает жителей сельских населённых пунктов. Данный социум по содержанию аксиологической шкалы, в чём сможем убедиться ниже, наиболее близок русской лингвокультурной общности, общенародной культуре. Лексика и фразеология, продуцированная этим социумом, классифицируется как диалектная и одновременно как устаревающая, что обусловлено динамичными процессами урбанизации. Лексический фонд территориального социума, вербализующий стереотипные представления о труде, репрезентирует то, что актуально для сельского жителя, но не нашло своего отражения в общенародном языке.

Профессиональный социум выделяется на основании общности занятий. В настоящем исследовании данный социум представлен неоднородным по своему профессиональному составу русским ремесленничеством. Бурное развитие научно-технического прогресса отводит промыслам второстепенную роль. Одни из них исчезли вообще, другие мало распространены или поддерживаются усилиями искусствоведов. Лексический фонд кустарно-ремесленнических терминологий не только не пополняется, но и утрачивает свою актуальность. В профессиональную субкультуру мы включили только лексику и фразеологию кустарно-ремесленнических терминологий, поскольку именно она соотносится с представлениями и обыденными понятиями, а значит, может репрезентировать культурные смыслы.

При выделении жаргонно-арготической субкультуры, мы редуцировали такие признаки, как род занятий, хобби, соотнесённость с тем или иным социальным институтом и проч. До последнего времени наука не пришла к чёткому разграничению жаргона и арго [Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.: 2001 и др.], вслед за М. А. Грачёвым мы понимаем под арго язык деклассированных элементов, а под жаргоном — язык различных социальных слоёв, созданный для общественной игры, забавы [1997, 11]. При таком подходе жаргоны и арго различаются по ряду признаков: репрезентируемой аксиологией, функциями и др. Однако тождество взглядов этих социальных групп на труд, выражающееся в его неприятии или отрицательной оценке позволяет нам не дифференцировать различные виды жаргонов и более того объединить их с арго при описании вербализованных стереотипов трудовой деятельности. Перейдём к рассмотрению объективированных представлений о труде в указанных субкультурах.

2. 3. 1. Вербализация стереотипных представлений о труде в территориальной субкультуре

Русская деревня не мыслится без труда. Для русского крестьянина смыслом жизни, единственно возможной её формой всегда был труд. «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл «крестьянство», — и нет этого народа, нет народного миросозерцания, нет тепла, которое идёт от него», — писал Г. Успенский [1977, 207].

Итак, трудовая деятельность понимается в данной субкультуре как нечто обычное, повседневное, что отражено внутренними формами номинаций *обиход* — «сев., вост. труд, занятие», *обитуй* — «чкал. прозвище трудолюбивого человека» (по нашим предположениям от *обвитуй* из витать «жить»), *буденичатъ* — «уральск. занятие тяжёлой работой» и др. Труд понимается не как заслуга или обязанность, а как обычное условие жизни.

Для репрезентации представлений о мере труда сознание прибегает к образам динамичных действий: *накататься* «уральск., арх. много трудиться, до усталости», *быстровать* («арх. быть неутомимым работником») и др.

В то же время быстрое выполнение дела не всегда может иметь хороший результат. Квазистереотипом небрежной, плохой работы выступает сцена поспешного употребления пищи: *ворзать* «влгд. делать небрежно, плохо» (мотивируется глаголом *ворзать* «торопливо хлебать» [Фасмер М.: 1996. Т. 1, 275]. Делать что-либо так же, как если бы ты быстро ел, плохо. Быстрота употребления пищи может иметь своим следствием неаккуратность, неопрятность. Внутренняя форма, в сопоставлении с культурными установками, типа *семь раз отмерь, один отрежь* и др., продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Стереотипом труда, заботы (*гребта*, тмб., ряз., твер., костр., перм.) становится ситуация эмоционального состояния беспокойства и томления (от *гребеть* «беспокоиться, томиться» [Фасмер М.: 1996. Т.1, 454], что вполне объяснимо: капризный климат заставлял беспокоиться русского крестьянина с момента начала полевых работ и до времени их окончания. Очевидно, что ситуация, в которой человек проявляет беспокойство, запечатлённая внутренней формой, не находит отрицательной эмотивно-оценочной интерпретации. Понимание трудовой деятельности

как состояния эмоционального дискомфорта характерно и для общенародной культуры.

Трудолюбивый человек должен быть сильным (*безустальный* пск.), заботящимся о благополучии дома (*добытной* сев., *доможирный* урал., *заботный* сев., *гоношистый* черепов.), обладать рядом моральных качеств (*натужный* клж., *настойчивый* пск., *присидчивый* юж., *ремеза* твер. (от *ремезить* «суетиться»)) [Фасмер М.: 1986. Т. 3, 467]. Квазистереотипы раскрывают причины и характер труда: для дома и в пределах дома, с большим напряжением сил. Тем самым можно утверждать, что стратегия концептуализации данного смысла в территориальной субкультуре не отличается от общенародной. Перечисленные внутренние формы, выступая в качестве объекта оценки, соответствуют культурным установкам и порождают положительные эмотивно-оценочные коннотации.

Как и в общенародной культуре, образное представление действий *тянуть*, *тащить* кладётся в основу концептуализации труда, но не самого процесса трудовой деятельности, а его исполнителя: *тяглистый* (вост.), *тягуций* (пск.) и др.

Соответствует узуальному квазистереотипу человека-мастера территориальный: *кукобный* (смл.) (от *кука* — сжатая рука). Рука также понимается как основное средство и мерило дела. Однако в данной субкультуре акцент делается на сжатой, держащей руке. Тем самым трудолюбивый человек осмысливается как держащий дело в руках, владеющий делом.

Совпадают с общенародными стереотипные представления трудовой деятельности как требующей знания. Голова как хранилище знания, опыта находит своё вербальное воплощение во внутренней форме слова: *оголовой* «сев. наёмный работник».

Трудолюбивый человек понимается как знающий путь *водливый* (арх.) (от *вести*), что также соответствует узуальным квазистереотипам трудовой деятельности.

Так же, как и в общенародной культуре, стереотипом труда становится огонь. В территориальной субкультуре динамизм огня переносится на трудолюбивого человека: *огняный* «смол. ловкий, быстрый в работе». Архетипические представления об огне: огонь — источник света — характерные как для общенародной, так и для территориальной субкультуры, обуславливают сходство коннотативной интерпретации образа.

Актуальным для субъекта территориальной субкультуры является структурирующий концепт «Труд» смысл — «помощь». Языковыми

стереотипами различных видов помощи выступают те или иные трудовые действия: *выжинки, дожинки, спожинки, доминки, попрядушка* (орл., пенз., яросл., перм., вост., сев.) или названия объекта труда: *капустки, капустница* (вост., сев.) и др. Русские этнографы, в частности И. П. Сахаров, отмечали, что разделение мужского и женского труда прекращалось осенью. Перед крестьянской семьёй стояла одна задача — быстро убрать урожай [2000, 281]. При оказании помощи русские крестьяне руководствовались тем, что дело полезно для всех и при его выполнении необходимо действовать одинаково со всеми — отражается во внутренней форме диалектизма *заодинщик* «сев. помощник».

Обращение к акциональному культурному коду осуществляется и при номинации места деятельности: *пожня* «астр., новг. поле, луг, сенокос» (от *жать*) [Фасмер М.: 1996. Т. 3, 302] и др.

Стереотипом небольшого участка пахотной земли становится акциональный признак обработки земли: *веретя* от *вертеть, верста* «оборот плуга, длина борозды, в конце которой плуг поворачивает» [Фасмер М.: 1996. Т. 1, 297] и др.

Итак, территориальная субкультура вербализует стереотипные представления о процессе труда, месте его осуществления, его качестве, мере затрачиваемых усилий, исполнителе деятельности. При объективации представлений сознание прибегает преимущественно к тем же когнитивным стратегиям, что и общенародная культура. Для вербализации стандартов труда используются матрицы акционального, антропоморфного, анимического культурных кодов, первый из которых характеризуется большей продуктивностью. Как и в общенародной культуре, языковая интерпретация трудовой деятельности осуществляется как в положительном, так и в отрицательном ключе.

2. 3. 2. Вербализация стереотипных представлений о труде в жаргонно-арготической субкультуре

Для вербализации представлений о труде жаргонно-арготическая субкультура обращается к тем же культурным кодам, что и общенародная, однако отличается актуализацией иных образов, соответствующих этим кодам.

Наиболее продуктивным является акциональный культурный код. В рамках этого кода вербализуются стереотипы о труде, интенсивности трудовой деятельности, её фазах, исполнителе, получении вознаграждения и др.

Языковыми стереотипами процесса трудовой деятельности становятся действия, требующие для своего выполнения наибольшего проявления сил: *забивать, залепить, трубить, тащить* и др., что отражает отрицательное отношение к труду, понимание труда как сложной, требующей физических усилий, а значит, нежелательной деятельности. Пренебрежительное отношение к труду отражено в понимании его как небрежного, грязного, неискusstvenного написания. Труд пачкает человека: *мазюлька, мулево* и др. «работа». В противовес пониманию созидательного начала труда, характерному для общенародной культуры, анализируемые социумы представляют трудовую деятельность как направленную на разрушение: *отбомбиться, отпуливать, отконать* и др. «сделать». Неприятие труда членами данной субкультуры отражено внутренней формой слов: *принудилровка, напрягать, припахать, грузить* и др. «заставлять работать» — к труду принуждают, так как заниматься им по своей воле нет необходимости, а значит, плохо; трудовая деятельность требует большого напряжения сил и в сознании субъектов этих субкультур уподобляется ношению тяжестей либо вспахиванию земли, — занятиям низким и недостойным, поэтому отрицательно оцениваемым.

В роли стандартов окончания трудовой деятельности выступают сцены строительства: *забивать болт* и др. — либо изменения места стоянки: *съём* и др.

Квасистереотипами высокой меры проявления физических усилий для выполнения той или иной работы становятся обыденные действия, требующие максимального напряжения сил: *месить, молотить, пахать* и др. Как видим, для данных субкультур обыденные действия становятся эталонами действий сложных, интенсивных, что указывает на отстранённость носителей этого мировоззрения от повседневной жизни, главное место в которой занимает труд. Обращение к этим образам, при отсутствии отражаемых действий в жизненной практике субъектов рассматриваемых субкультур, предопределяет некоторый саркастический эффект. Много работающий человек, по мнению субъекта жаргонно-арготической культуры, занимает неудобную позу — *корячится*. Корячиться для человека не только неудобно, но и унижительно, тем самым внутренняя форма продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Тяжёлая работа уподобляется расстрелу — наиболее страшному для человека наказанию, лишаящему его жизни: *сухой расстрел*. Работать также плохо, как если бы тебя приговорили к расстрелу. Очевидно, что такая мотивация продуцирует эмотивно-оценочные коннотации.

Языковым эталоном однообразной работы выступает повторяющееся, требующее для своего выполнения значительных физических усилий, направленное на разрушение чего-либо действие: *задолбалово, долбёж* и др. Уподобление работы этому действию вызывает отрицательную оценку и эмоцию неодобрения.

Как и в общенародной картине мира, квазистереотипом несущественного или бесполезного дела являются виды деятельности, не имеющие ценности или безрезультатные. Так, вербализованное представление бессмысленных поисков украденной цыганом лошади становится квазистереотипом бесполезного дела: *искать кобылу у цыгана* (лошадь для цыгана представляет главную ценность); а ловля блох, тараканов – стереотипом не имеющего ценности занятия: *давить блох, тараканить*.

Отличие в понимании труда в жаргонной (прежде всего молодёжной) и арготической субкультурах, как показывает материал, состоит прежде всего в том, что арготическая субкультура отрицает труд вообще (*ломить* «добросовестно работать»: работать — то же, что и разрушать), молодёжная признаёт только интересную или приносящую ощутимую выгоду работу. Полную самоотдачу в труде молодой человек понимает как отвязывание, освобождение себя от чего-либо: *отвязываться* «делать что-либо с полной отдачей, вдохновенно».

Стереотипной ситуацией отлынивания от работы является для носителей жаргонов и арго отсиживание в камышах: *камышить*.

Очевидно, что интересной и престижной не может быть общепринятая форма труда, например, работа на заводе, поэтому промышленное предприятие, представляемое как нечто гудящее и копящее, скорее вызывает отвращение, нежели интерес: *гуда, копилка* и др.

Процесс зарабатывания денег уподобляется уходу за капустой: *окучивать капусту, стричь капусту, рубить капусту* и др. Обращение к этим действиям, по всей вероятности, обусловлено сходством цвета и внешних очертаний листа капусты с американской валютой.

Второе место с точки зрения продуктивности занимает антропоморфный культурный код. Для вербализации стереотипов трудовой деятельности чаще привлекаются номинации, характеризующие половую деятельность человека: *трахать* «заниматься каким-либо делом», *камасутриться* «выполнять нудную, малоэффективную работу», *дрочилка* «плохой инструмент» и др. Представление процесса труда и его атрибутов в виде совершения полового акта продуцирует её неодобрение и уничтожение. Усиливает экспрессивный эффект традиция употребления этих слов как бранных.

Представления о трудовой деятельности вербализуются и с опорой на объективированные знания о строении, функциональных особенностях человека. В поле зрения именуемого субъекта попадают обычно те явления, которые в общенародной культуре табуируются. Причина этого кроется, вероятно, в стремлении показать отрицательную сторону труда, его место в системе ценностей данной субкультуры, особенности его осмысления и интерпретации: *рвать задницу* «работать», *пердячий пар* «тяжёлый физический труд», *выкидыши* «уволненный с работы за нарушение трудовой дисциплины» и др.

Не менее продуктивны образы, отражающие социальный статус человека. Наиболее актуальными здесь становятся отношения «хозяин — слуга». Представления о рабовладельце кладутся в основу стереотипа руководителя предприятия (*рабовладелец*), о рабе — стереотипа работающего человека (*раб, батрак*). Выбор этой формы для объективации представлений обусловлен культивируемой идеологией, что труд — участь несвободных людей. Буквальное прочтение внутренней формы порождает отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Эталоном приносящего материальную выгоду труда является труд проститутки: *напутанить* «выполнить большой объём работы» и др. Сопоставление созидательного труда с использованием собственного тела в целях наживы продуцирует иронию и эмоции презрения.

Менее продуктивны биоморфный и фетишный культурные коды.

Для репрезентации представлений о труде широко используются матрицы биоморфного культурного кода. Как и в общенародной культуре, главным языковым эталоном работающего человека является домашнее тягловое животное: *мочить рога* «добросовестно работать», *упираться рогами* «выполнять тяжёлую физическую работу», *зацокать* «сделать что-либо быстро, интенсивно» и др.

Жаргонно-арготическая субкультура заимствует биоморфные эталоны из общенародной культуры, переосмысляя их значение. Так, слово *свинья* отражает стереотипные представления о неблагодарном или неопрятном человеке. В данной субкультуре квазистереотип *свинья* становится эталоном человека, выполняющего тяжёлую и непродуктивную работу — *хрюндиться*. Слово *попугай* в общенародной культуре является эталоном повторяющего чьи-либо действия человека, в рассматриваемой субкультуре это слово выражает представления о мастере на производстве. Внутренняя форма актуализирует культурную память слова «попугаи обычно глупы, не понимают того, о чём говорят» и продуцирует отрицательную эмотивно-оценочную аранжировку вербализованного обыденного понятия.

Вербализованные биоморфные стереотипы, генетически связанные только с жаргонно-арготической субкультурой, выражают представления о явлениях, которые находятся вне закона. Так, особенности первых цветов, которые появляются и зацветают под снегом, стали основанием для объективации представлений о человеке, работающем по чужой трудовой книжке или числящимся, но не работающем, как о *подснежнике*.

Вербализованные образы предметов и веществ избираются для презентации представлений о труде и его исполнителе. Презрительное отношение к крестьянину выражает внутренняя форма *навоз*. Иронично-пренебрежительное отношение к работе и её исполнителю передаётся через неверную функциональную характеристику орудий труда: *киркой подпоясанный, ломом подпоясанный, кувалдометр* и др.

Актуальными становятся и свойства вещей, образы которых положены в основу вербализованных стереотипов:

- возможность издавать звуки (*шуршать* «усердно работать» и др.);
- изменение структуры, состояния, функции (*выгореть* «потерять работоспособность», *ломаться* «работать с напряжением», *гниль* «профессионал» и др.);
- изменение внешнего вида в результате использования (*работа не пыльная* и др.).

Как видно из примеров, внутренние формы либо характеризуют ту или иную степень интенсивности трудовой деятельности, либо интерпретируют атрибуты трудовой деятельности в отрицательном ключе.

Паразитирующий характер языкового творчества, отражающего процессы концептуализации труда, жаргонно-арготической субкультурой состоит в том, что она культивирует переосмысление получивших в общенародной субкультуре реалий. Языковые факты, отражающие эти тенденции, указывают на основную мировоззренческую позицию данного социума: неприятие и осмеяние фактов общенародной культуры. Ср.: *зряплата / зарплата; блокнот тунядца / кодекс законов о труде; жопо-часы / рабочее время* и др. Этот процесс подтверждается словопроизводством от транслитерированных иностранных слов: *мейкануть* (от англ. to meke «работать»), *джобать* (от англ. job «работать») и др.

Отрицание общенародных ценностей находит своё отражение и в переосмыслении идеологических стереотипов: *кукурузник* «работник сельского хозяйства», *гегемон* «добросовестно работающий заключён-

ный», *китайский доброволец* «трудолюбивый исполнительный работник» и др.

Как уже говорилось, жаргонно-арготическая субкультура переосмысляет квазиэталоны и квазисимволы общенародной культуры: *трудо-вая мозоль* «большой живот», *ишак* «добросовестный работник», *конь* «трудолюбивый осуждённый», *вол* «добросовестно работающий заключённый», тем самым противопоставляя общенародным языковым символам свои – антисимволы. Символы жаргонно-арготической культуры отражают отрицание трудовой деятельности, осмысление её как нежелательного и унижительного занятия, через отождествление работающего человека с быдлом, бесом, чёртом: *быдло, бес, чёрт* «добросовестно работающий человек».

Переосмысление общенародных стереотипов трудовой деятельности отражено и семантической структурой слов: *дело, работа* (многозначные слова имеют инвариантное значение «преступление») [Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.: 2001]

Однако этому процессу противостоит процесс заимствования смыслов из общенародной культуры. Так, жаргонно-арготическая субкультура включает в свой актив ряд смыслов, характерных для общенародной культуры. Например, заимствуются отрицательные концептуальные коннотации, обусловленные этимологией слова *левый: знать левак* «делать что-либо плохо». Анализируемая субкультура не может существовать без общенародной, в противном случае ей пришлось бы полностью создать свой язык.

В науке существует мнение, что для жаргонов и арго не свойственно отрицательное отношение к труду. Так, О. А. Платонов считает, что без трудолюбия советских заключённых невозможно было бы осуществить стройки-гиганты [1991]. Действительно, в местах лишения свободы заключённые находят в труде некую панацею. Приведём один из типичных ответов на вопрос «Чем для меня является труд?», предложенный заключённым колонии УЮ 400 / 1 Тульской области: «Труд даёт мне возможность забыться, уйти от переживаний», «...за работой забываешь про всё на свете, о том, что ты сидишь...», «...во время труда забываем о времени и о том, что находимся в лагере...», «...здесь работа нужна, так как, когда работаешь, время идёт быстрее, забываешься немного, где находишься...» [Картотека автора]. Не углубляясь в политические, социальные, психологические причины формирования отношения заключённого к труду, отметим, что неприятие преступником трудовой деятельности формируется на свободе, что и отражают компоненты значения проанализированных единиц.

Итак, квазистереотипы трудовой деятельности эксплицируют следующие аспекты её концептуализации жаргонно-арготической субкультурой:

- мир делится на своих и чужих, свои живут по законам «балдёжа, пофигизма, прикола, общака». Тот, кто не разделяет эту философию, подвергается презрению и осмеянию;
- трудовая деятельность не представляет ценности для говорящего, это сфера, участвовать в которой можно только вопреки своей воле, труд — это ненужное, утомительное, занятие.

Ценностная шкала жаргонно-арготической субкультуры формируется в соотношении с общенародной: субъект культуры принимает и в то же время переосмысляет общенародные ценности, формирует новые.

Квазистереотипы репрезентируют наиболее существенные слоты фрейма «Труд»: процесс трудовой деятельности, его фазы, исполнитель, средства; место, способ, качество, интенсивность осуществляемой деятельности; результаты и вознаграждение за труд. Наиболее продуктивным является акциональный код, что отражает изменение ценностного статуса труда для человека: труд понимается не как благо для человека, а как бремя.

2. 3. 3. Вербализация стереотипных представлений о труде в профессиональной субкультуре

Русское ремесленничество создало уникальный лексический пласт, отражающий наивную картину мира человека, который занимается тем или иным промыслом. Актуальными для ремесленника становятся процесс изготовления того или иного изделия, применяемые орудия труда, продукция, что находит своё отражение в формировании тематических групп специальных номинаций. Значимым для ремесленника становилось, прежде всего, то, что доступно чувственному восприятию. Именно поэтому можно говорить о том, что ремесленнические терминологии — это своеобразный спектр ощущений мастеров.

По точному наблюдению В. Д. Бондалетова, образы, положенные в основу специальных номинаций, просты и естественны [1980, 10]. Сознание ремесленника прибегает к различным культурным кодам. Наиболее продуктивным является акциональный. Образы тех или иных действий используются при номинации процессов, профессий, орудий труда, продукции: *обрез* «кадка из обрезанной бочки» (бондарничество); *клёнка* «доски, приготовленные для делания чанов» (бондарничество);

набивная доска (красильный); *вешала* «лежащие на двух рядах высоких подпорок жерди, на которые навешивают холст и пряжу» (красильный); *давилка* «инструмент медников-латунщиков, заменяющий молоток» (обработка металла); *крутильщик* «тот, кто делает прядево» (ткачество); *прошивка* «кружево с ровными краями» (кружевоплетение); *присыпание* «вид глазурирования» (гончарный); *щелкун* «инструмент для наглаживания каблучков и задников» (сапожный); *резчик* «мастер, вырезающий пряничные доски» (пряничный) и мн. др. Квазистереотипами специальных действий, как видно из примеров, становятся действия обыденные, имеющие место в повседневной жизни каждого человека.

Продуктивность остальных кодов: антропоморфного, биоморфного, фетишного — в различных терминологиях неодинакова. Например, в пряничном промысле одинаково продуктивны антропоморфный и биоморфный, в игрушечном — антропоморфный, в кружевоплетельном, металлообрабатывающем — фетишный, в самоварном — фетишный и биоморфный культурные коды. Отличительной чертой всех промысловых терминосистем является то, что к данным кодам сознание апеллирует при объективации представлений об используемом инструменте или сделанном предмете.

Обращение ремесленника к антропоморфному культурному коду обусловлено конструированием чего-либо по образу и подобию человека. Продукт своего труда ремесленник осмысляет как нечто живое, наделяет его душой, сопоставляет с человеком. Сделанный предмет или орудия труда имеют сходные с человеческими внешние черты: *щечка, макушка, борода, ручки, пятки, ножки, шейка* (название деталей самовара), *головки, ручки, пятки* (детали грифа), *мочки* «небольшие порции льна, используемые в прядении» и мн. др. Для вербализации представлений этого типа ремесленник обращается и к социальным, психическим, физическим особенностям человека: *сплотить колодку* «подгонка колодки» (металлообработка), *дерево дерётся* «о свойствах сушёного дерева» (игрушечный), *суровый фон* «цвет неокрашенной ткани» и др.

Близость промысла к обиходу (тот или иной промысел зачастую вырос из повседневных занятий, при изготовлении чего-либо использовались обычные инструменты и только с течением времени происходила их специализация) стала причиной обращения к фетишному и биоморфному кодам. Матрицы этих кодов отражают понимание своего дела как гармоничного продолжения обыденной жизни, существующего уклада: *стойла, кобылина, косяк, репеек, шишка, чашки, лежак, кар-*

низ, гнезда, черепашка, конюшки, стебель, малинка, репеек, кухня, лежак, каретка и др.

Итак, языковой объективации подвергаются представления о процессе изготовления, орудиях труда, изделии, мастере. Наиболее продуктивным является акциональный культурный код. Промысловые терминологии можно считать своеобразным отражением внутреннего мира ремесленника. Такой подход ремесленника к своему труду впоследствии даёт возможность представить своё дело как собеседника, наделять его характером, перейти к самоанализу, осознать себя через своё занятие, результатом чего является вербализация представлений посредством матриц антропоморфного, биоморфного, фетишного кодов.

Тезаурус объективированных стереотипов трудовой деятельности включает в себя и специализированные средства выражения стереотипов о труде. Перейдём к их рассмотрению.

2. 4. Квазисимволы и квазиэталоны русского языка как средства вербализации культурных стереотипов

Квазистереотипы, зафиксированные внутренними формами, могут стать базой для формирования квазиэталонов и квазисимволов. В. В. Красных отмечает: «...коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задаёт эталоны культуры» [2002, 257]. В первой главе мы рассматривали механизм образования культурно-языкового символа. Первый этап связан с формированием культурных коннотаций, на втором этапе коннотации актуализируются и формируют содержание новой единицы – языкового символа (квазиэталона или квазисимвола). Актуализация значения находит своё выражение в широком его использовании в различных речевых жанрах: «*Заговорил на свою алую, горячую кровь, на свой чистый, подложечный пот, на спину тощую*» (Заговор: «Русский заговоры и заклинания», 1998); «*Да тут каждый винт, каждая гайка облиты моим потом, да ещё и кровью...*» (рассказ Скитальца «Кузнец»); «*презрев укор людей, забыв небес угрозы, Испили жадно вы средь тишеских прохлад кровавый пот труда и нищенские слёзы*» (стихотворение П. А. Вяземского «Негодование»); «*Уставши от дневных хлопот, Как хорошо полой рубашки Смахуть трудолюбивый пот, подвинуться поближе к чашке*» (стихотворение С. Клычкова) и др.

Квазисимвол или квазиэталон в свою очередь организует квазистереотипы. Например, квазисимвол *пот* организует квазистереотипы, репрезентированные рядом устойчивых единиц: *пот градом; всё по-*

том выйдет; от поту раскис; работай в поте лица; много поту, но мало проку; не от росы урожай, а от поту; не столько роса с неба, сколько пот с лица; пот ключом льёт, а жнец своё берёт и др.

В. Н. Телия отмечает, что семантика квазисимволов и квазиэталонов специфична: слово в этом случае указывает не на референт (обозначенный предмет), а на какую-либо идею, репрезентированную образом данного референта. «...Культурно-национальные символы, воплощённые в языковое «тело», — это всегда словозначение, выполняющее функцию символа: языковая единица награждается устойчиво ассоциируемым с ней смыслом, который и указывает на концепт, не являющийся её собственным языковым значением» [Телия В. Н.: 1996, 243 - 244]. Тем самым символ опирается на содержание, которое служит планом выражения для более сложного, культурно значимого значения. Например, квазисимволы *вол*, *бык* указывают не на домашнее тягловое животное, а на идею максимального проявления сил при выполнении трудовой деятельности – идею, которая репрезентируется образами этих животных.

Глубинность и многомерность семантики языкового символа выражается в том, что символ никогда не может полностью реализовать свои значения. Ю. М. Лотман отмечает, что «связи, в которые вступает символ с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его смысловых валентностей. Это и образует тот смысловой резерв, с помощью которого символ может выступать в неожиданные связи...» [2000, 242]. Например, квазиэталон *как негры* имеет значение «человек, выполняющий тяжёлую, грязную, подневольную работу; много работающий и прочее». Тот или иной контекст актуализирует некоторые из названных сем. Однако данный квазиэталон может иметь и иное значение. Так, А. С. Серафимович в рассказе «Семишкура» использует значение данной единицы при описании людей, выполняющих тяжёлый, подневольный труд: *«Но больше всего едкая пыль въедается в людей, — негритянское царство, где нет лиц, а лишь сверкающие белки да зубы»*. Авторское использование квазиэталона *негр* «тот, кто занимается тяжёлым физическим низкооплачиваемым трудом», во-первых, меняет интерпретацию внутренней формы: негр (тёмнокожий) не по естественному цвету кожи, а от пыли, во-вторых, актуализирует новые смыслы, отражённые потенциальными семмами «обезличивание, нивелирование человека», «постоянная, бессмысленная работа».

Углубление семантики квазисимвола осуществляется путём абстрагирования прямого значения: происходит расширение значения. Так,

плуг изначально являлся символом земельного труда, позже значение расширяется – *плуг* становится символом труда вообще.

Языковые символы являются устойчивыми координатами, константами данного лингвокультурного пространства. «Символы представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума», — Ю. М. Лотман [2000. 241]. Это выражается в том, что языковые символы обобщают и организуют квазистереотипы, отражают доминанты языковой интерпретации тех или иных аспектов действительности. Они закрепляют наблюдения, которые стали житейскими правилами.

Языковые символы могут репрезентировать стереотипные представления об окружающем мире (квазисимволы) или о качествах человека (квазиэталоны).

Так, квазисимволы трудовой деятельности: *весна, голова, дом, заря, спасибо, земля, зерно, живот, колос, лето, мозоли, нива, осень, плоды, поле, пора, пот, пун, плуг, спина, соха, страда, топор, хлеб, хомут, утро, хребет* – отражают представления о процессе трудовой деятельности, его видах, способе, времени, месте его осуществления, результатах труда.

Квазиэталоны объективируют представления о мере затрачиваемых человеком усилий в процессе труда, степени владения мастерством и др.: *вол (бык), как белые люди, дурак, золотые руки, Золушка, как машина, муравей, как негры, как папа Карло, пчела, как рабы, Фигаро*.

Как можно заметить, квазиэталоны, в отличие от квазисимволов, всегда экспрессивны. Ср.: *зерно* — символ результата труда — и *пчела* — эталон человека, много работающего на пользу общества, вызывающий положительную оценку и одобрение. Как видим, в значение квазиэталона включена положительная оценочная и одобрительная эмотивная семы.

Не все из рассмотренных выше представлений обобщаются языковыми символами. Обобщение и объективация представлений квазисимволом или квазиэталонном свидетельствует о высокой степени их актуальности для лингвокультурной общности.

К слотам фрейма «Труд», репрезентированным языковыми символами, относятся:

- процесс трудовой деятельности: *хомут*;
- виды трудовой деятельности: *дом, голова, земля, нива, поле, соха, плуг, топор*;

- исполнитель трудовой деятельности, его специальная, этическая, национальная, физическая характеристики: *вол, бык, машина, негры, рабы, папа Карло, белые люди, Золушка, Фигаро, муравей, пчела, дурак;*
- время протекания процесса трудовой деятельности: *весна, лето, осень, заря, утро, пора, страда;*
- мера (интенсивность) трудовой деятельности: *живот, мозоли, пот, пуп, спина, хребет;*
- результаты труда: *зерно, колос, плод, хлеб;*
- вознаграждение: *спасибо.*

Э. Сепир отмечал: «Символ концентрирует ценности» [1993, 627]. Исходя из этого положения можно определить наиболее важные для русской лингвокультурной общности смыслы, структурирующие концепт «Труд». Распределим их в порядке убывания ценности, учитывая, что она отражается количеством репрезентаций: исполнитель трудовой деятельности (его физическая характеристика), виды трудовой деятельности, время её осуществления, интенсивность работы, результаты и вознаграждение за труд.

Репрезентации тех или иных слотов квазисимволами и квазиэталонами образуют ряды, члены которых связаны тождественными, эквивалентными, привативными отношениями. Языковые символы организуют массивы квазистереотипов в культурный тезаурус, объединяя несколько лингвокультурем (лингвосемиотических рядов), объективированных средствами различных культурных кодов. Эти процессы связаны с установлением семантических связей, с одной стороны, между квазисимволами и квазиэталонами, с другой – с соотносимыми с ними квазистереотипами. Совокупность квазисимволов и квазиэталонов, репрезентирующих тот или иной концепт, образует своеобразную сеть взаимных связей и отражает особенности той или иной культуры. Рассмотрим ряды квазисимволов и квазиэталонов.

Процесс трудовой деятельности символизирует слово *хомут*, которое выражает идею тяжести, принуждённости трудовой деятельности, отрицательного восприятия труда (см. подробнее выше). Данный квазисимвол обобщает вербализованные представления о труде, нейтрально или отрицательно его интерпретирующими, в рамках:

а) акционального кода — как пути, повседневных занятий, действий, требующих максимального проявления сил: *тяглый, тянуть, тягло, маятисX, маячить, усиловать, спешити, поди-ка попляши, работать на гребях, съи Утьникъ* и др.;

б) антропоморфного кода — как человека, выполняющего те или иные функции, проявляющего чувства, связанного определённым типом социальных отношений: *работа с зубами, а леность с языком; работа дураков любит; работа молчит, а плеча крехтят* и др.;

в) фетишного кода — как падающего или покрывающегося плесенью предмета: *у него дело из рук валится; работа в руках плеснеет* и др.;

г) анимического кода — как трудовой деятельности, представленной образами тех или иных природных стихий: *гора дел; вертеть горами; свернуть горы; «Труд... — это море бездонное»* (Н. Михайловский) и др.

Квазисимвол *хому́т* связан привативными отношениями с квазисимволами: *дом, голова, земля, нива, поле, соха, топор, плуг*.

Виды трудовой деятельности: интеллектуальную и хозяйственную — репрезентируют квазисимволы: *дом, голова, земля, нива, поле, соха, топор, плуг*. Единицы данного ряда связаны эквиполентными отношениями.

Наиболее существенным видом трудовой деятельности является земледельческая, на что указывают репрезентирующие эти представления варианты-квазисимволы: *земля, нива, поле, соха. Дом* символизирует не полевые, домашние работы. Слово *топор* является символом ремесленнической деятельности. Символом интеллектуального труда выступает слово *голова*. Приведённые квазисимволы продуцируют представления, объективированные с помощью матриц фетишного и акционального культурных кодов. Большинство языковых единиц, репрезентирующих данные представления, создано на базе слов: *дом, голова, земля, нива, поле, соха, плуг, топор*. Обращение к указанным культурным кодам обусловлено либо предметной природой явлений, объективированных внутренними формами данных символов, либо задачей отразить функциональную сторону этих реалий: *мужику соха, бабе красна; жена пряди рубашки, муж вей гуж; работать головою; куда цеп в руках, потуду и хлеб в зубах; не ленись за плужком, будешь с пирожком; держись сохи плотнее, так будет прибыльнее; без сохи и бороны и царь хлеба не найдёт, топор-кормилец, топор всему голова бабе красна, мужику соха, без хозяина — двор, а без хозяйки изба (дом) плачет* и др.

Наиболее широко представлены квазиэталонами смыслы «исполнитель трудовой деятельности, его состояние и роль в процессе труда»: *вол, бык, машина, негры, рабы, папа Карло, белые люди, Золушка, Фигаро, муравей, пчела, дурак, правая рука, Фигаро*. Не последнее место в

структурировании данного ряда занимают мифологемы: *nana Карло, Золушка, Фигаро*, — которые воспроизводят субфреймы, отражающие историю того или иного литературного героя.

Квазиэталоны данного ряда связаны друг с другом синонимическими отношениями: все приведённые единицы вербализуют степень физического напряжения человека, выполняющего то или иное дело, но, между тем, отличаются семантическими признаками, которые обусловлены внутренними формами и порождаемыми ими коннотациями.

Эталонами человека, выполняющего тяжёлую неблагодарную работу, интенсивно трудящегося, являются: *вол, бык, машина, негры, рабы, nana Карло* (о семантических отличиях данных эталонов см. выше). Этот же смысл с эмотивно-этическим семантическим признаком представлен квазиэталонами: *Золушка, Фигаро, муравей, пчела, дурак, правая рука*.

Культурная память квазиэталона *Золушка*: живёт в доме мачехи, выполняет самую грязную и тяжёлую работу, вознаграждается судьбой и проч. — обуславливает его положительную эмоционально-оценочную интерпретацию, вызывает одобрение и сопереживание. Если кто-то подобен Золушке, его следует оценивать хорошо. Данная оценка продуцируется, во-первых, соответствием культурной установке: будь трудолюбивым, во-вторых, стереотипом, что судьба щедро награждает трудолюбивых людей. Квазиэталоны: *муравей, пчела* — отличают от ряда других семы «коллективно», «на благо других», которые возникли в результате актуализации концептуальных коннотаций мотивирующих слов: совместность (жизнь в своеобразном биологическом коллективе) обитания этих насекомых, выполнение чётко определённых функций.

Квазиэталонном расторопного, успевающего делать одновременно несколько дел человека является имя персонажа Бомарше «Севильский цирюльник» — Фигаро. Культурная память данного эталона: Фигаро успевал служить сразу двум хозяевам — обуславливает положительную эмотивно-оценочную семантику данного эталона, поскольку информация, структурированная в субфрейме «Фигаро», отвечает русским культурным установкам, одобряющим людей, успевающих успешно выполнять сразу два дела. От предыдущих единиц квазиэталон *Фигаро* отличается семой «для собственной пользы», что опять-таки обусловлено культурной памятью слова, и соотносённостью с элитарной субкультурой.

Этимология, знания об особенностях функционирования реалии (см. выше), отражённой внутренней формой квазиэталона *правая рука*, в результате процессов актуализации вошли в его сигнификат: «чело-

век, выполняющий большой объём работы, являющийся главным помощником кого-либо». В содержание эталона включается положительная эмотивно-оценочная семантика, поскольку основания оценки: квазиденотативная и сигнификативная информация – отвечает действующим стереотипам (иметь правую руку / быть правой рукой хорошо, быть главным помощником хорошо).

Коннотации узуального значения слова **дурак** «человек, ищущий работы, много работающий» становятся основным значением омонимичного ему квазиэталона, который вступает в антонимические отношения с вышеназванными единицами и отражает идеологемы нынешнего времени.

Квазиэталонном людей, выполняющих посильный объём работы в хороших условиях и получающих за неё достаточное материальное вознаграждение, является фразеологическая единица **белые люди**. Данный эталон вступает в оппозитивные отношения с такими языковыми символами, как **вол, бык, машина, рабы, папа Карло** и, главным образом, благодаря антонимии квазиденотативного содержания, с квазиэталонном – **как негры**. Использование квазиэталона **белые люди** русской лингвокультурной общностью определяет комический эффект, построенный на алогизме: русскому человеку, имеющему светлый цвет кожи, нет необходимости уподобляться белому человеку. Однако условия и объём работы, который выполняет русский человек, обычно сопоставим с работой подневольного негра. Квазиденотативное и сигнификативное содержание эталона **белые люди** соответствует стереотипам и установкам, функционирующим в русской культуре, что продуцирует его положительную эмотивно-оценочную семантику.

Данные квазиэталонны объединяют представления, вербализованные в рамках:

- акционального: **не надорвёшься, везти воз** и др.;
- биоморфного: **вертеться как белка в колесе, выжатый лимон** и др.;
- антропоморфного: **работа дураков любит, вытаскивать на своём горбу, рвать кишки** и др.;
- анимического: **аж небу жарко** и др. — культурных кодов.

Идея высокой интенсивности осуществления трудовой деятельности, состояния усталости после её выполнения объективируется в языке рядом квазисимволов **живот, пуп, мозоли, пот, спина, хребет** (анализ семантики этих символов см. выше). Как видим, для репрезентации данного смысла лингвокультурная общность прибегает только к матрицам

антропоморфного культурного кода, что объясняется, по всей вероятности, тем, что интенсивность работы, мера затрачиваемых усилий, осознание состояния усталости после её выполнения актуальны прежде всего для человека.

Приведённые квазисимволы организуют представления, вербализованные квазиденотативным содержанием единиц биоморфного: *крутиться как бобик, высунув язык, лезть из шкуры* и др., антропоморфного: *палец о палец не ударит; пальцем не пошевелишь; засучив рукава; по плечу; надорвать живот; надрывать жилы; достаться кровью; рвать кишки; нам бы так пахать, чтобы мозоли не набивать; крестьянскими мозолями и бары сыты живут; мозолистые руки не знают скуки; когда сеют да жнут, не глядят, что мозоли жгут; умываться потом; семь потов сойдёт; до кровавого пота; работай до поту, так поешь в охоту; не земля родит, а пот* и др. — кодов.

Квазисимволами времени протекания процесса трудовой деятельности являются: *весна, лето, осень, заря, утро, пора, страда*.

Квазисимволы: *весна, лето, осень* — символизируют различные этапы трудовой деятельности. *Весна* — время начала полевых работ, *лето* и *осень* — время сбора урожая. Содержание данных квазисимволов стало результатом актуализации концептуальных коннотаций теперь омонимичных им слов. Приведённые квазисимволы отражают этапы крестьянского земледельческого календаря и организуют многочисленные представления о времени осуществления тех или иных работ: в день *Еремея-запрягальника*, или *яремника* (1 мая), начинают пахать, на рабочих лошадях и быков надевают ярмо (Еремей — ярем); в день *Константина и Елены* (21 мая) (от созвучия Алёна — лён) сеют лен; на *Макаеве* (1 августа) принято собирать мак (Макавей — мак) и мн. др. Из примеров, видно, что крестьянское сознание переосмыслило непонятные названия религиозных праздников в соответствии с действующей в то время ценностной парадигмой, то есть с необходимостью выполнения тех или иных видов деятельности.

Языковые символы: *заря, утро* — отражают время начала трудовой деятельности, обеспечивающее хороший результат.

Необходимость работать в тот или иной период, время работ объективируется квазисимволами: *пора, страда*.

Перечисленные квазисимволы обобщают ряд квазистереотипов, объективированных в языке в рамках:

- акционального: *страда́тникъ; страда; после пожара за водой не бегут; после драки кулаками не машут; обед тогда варят, когда дрова горят* и др.;

- биоморфного: *кто рано встаёт, у того копейка растёт; вставать с петухами; петух не человек, а своё всё скажет и баб научит* и др.;
- антропоморфного: *заря деньгу родит; если в апреле земля прееет, значит, вовремя май посеет; день придёт и заботу принесёт; лето припасиха, а зима прибериха; осень всклокочет, а весна как захочет; заря золотом осыплет* и др.

Каждый из перечисленных квазисимволов анализируемого ряда в состав своего значения включает сему, указывающую на интенсивность: называется время осуществления трудовой деятельности, требующее максимального проявления физических усилий.

Языковыми символами результатов труда являются: *зерно, колос, плод, хлеб*. Особенность этих квазисимволов заключается в том, что они соотносятся с символами материальной культуры – натурфактами и артефактами, обозначенными этими именами. Обращает на себя внимание, что все перечисленные символы соотносятся с биоморфным культурным кодом и большинство из них продуцировано крестьянским сознанием, ориентированным на ценность земледельческого труда (анализ семантики см. выше). Данные квазисимволы организуют вокруг себя представления о результатах труда, также связанные с биоморфным культурным кодом: *на тонцѢ на деревиѢ животы наши качаются; плоды труда; без труда нет плода; «Называем сознание садом, где растут плоды труда»* (А. Клизовский) и др.

Языковым символом не соответствующей физическим затратам, не подкреплённой материально, несправедливой благодарности за труд является слово *спасибо*. Получить в качестве вознаграждения за труд только спасибо плохо, поскольку это не соответствует действующим в русской культуре стереотипам. Данный символ организует ряд языковых единиц, отражающих ироничное понимание устной благодарности как некоего, имеющего ценность предмета: *спасибо домой не принесёшь; из спасибо шубы не сошьёшь; подали спасибо, да домой не донёс* и др., а также организует квазистереотипы результатов трудовой деятельности, соотносящиеся с фетишным культурным кодом: *артельный горшок гуще кипит; хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам каши горшок; без работы печь холодна* и др.

Итак, языковые символы, репрезентирующие смыслы концепта «Труд», организуют представления, объективированные в рамках всех рассмотренных выше культурных кодов.

Совокупность языковых символов можно представить в виде поля, центр которого составляют единицы, имеющие в составе своего значе-

ния интенсифицирующую сему: *хомут, вол, бык, машина, негры, рабы, папа Карло, белые люди, Фигаро, муравей, пчела, дурак, рука, весна, лето, осень, заря, утро, пора, страда, живот, мозоли, пот, пуп, спина, хребет*. Исходя из утверждения о том, что квазисимволы и квазиэталоны представляют собой узлы, устанавливающие связи и организующие близкие друг другу представления, можно утверждать, что труд русской лингвокультурной общностью понимается как вид деятельности человека, требующей максимального проявления сил, наибольшей интенсивности выполнения. Если учесть, что из 40 выделенных квазисимволов и квазиэталонов 16 имеют отрицательные эмотивные и оценочные семы (против 5 единиц этого типа с положительными семами), следует сделать вывод, что для русского человека особую ценность представляет мера труда, нарушение нормы оценивается отрицательно.

Анализ рядов квазисимволов и квазиэталонов показал, что организующие их единицы связаны отношениями вариантности, части и целого, частичного тождества или противопоставления, что указывает на системность квазисимволов и квазиэталонов. Таким образом, можно говорить о континуобразующей функции квазисимволов.

Языковые символы и эталоны представляют собой стущённую когнитивную программу освоения действительности. Символ предопределяет жизненный путь. Э Сепир указывает, что символ всегда выступает как заместитель некоторого типа поведения [1993, 205]. Языковые символы, репрезентирующие концепт «Труд», определяют следующие сценарии поведения и стереотипы для русского человека:

- труд – сложное занятие, требующее больших физических усилий (*хомут, вол, бык, машина, негры, рабы, папа Карло, белые люди, живот, мозоли, пот, пуп, спина, хребет*);

- выполняй работу своевременно (*весна, лето, осень, заря, утро, пора, страда*);
- работа должна справедливо вознаграждаться (*спасибо*);
- труд должен иметь результаты, получение результатов – медленный процесс, подобный росту растения (*зерно, колос, плод, хлеб*);
- не ищи работы, не работай много (*дурак*);
- тот, кто много работает, делает благо для себя, для других, за что получает уважение в обществе и благодарность от судьбы (*Золушка, Фигаро, муравей, пчела*);
- настойчивость, терпение, трудолюбие сделают возможным выполнение большого объема работы (*муравей, пчела*).

Как видим, реконструированные сценарии и стереотипы отражают амбивалентность культурного знания, которая постоянно ставит перед русским человеком проблемы нравственного выбора: «Амбивалентность ... определяет возможность выбора и оценки — и в этом, видимо, состоит основная добродетель свободного человека: выбрать правильный путь и судить по справедливости» [Колесов В. В.: 1999, 83].

Эксплицированные аспекты концептуализации трудовой деятельности показывают ценностную картину русского человека, который осмысляет труд как в утилитарно-деятельностном, так и в нравственном ключе. Вербализованные стереотипы и организующие их квазисимволы и эталоны отражают базовую часть тезауруса культурного концепта «Труд».

3. Вербализация процессов осмысления трудовой деятельности семантикой ключевых слов в русском языке

3. 1. Ключевое слово как понятие лингвокультурологии. Русские ключевые слова культурного концепта «Труд»

Понятие «ключевое слово» первоначально использовалось для статистической характеристики единиц текста. В работах последних лет (А. Вежбицкая «Понимание культур через посредство ключевых слов», «Русский язык» и др.) оно широко применяется для характеристики особенностей тех или иных культур. На наш взгляд, данное понятие в современных исследованиях не дифференцируется с термином квазисимвол [Телия, 1986]. Главное отличие ключевых слов и квазисимволов – семантическое. Ключевые слова соотносятся с теми или иными референтами, квазисимволы – только с идеями. Ср.: *работа* — соотносится с тем или иным процессом трудовой деятельности / *хомут* — символ работы.

Различия в семантике определяют функциональную разнородность. Если квазисимволы организуют вербализованные представления – квазистереотипы того или иного явления (см. гл. 2), то ключевые слова – ряды референциальных слов.

Для ключевых слов характерен простой семный состав значений, обуславливающий широкую экстенциональность, общеупотребительность, частотность, свободную сочетаемость. Ключевые слова формируют ядро репрезентаций того или иного концепта. Они первыми приходят на ум, когда возникает необходимость обозначить данный концепт.

Адекватная форма репрезентации ключевых слов – абстрактное существительное. Оно, в виду своей семантической нечёткости, обусловленной тем, что соотносится со слабым, не указывающим на реально существующий предмет референтом [Голованивская М. К.: 1997, 19], наиболее ёмко репрезентирует те или иные смыслы. Стремление языковой личности обозначить неуловимые смыслы находит своё отражение в том, что абстрактное имя имеет большое количество синонимов, антонимов, включает в свою семантику концептуальные коннотации, которые вербализуются посредством комбинаторики слова.

К ключевым словам концепта «Труд» мы относим *труд, работа, дело*, поскольку они удовлетворяют психологическому критерию выделения ключевых слов (первыми приходят на ум), имеют достаточно про-

стой семный состав входящих в них значений, что обуславливает их широкую экстенциональность, всеупотребительность, частотность, широкую сочетаемость.

Эпидигматические, парадигматические (деривационные, синонимические, антонимические) и синтагматические значимости данных ключевых слов отражают процессы концептуализации трудовой деятельности и имеют культурно обусловленный характер.

Рассмотрим указанные виды системных отношений, отражающие процессы концептуализации трудовой деятельности.

3. 2. Отражение концептуализации труда в семантической структуре многозначного слова

Как уже отмечалось, многозначное слово отражает процессы концептуализации: появление одних и устаревание других лексико-семантических вариантов, формирование или видоизменение семантического инварианта, трансформация иерархии значений в семантической структуре многозначного слова обусловлены изменением ценностной шкалы, а значит, отражают эволюцию в осмыслении той или иной понятийной категории. «Степень упорядоченности, разграниченности и систематизированности значений зависит от структуры человеческого опыта и деятельности в соответствующей предметной области. Значений в некотором континууме выделяется столько, сколько подразделений в нём существенно для человеческой практики. И значения эти настолько дискретны, насколько существенна и обработана в опыте дискретизация соответствующего участка денотативной сферы [Никитин М. В.: 1996, 207].

Лингвокультурологический подход снимает когнитивистскую дискуссию о соотношении концепта и значений многозначного слова. Если значения многозначного слова соответствуют одной теме, вербализуют одну и ту же сферу действительности, то они репрезентируют один культурный концепт. Культурно-когнитивный потенциал многозначного слова определяется его смысловой континуальностью (проявляющейся в отражении целой сферы действительности) и состоит в том, что оно объективирует процесс концептуализации того или иного явления в исторической перспективе. Н. Ф. Алефиренко отмечает: «Концепт ... представляет собой генетический корень или смысловой эмбрион, экспликация которого осуществляется только путём осмысления формирования семантической структуры слова» [2002, 226].

Содержание, репрезентированное тем или иным многозначным словом, можно представить в виде фрейма, слоты которого составляют смыслы, вербализованные лексико-семантическими вариантами.

Первое, прямое (такое соответствие порядкового номера значения в структуре многозначного слова и типа значения по способу номинации наблюдается в большинстве случаев) значение можно толковать как прототипическое, так как оно удовлетворяет психологическим (первым приходит на ум), семантическим (имеет простой семный состав, что может обуславливать его свободную сочетаемость, номинативную функцию) критериям [Манерко Л. А.: 2000; Кобозева И. М.: 2000, 160 - 163].

Семантический инвариант многозначного слова, представленный интегральными для всех значений семами, является одним из типов лингвосемиотических рядов. Развитие семантической структуры многозначного слова позволяет применять к ней понятие эволюционного семиотического ряда, отражающего изменения в ценностных парадигмах культуры.

Источниками рассмотрения процесса концептуализации в аспекте развития станут «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (СДЯ - Словарь древнерусского языка), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (СД – словарь Даля), Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах (БАС – большой академический словарь). СДЯ позволит установить исходную точку в процессе концептуализации трудовой деятельности в русской культуре, отражённом посредством многозначности ключевых слов. Материалы СД и БАС помогут увидеть когнитивные стратегии, особенности осмысления труда в 19 веке и в настоящее время.

Рассмотрим особенности семантической структуры ключевых слов концепта «Труд» в СДЯ.

Слово **работа** в древнерусском языке, по данным СДЯ, имело 5 значений: 1) *рабство, неволя*; 2) *пленение, увод в плен*; 3) *порабощение*; 4) *служение*; 5) *труд*.

Как видим, трудовая деятельность интерпретировалась как атрибут рабства, неволи; как деятельность, которая совершается вопреки собственной воле. Показательно, что в роли первого, мотивирующего, прототипического значения выступает семема, вербализующая в языке смысл «социальная несвобода». Т. А. Дегтярева отмечает: «Представление о труде как наказании могло возникнуть, когда труд не был уже естественной необходимостью для всех членов общества, когда труд стал уделом раба» [Цит. по Левицкий В. В., Стернин И. А.: 1989, 83 — 84].

Семантический инвариант формируют семы «делать что-либо вопреки своему желанию». Обращает внимание, что значения, так или иначе связанные с идеей социальной несвободы (1 — 4) формируются с опорой на импликационные связи, в частности посредством способа переноса по смежности: социальный статус / положение (1) → перевод (переход) в это положение (2, 3); социальный статус / положение (1) → функции, к которым обязывает это положение. Интересующее нас, пятое значение «труд», по всей вероятности, мотивировано 4-м значением «служение»: оно возникло на базе расширения 4-го значения «служение» → «трудовая деятельность вообще».

С позиций современного сознания анализируемое многозначное слово соотносится с двумя концептами «Рабство» и «Труд», причём первый мотивирует второй. В сознании же древнерусского человека труд представлялся одной из функциональных составляющих рабства. Лексико-семантические варианты данного слова репрезентируют соответствующие слоты фрейма «Рабство»: «пленение» / «порабощение» / «труд». Процесс трудовой деятельности осмыслялся целостно, о чём свидетельствует эксплицитированный семный состав пятого значения.

Укажем особенности семантической структуры другого ключевого слова данного концепта – слова *трудъ*.

Слово *трудъ*, по данным СДЯ, имело 13 значений: 1) *работа*, 2) *трудом добытое, сделанное*; 3) *трудность*; 4) *деятельность*; 5) *старание*; 6) *забота*; 7) *беспокойство*; 8) *подвиг*; 9) *страдание*; 10) *скорбь, горе*; 11) *боль*; 12) *болезнь, недуг*; 13) *грех*.

Данный полисемант отражает иную стратегию концептуализации. Труд осмысляется не только в акциональном (1, 2, 4, 5, 6 лексико-семантические варианты), но и духовном (3, 7, 8, 9, 13 лексико-семантические варианты) и физиологических ракурсах (11, 12 лексико-семантические варианты). По числу семем видно, что трудовая деятельность понимается, прежде всего, как явление, имеющее акциональную или духовную природу. Проще говоря, труд в сознании древнерусского человека – это выполнение того или иного дела, или работа души, или претерпевание той или иной боли. Поэтому с точки зрения современного сознания семемы распределяются на три омонимичные области. Тем самым, можно утверждать, что концепт «Труд» в древнерусской культуре был тесно связан и даже мотивировал концепты «Внутренний мир человека», «Физиология человека». Семантический инвариант, осуществляющий связь между значениями, формируют семы «делать усилия».

Каковы отношения между лексико-семантическими вариантами данного многозначного слова?

Значения акциональной зоны семантической структуры могут быть мотивированы первой, основной семемой с опорой на отношения смежности. Метонимические переносы отражают процессы детализации зон концептуализации: идея труда включает в себя не только процесс (1 значение), но и его результаты (2 значение), отношение к этому виду деятельности (5 и 6 значения). Однако чёткости в концептуализации труда ещё не наблюдается: труд – это не только действия, направленные на созидание чего-либо, но и деятельность вообще (4 значение).

Труд осмысливается и не только как деятельность материальная, физическая, но и духовная. Осмысление этой концептуальной сферы в языке вербализуется с опорой на классификационные связи, преимущественно средствами переноса по сходству. Основанием для переноса являются интегральные семы «испытывать напряжение». Отрицательные концептуальные коннотации, сопровождающие первое значение, находят свою реализацию в уподоблении труда психическим состояниям беспокойства, страдания, скорби, грехопадения (7, 9, 10, 13 значения).

Те же коннотации вербализованы значениями «боль» (10), «болезнь, недуг» (12), образованными с опорой на тождество, в основе которого лежат семы «испытывать напряжение», «совершать усилие».

Русские стереотипы и культурные установки этого времени квалифицируют включение человека в трудовую деятельность как подвиг, одобряя тем самым людей, которые мужественно переносят тяготы судьбы (8 значение).

Таким образом, древнерусское слово *трудъ* отражает иные, в отличие от слова *работа*, когнитивные стратегии. Значения этого слова показывают, что лингвистически релевантными оказываются слоты «результат труда», «отношение к труду». В фрейм «Труд» включаются слоты «отрицательное душевное состояние человека», «болезнь», «совершение подвига». Тем самым, данное слово восполняет невербализованные словом *работа* смыслы. Значения слова *трудъ* указывают на доминирование аналитичных тенденций в процессах концептуализации труда.

Исследуем особенности когнитивных стратегий, отражённых древнерусским словом *дБло*.

Слово *дБло*, по данным СДЯ, имело 12 значений: 1) *деятельность*; 2) *поступок, деяние*; 3) *способность, образ*; 4) *работа, труд*; 5) *подвиг*; 6) *сражение*; 7) *спор, тяжба*; 8) *состязание*; 9) *сила, энергия*; 10) *ценность, достоинство*; 11) *заслуга*; 12) *образец, подобие*.

Данное слово отражает господство одной когнитивной стратегии, определяющей возникновение новых смыслов – осмысление трудовой деятельности в акциональном ключе.

Указанная тенденция находит своё отражение в том, что семантический инвариант данного полисеманта, объединяющий его значения, формирует сема «действие». Возможно, это определяет продуктивность импликационных связей, в частности основанных на смежности, при продуцировании новых смыслов.

Значения многозначного слова показывают, что в обыденном понимании трудовая деятельность недостаточно чётко дифференцирована от других видов человеческих практик: взаимосвязанными являются понятия о военных действиях, соревнованиях, состязаниях, спорах (значения 4, 6, 7, 8). Связь с этими значениями проясняет, что трудовая деятельность осмысляется как борьба человека с чем-либо. Такой ракурс концептуализации деятельности даёт основание считать, что при уподоблении её подвигу (5 значение) существенными становились мотивы борьбы и победы.

Значения слова *дБло* отражают новые аспекты концептуализации. Во-первых, вербализуется обыденное понятие «фазы деятельности» (2 значение). Во-вторых, объективируется понимание того, что для выполнения деятельности необходимы силы и умения (3 и 9 значения). В-третьих, репрезентируются представления о ценности и оценке деятельности (10 и 11 значения). Кроме того, 12-ое значение этого слова отражает высокую степень абстрагирования действительности сознанием человека. Древнерусский человек уже мог помыслить об образце, эталоне той или иной деятельности.

Таким образом, значения слова *дБло* отражают осмысление трудовой деятельности в единстве со многими другими человеческими практиками, то есть отличия данного вида деятельности от других только намечаются. Лингвистически релевантными слотами оказываются «деятельность», «фазы деятельности», «образцы практик», «умение», «подвиг», «виды деятельности».

Итак, в древнерусской культуре концепт «Труд» не получил ещё чёткого содержания. С одной стороны, следует говорить, что он пока не выделился из концепта «Деятельность», с другой – имел тесные связи с мотивируемыми им концептами «Рабство», «Внутренний мир человека», «Физиология человека». Нечёткость экстенционально-интенциональных характеристик концепта «Труд» находит своё отражение в непроработанности семантизации значений ключевых слов в словаре. Низкая степень содержательной дискретизации значений обусловлена невысокой

ценностью труда для русской лингвокультурной общности, отсутствием опыта в этой сфере действительности.

Рассмотренные ключевые слова своими значениями объективировали следующие наиболее важные слоты гиперфрейма «Труд»: процесс трудовой деятельности; её фазы; результаты труда; отношение к труду; образцы человеческих практик; умение.

Осмысление труда является активным когнитивным процессом, что отражают концептуальные стратегии, рассматривающие данное явление в акциональном, социальном, духовном, физиологическом аспектах.

Исходя из выдвинутого нами положения, что тот или иной семантический инвариант может быть интерпретирован как лингвосемиотический ряд, можно утверждать, что значения каждого из рассмотренных ключевых слов соотносятся с элементами трёх подобных рядов:

- 1) делать что-либо вопреки своему желанию / воле (**работа**);
- 2) испытывать напряжение, прилагать усилия (**труд**);
- 3) действие (**дело**).

Связь значений того или иного слова со своим лингвосемиотическим рядом показывает, что каждое из слов дополняет друг друга в процессах объективации знаний, соотносящихся с концептом «Труд». Нужно заметить, что выбор ментальных сфер концептуализации определяется этимологией того или иного ключевого слова. Так, слово **работа** репрезентирует смыслы, связанные с социальной природой труда, **труд** – его психологические и физиологические аспекты; **дело** – акциональную сторону.

Анализ лингвосемиотических рядов древнерусских слов **работа**, **труд**, **дело** позволяет реконструировать следующие стереотипы понимания трудовой деятельности:

- труд – это рабство (удел рабов);
- труд – это муки души;
- труд – это муки тела;
- труд – это борьба;
- труд – это выполнение того или иного вида деятельности.

Очевидно, что эксплицированные стереотипы воплощают, в целом, отрицательное отношение к труду, его нежелание и неприятие. Полученные выводы в целом подтверждают мнение А. Я. Гуревича: «Оценка крестьянского труда в раннефеодальном обществе была противоречива, но в целом сравнительно низка. ...Труд для зависимого кре-

стьянина — суровая материальная и социальная необходимость» [1990, 36 - 38].

«Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля отражает концептосферу русской культуры, сложившуюся к 19 веку. Рассмотрим изменения в семантической структуре ключевых слов концепта «Труд», зафиксированных в этом словаре.

Слово *работа* в СД имеет 4 общеупотребительных и 2 специальных значения. Перечислим только общеупотребительные: 1) *действие по глаголу работать, труд, занятие, дело, упражнение, делание*; 2) *рабство, состояние в рабстве*; 3) *само дело*; 4) *качество ея, по отделке*.

Приведённые значения в сравнении со значениями этого слова, зафиксированными в СДЯ, указывают на смену ценностной парадигмы, влияющей на процессы концептуализации. Осмысление работы как атрибута рабства, хотя и неполностью, но преодолено. Первое, прототипическое значение стало указывать на процесс трудовой деятельности. Два значения «пленение, увоз в плен», «порабощение» ушли в пассивный состав, продемонстрировав тем самым неактуальность репрезентированных ими смыслов для лингвокультурной общности, изменение концептуальных стратегий. Этот процесс нашёл своё отражение и в трансформации семантического инварианта данного слова: на рассмотренном историческом этапе его сформировали семы «делать что-либо». Появление новых смыслов опирается на импликациональные связи, а именно на смежность: действие → само дело; само дело → качество ея по отделке. Таким образом, отражение действительности осуществляется как бы «пошагово»: от идеи труда к осмыслению его результата, от понимания результата к познанию его качественной стороны. Наличие специальных значений, восходящих к винокурной терминологии и специальному лексикону наездников указывает, с одной стороны, на носительную интенционально-экстенциональную чёткость концепта, с другой, на специализацию его интенциональных характеристик.

Лексико-семантические варианты данного слова отражают следующие лингвистически релевантные слоты гиперфрейма «Труд»: «процесс трудовой деятельности», «результат деятельности», «качество изделия, работы».

Итак, лингвосемиотический ряд «Работа» подвергся трансформации. В диахронической перспективе его можно представить как «делать что-либо вопреки своему желанию, воле» → «делать что-либо».

Рассмотрим изменения, которые затронули лингвосемиотический ряд «Труд».

По данным СД слово **труд** имеет 6 значений: 1) *работа, занятие, упражнение, дело*; 2) *всё, что требует усилий, старанья, заботы*; 3) *всякое напряжение телесных или умственных сил*; 4) *всё, что утомляет*; 5) *последствия работы, старанья, напряженья, сделанная вещь*; 6) *болезнь, боль, хворь, недуг, нездоровье*.

Семантическая структура данного слова не отражает значительных изменений. Значения «старание», «забота», «беспокойство», «страдание», «скорбь» обобщаются (см. 2, 3, 4 значения). Таким образом, семный состав значений указывает на процессы абстрагирования.

Тем не менее в данном лингвосемиотическом ряду намечается раскол на две группы: одну группу образуют значения, связанные семами «напряжение, прикладывание усилий», другую – «делать что-либо».

Труд перестаёт осмысляться как подвиг.

Итак, семантическая структура слова **труд**, зафиксированного в СД не отражает значительных изменений в когнитивных стратегиях. Это воплощается в объективированных лексико-семантическими вариантами слотах фрейма «Труд».

Лингвосемиотический ряд в диахроническом аспекте лишь модифицируется: «испытывать напряжение, прилагать усилия» → «испытывать напряжение, прилагать усилия» + «делать что-либо» + «обобщённость».

Каковы особенности эволюции семантической структуры слова **дело**?

У слова **дело** в СД зафиксировано 7 значений с оттенками: 1) *работа, труд, занятие // предмет, упражнения // обязанность, должность*; 2) *всё, что сделано, что свершилось, поступок*; 3) *сущность предмета или обстоятельства*; 4) *нужда, надобность*; 5) *письменное производство по службе, составляющее одно целое, по одному случаю, делу, предмету*; 6) *сражение; битва*; 7) *пушка*.

Как видим, семантическая структура этого слова претерпела существенные изменения: несколько значений ушло из употребления «способность, образ», «подвиг», «спор, тяжба», «состязание», «сила, энергия», «ценность достоинство», «заслуга», «образец». Устаревание этих значений связано с оформлением экстенционально-интенциональных характеристик концепта «Труд». Трудовая деятельность отграничивается от ряда других, и это влечёт за собой потребность в осмыслении её качественных характеристик (старые – умение совершать деятельность вообще, образец деятельности вообще – не удовлетворяют сознание).

Появились значения и оттенки, основанные на смежности:

- действие («работа, труд, занятие») → объект, на который направлено действие («предмет, упражнение»);
- действие («работа, труд, занятие») → служебное положение, обязывающее выполнять это действие («обязанность, должность»);
- результат действия («всё, что сделано...») → его существенные черты («сущность предмета или обстоятельства»);
- действие («работа, труд, занятия») → необходимость его осуществления.

Это факт даёт возможность говорить, что гиперфрейм «Труд» пополнился новыми слотами: «специальная характеристика исполнителя деятельности: обязанность должность»; «необходимость совершения деятельности».

Изменение семантической структуры наблюдается и в том, что преобладают тенденции предметного осмысления деятельности (см. оттенки первого значения, а также 2, 3, 4, 5 значения).

Следует отметить, что новые значения соответствуют действующим ранее когнитивным стратегиям, что даёт основания сделать выводы, что лингвосемиотический ряд, формируемый значениями этого слова, в диахронической перспективе лишь модифицируется: «действие» → «предметные аспекты действия».

Итак, семантическая структура ключевых слов *работа, труд, дело*, зафиксированных в словаре В. Даля, позволяет сделать вывод о формировании экстенционально-интенциональной чёткости концепта «Труд». Эти процессы отражены ясностью семантизации значений слова. Данный концепт достаточно определённо выделяется из концепта «Деятельность», его связи с концептами «Рабство», «Внутренний мир человека», «Физиология человека» становятся менее тесными.

Изменение в понимании труда отражает трансформация структуры фрейма «Труд». Ряд слотов: «фазы деятельности», «отношение к труду», «образцы человеческих практик», «умение» – не находит своей объективации значениями ключевых слов. Однако появляются новые слоты: «качество изделия», «специальная характеристика исполнителя труда», «необходимость совершения деятельности».

Трансформация и модификация лингвосемиотических рядов указывает, что в поле зрения смыслопорождающего субъекта культуры попадают преимущественно акциональные аспекты трудовой деятельности. Эволюция лингвосемиотических рядов отражает движение сознания к более высоким ступеням абстракции.

Большую роль в познании труда играет смежность явлений, указывающая на «пошаговое» освоение действительности.

Отсюда можно сделать вывод о том, что труд в древнерусской культуре воспринимался как маркер социального положения, «переживался» языковой личностью, на более поздних ступенях развития культуры социальные и эмоциональные аспекты восприятия труда редуцируются, получают влияние тенденции, продуцирующие техногенные, узкоспециальные стратегии при осмыслении данной категории. Отрицательное отношение к труду отодвигается на задний план, нейтрализуется.

Изменения в семантической структуре ключевых слов отражают ориентацию сознания в процессе концептуализации труда на ряд новых стереотипов и культурных установок:

- труд - необходимое занятие;
- в процессе труда важен результат;
- в процессе труда важны качество его выполнения, качество изделия;
- труд может утомлять, напрягать;
- труд – это неволя.

Рассмотрим особенности концептуализации трудовой деятельности в 20 веке, объективированные семантической структурой ключевых слов.

БАС отражает особенности концептуализации трудовой деятельности на современном этапе развития культуры.

Слово **работа** имеет 6 значений: 1) осуществление какой-либо деятельности, действие по глаголу *работать* // нахождение в действии, функционировании, об органах, членах тела // о машинах, механизмах // в физике – одна из важнейших физических величин, количественно характеризующая преобразование какой-либо одной формы энергии в другую; 2) дело, труд, круг занятий, обязанностей // род, вид трудовой деятельности // о школьном учебном задании // о различных формах принудительного труда как средстве наказания; 3) производственная деятельность по созданию, обработке чего-либо // о месте осуществления этой деятельности; 4) дело, занятие как источник заработка, служба // о месте, где кто-то служит, работает; 5) то, над чем работают, обычно ручным, кустарным способом, что служит материалом для обработки // вещь, изделие, выполненное шитьём, вязанием и т. п.; рукоделие; 6) то, что сделано, изготовлено кем-либо // о научном, литературном произведении // о качестве выполнения чего-либо // о стиле, способе изготовления.

Приведённое лексикографическое описание слова *работа* отражает существенные изменения в осмыслении трудовой деятельности. Во-первых, трудовая деятельность перестала пониматься как деятельность, осуществляемая в рабстве, неволе. Однако возникло значение, объективирующее идею принудительного исправительного труда. Во-вторых, увеличилось число значений, продуцируемых акциональными семантическими признаками работы. В-третьих, появились значения, отражающие осмысление функционирования частей тела человека и неживых предметов (также продуцированные семами «рабство», «неволя», так как находящиеся в рабстве лишались человеческих прав, становились чьей-либо собственностью), что говорит о том, что осмысление труда достигло той точки, которая позволяет проводить аналогии в процессах познания других явлений. Объективирован смысл, отражающий научные понятия о количественной стороне работы.

Данное слово по-прежнему включает ряд значений, репрезентирующих смыслы концепта «Деятельность». Однако большинство значений соотносится с концептом «Труд». Основу семантического инварианта составляют семы «делать что-либо». Усложнение лингвосемиотического ряда осуществляется за счёт увеличения входящих в него вариантов.

Главным способом освоения новых аспектов трудовой деятельности снова оказываются импликациональные связи, а именно опора на смежность. Объективации подвергаются такие смыслы, как:

- трудовая деятельность → место её осуществления (3-е значение и его оттенок);
- трудовая деятельность → стиль выполнения деятельности (2-е и оттенок 6-го значения) и др.

Выделенные семемы показывают, что трудовая деятельность осмысляется как:

- имеющая множество разновидностей (научная, кустарная и др.), среди которых основное место занимает производственная деятельность (2, 3 значения);
- приносящая заработок (4 значение);
- как один из возможных способов наказания (оттенок 2-го значения).

Углубление концептуализации трудовой деятельности проявляется в возникновении новых слотов гиперфрейма «Труд», которые вербализованы новыми значениями анализируемого слова: «виды трудовой деятельности», «ценность трудовой деятельности», «место осуществле-

ния трудовой деятельности», «место деятельности», «виды изделия», «способ осуществления деятельности».

Таким образом, семантическая структура слова **работа**, зафиксированного БАС, отражает глубину концептуализации трудовой деятельности, которая нашла своё отражение в разноаспектности и многогранности объективированных смыслов.

Как видоизменился лингвосемиотический ряд **труд**?

Слово **труд** в анализируемом словаре имеет 6 значений: 1) *процесс воздействия человека на природу, человеческая деятельность, направленная на создание материальных и культурных ценностей // рабочая сила, мускульная или нервная энергия, затрачиваемая на производство чего-либо*; 2) *работа, требующая затраты физической или умственной энергии // род деятельности, конкретное занятие // работа как источник существования, средств к жизни // страда, сельхозработы // повседневные занятия, хлопоты, заботы // услуга*; 2) *усилие, старанье, направленное к достижению чего-либо*; 3) *результат деятельности, работы; производство, создание // в названиях научных журналов, сборниках*; 4) *устар. трудности, тяготы*; 5) *учебный предмет*.

Семантическая структура данного слова отражает кардинальные изменения в концептуализации труда. Во-первых, труд не связывается с физиологическими и психическими особенностями человека. Во-вторых, трудовая деятельность осмысливается как:

- целенаправленная деятельность человека; деятельность, целью которой является создание материальных и культурных ценностей;
- деятельность, обязательная для человека;
- деятельность как источник существования человека;
- деятельность трудная, тяжёлая, требующая усилий и стараний;
- деятельность, которой нужно и можно учить.

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что семантическая структура слова **труд** отражает переход к новому, научному осмыслению данного вида деятельности.

Семантический инвариант данного многозначного слова составляют семы «целенаправленное воздействие человека на что-либо с целью получения результата, требующее напряжения». Если на предшествующем этапе мы выделяли семы «напряжение, прикладывание усилий», «делать что-либо», то на современном срезе семы «человек», «целесообразность», «результативность» объективируют осознанное отношение к данному виду деятельности, понимание её как специфичной для человека.

Семы «проявлять усилия», «напрягать телесные и умственные силы», «утомлять», играющие весомую роль в формировании семем данного слова на предыдущих этапах, используются при продуцировании новых значений: *рабочая сила, мускульная или нервная энергия, затрачиваемая на производство чего-либо // работа, требующая затраты физической или умственной энергии // усилие, старанье, направленное к достижению чего-либо.*

Углубление, детализация процессов концептуализации отражают способы образования новых смыслов: опора на смежность (процесс воздействия «процесс воздействия человека на природу, человеческая деятельность, направленная на создание материальных и культурных ценностей» → сила, необходимая для осуществления этого процесса «рабочая сила, мускульная или нервная энергия, затрачиваемая на производство чего-либо»; процесс воздействия «процесс воздействия человека на природу, человеческая деятельность, направленная на создание материальных и культурных ценностей» → объект, на который направлен этот процесс «работа, требующая затраты физической или умственной энергии»; процесс воздействия «процесс воздействия человека на природу, человеческая деятельность, направленная на создание материальных и культурных ценностей» → усилия, затрачиваемые на его выполнение «усилие, старанье, направленное к достижению чего-либо») или на уточнение (детализацию, сужение) смысла («работа, требующая затраты физической или умственной энергии» → «род деятельности, конкретное занятие», «страда, сельхозработы», «повседневные занятия, хлопоты»).

Углубление концептуализации отражает и число слотов гиперфрейма «Труд», объективированных лексико-семантическими вариантами. Во-первых, детализируются слоты, объективированные на предыдущих этапах: «процесс труда» → «разновидности процесса трудовой деятельности» (оттенки 2-го значения); «результаты работы» → «их виды» (оттенки 4-го значения). Появляются и новые слоты: «мера труда» (2, 3 значения), «объект воздействия» (2 значение). Тем самым, сознание старается охватить процесс трудовой деятельности во всём его разнообразии, определить размеры работы и усилия, затрачиваемые на её выполнение.

Количество значений слова **дело**, по данным БАС, увеличилось до 10: 1) *занятие, работа, труд // характер деятельности, занятия; 2) деятельность, действие в противоположность мыслям, словам; поступок; 3) что-либо имеющее положительное значение, дельное, противопологается пустякам, вздору; 4) надобность, нужда; 5) профессия,*

мастерство, круг занятий // предприятие (торговое, промышленное) // работа, занятие, связанное со службой, предприятием // в названиях учреждений // в названиях должностей; 6) административно-судебное разбирательство по поводу какого-либо события, факта, судебный процесс // собрание документов; 7) устар. изготовление, обработка чего-л. // само изделие, произведение // о вещи; 8) происшествие, событие, какой-л. факт; 9) обстановка, обстоятельства; 10) бой, сражение.

Как видим, лишь три значения (1, 5, 7) вербализуют смыслы концепта «Труд». Те значения, которые соотносятся с другими концептами, формируют семантический фон, на котором воспринимается идея труда. Исходя из этого положения можно сделать вывод, что труд для русского человека 20 века – это нечто существенное (2, 8, 9 значения), положительное (3 значение), необходимое (4 значение), требующее проявления усилий (10 значение). Тем самым можно констатировать положительную интерпретацию трудовой деятельности. Вербализация словом **дело** смыслов других концептов, по-видимому, обусловлена когнитивными стратегиями, направленными на обобщение, осмысление через труд других отрезков действительности. Этому способствовало понимание труда в предметном ракурсе на предыдущих этапах концептуализации. Вероятно, эти тенденции способствовали трансформации семантического инварианта данного полисеманта: «предметные аспекты действия» → «(делать) что-либо существенное», причём сема «действие» отодвигается на задний план. Отсюда следует, что восприятие труда перемещается из акциональной в предметную область.

Значения, репрезентирующие смыслы концепта «Труд» (1, 5, 7 значения), отражают расширение сферы и углубление концептуализации. Подтверждают эту мысль и способы формирования новых смыслов – культивация импликационных связей, проявляющаяся в использовании метонимических: матриц: «*обработка чего-л.*» → «*изделие*» и др.

По сравнению с предшествующим культурно-историческим этапом возрастает число слотов гиперфрейма «Труд», объективированных значениями данного слова. Появляются новые слоты «характер труда» (оттенок 1-го значения), «специальная характеристика исполнителя трудовой деятельности», «форма организации трудовой деятельности» (5 значение и его оттенки), «изделие» (7 значение).

Итак, на современном культурно-историческом этапе сознанием преодолено понимание труда как деятельности, осуществляемой не по своей воле, как состояния физического и психического дискомфорта.

Углубление процессов концептуализации трудовой деятельности отражено количеством лексико-семантических вариантов ключевых

слов, точностью их семантизации, формированием смыслов с опорой на смежность, сужение. Объем знаний о труде позволяет переносить их и на другие участки действительности. В составе гиперфрейма концепта «Труд» появилось множество новых слотов, структурирующих знания о разновидностях, ценности, способах, мере, формах, атрибутах трудовой деятельности. Эти слоты отражают воздействие не столько социально-исторических, сколько техногенных факторов на процессы концептуализации.

Эволюция лингвосемиотических рядов объективирует противоречивые тенденции, с одной стороны, к их специализации, с другой – к обобщению. Смыслы, актуальные на предшествующих культурно-исторических этапах, трансформируются на последующих, что находит своё отражение в семном составе семем.

Разнообразие интерпретаций трудовой деятельности обусловлено влиянием следующих стереотипов и установок:

- необходимо трудиться;
- труд является способом существования человека;
- целенаправленная, существенная, результативная деятельность может быть отнесена к трудовой;
- трудовая деятельность требует усилий;
- труд может быть наказанием.

Как мы могли убедиться выше, историческая динамика значений многозначного слова отражает информацию об особенностях концептуализации той или иной ментальной категории, связях и отношениях с другими концептами. Так, концепт «Труд» выделился из концепта «Деятельность», продуцировал смыслы для концептов и фрагментов концептосферы «Рабство / Неволя», «Духовный мир человека», «Физиология человека».

История значений показывает, что процессы концептуализации происходят не только под влиянием явлений внешнего мира, но и определяются языковыми матрицами. Так, на ранних этапах развития культуры большое влияние на процессы концептуализации оказывает этимология слова. Концептуальная стратегия «считается» со значением этимона. На более поздних этапах познание в той или иной степени определяется семантическим инвариантом слова.

Значения многозначного слова объективируют смыслы, структурирующие тот или иной слот фрейма. Количество репрезентируемых слотов гиперфрейма «Труд» в исторической перспективе увеличилось в 4 раза. В настоящее время значения ключевых слов репрезентируют 10

из 12 наиболее важных и обобщённых слотов: «процесс трудовой деятельности», «виды трудовой деятельности», «место её протекания», «способ её осуществления», «качество деятельности», «мера затрачиваемых усилий при осуществлении трудовой деятельности», «объём работы», «результат работы». Два слота: процесс трудовой деятельности и «результат трудовой деятельности» объективируются всеми полисемантами, что подчёркивает их значимость для русской лингвокультурной общности.

Диахронический аспект значений ключевых слов концепта «Труд» показывает, что концепт представляет собой динамичную, развивающуюся величину. Сознание находится в постоянном поиске, накапливая одни смыслы, открывая новые, зачёркивая старые и вновь возвращая их.

Развитие концепта отражает изменения семантического инварианта слова – лингвосемиотического ряда. Представление лингвосемиотического ряда в диахроническом аспекте – эволюционный лингвосемиотический ряд – объективирует изменения в аксиологической системе. Так, эволюционные лингвосемиотические ряды ключевых слов *работа*, *труд*, *дело* указывают на постепенный переход от ценности социальных, психологических, физиологических факторов к утверждению утилитарных и техногенных в процессе осмысления труда. Меняется и оценка труда, его функций: от отрицательной к положительной.

Развитие концепта отражено и в определении прототипического значения, в роли которого обычно выступает первое (прямое, основное) значение. Так, если в древнерусской культуре ещё не было чёткого понимания труда (основное значение слова *работа* в СДЯ «рабство, неволя», слов *труд*, *дело* «трудовая деятельность»), то на последующих этапах неформленность, расплывчатость в осмыслении трудовой деятельности преодолевается (все основные значения репрезентируют представления о труде).

Процессы концептуализации трудовой деятельности, отражённые семантической структурой проанализированных слов, осуществляются преимущественно с опорой на смежную референциальную область, о чём свидетельствует продуктивность импликационных связей. Тем самым, концептуализация труда происходит с помощью конкретизации, углубления уже познанных фрагментов действительности, использование которых в качестве мотививирующей базы, подчёркивает в то же время их ценность для языкового сознания.

Сложность концепта «Труд» состоит в том, что он репрезентируется тремя ключевыми словами, каждое из которых отражает разные концептуальные стратегии, неодинаковые участки одной и той же ак-

туализированной аксиологии. Тем самым одно слово дополняет семантику другого.

Анализ семантической структуры ключевых слов концепта «Труд» позволяет сделать вывод, что она выполняет как интерпретирующую, так и репрезентирующую функцию по отношению к его содержанию.

3. 3. Вербализация процессов осмысления труда синонимическими рядами

Как отмечалось выше, синонимия является одним из основных языковых средств, отражающих процессы концептуализации. Лексические синонимы представляют собой вид словесной оппозиции, в основе которой лежит полное или частичное семантическое тождество. Рассмотрим семантические механизмы кодирования культурной информации в синонимическом ряду. Актуальность изучения синонимов в лингвокультурологическом аспекте подчёркивалась В. В. Колесовым [1999, 185].

Семантическая специфика синонимов состоит в том, что они характеризуются тождеством денотативного компонента значения и возможностью варьирования сигнификативного и прагматического компонентов [Вилюман В. Г.: 1989, 10]. Этот фактор положен в основу выделения полных и неполных синонимов [Алефиренко Н. Ф., Апресян Ю. Д., Евгеньева А. П., Никитин М. В., Новиков Л. А., Кобозева И. М., Уфимцева А. А. и мн. др.]. Тождество денотативного компонента значения синонимов проявляется в том, что они вербализуют один и тот же референт, который получает отражение в нашем сознании в виде денотата – представления о предмете [Алефиренко Н. Ф.: 1999, 37]. Так, синонимы *работать, делать, трудиться, ишачить* имеют одинаковую референциональную соотнесённость: они именуют процессы деятельности человека, которые определяют его биологические, психологические особенности как живого организма и характеризуются созданием каких-либо материальных или духовных ценностей. Отсюда следует, что синонимы обладают тождественной экстенсией характеристикой значения. Если этим признаком отличается большинство узусных синонимов, этого нельзя сказать об окказиональных, а также идеографических синонимах (квазисинонимах, то есть синонимах, между которыми остаются значительные различия, препятствующие нейтрализации синонимов в большом количестве контекстов) [Новиков Л. А.: 1982, 241]. Так, М. Шолохов отождествляет работу с борьбой за выживание, суетой: *«А потом опять в работе, в борьбе за кусок хлеба, в суете рассасыва-*

лась злоба и, тупая, ноющая, уходила боль...». В таком употреблении автор отождествляет разнородные явления: трудовую деятельность, борьбу человека за собственную жизнь, пустые, не имеющие ценности хлопоты. Неодинаковая экстенциональная характеристика окказиональных синонимов «расшатывает» денотативные границы данного синонимического ряда, расширяя и углубляя тем самым исходный смысл. В приведённом примере значение «заниматься тем или иным делом» обогащается за счёт отождествления с синонимами *борьба за кусок, суэта*. В результате этого работе даётся низкая оценка, подчёркивается, что цель подобной деятельности сводится только к обеспечению средств для физического существования.

Тот же процесс мы видим при синонимизации таких слов, как *работа, ремесло, бизнес*. Если значение первого слова даёт общую характеристику процессу трудовой деятельности, то в последующих словах определяется сфера её протекания, цели и проч.

Синонимы группируются в ряды, или парадигмы (лексико-семантические группы). В лингвокультурологическом аспекте синонимический ряд можно представить как разновидность лингвосемиотического ряда. В. В. Колесов отмечает: «...семантическая доминанта, на основе которой строится ... синонимический ряд, всегда восходит к какому-то специфически народному «образу»-представлению, которое создавалось в течение столетий и постоянно развивалось, отражая развитие национальной культуры» [1999, 205]. Такой подход отражает культурно-когнитивный аспект синонимии. Синонимы рассматриваются как вариативные презентации концепта, то есть анализ синонимических рядов призван решить задачи, как и какие особенности процесса концептуализации репрезентирует данное языковое явление.

Синонимический ряд, включающий в себя единицы, функционирующие на данном временном срезе, можно отнести к парадигме эпохи: *работа, труд, дело, занятие, деятельность, работёнка* и др.

Включение в синонимический ряд устаревших единиц даёт основание рассматривать его как эволюционный: *работа, труд, дело, занятие, излад* устар. «работа для изготовления чего-либо», *батрачество* устар. «тяжкий труд», *страдность* устар. «труд слуги», *переторжка* устар. «работа, выполненная вторично» и др. В этом параграфе будет рассмотрен синонимический ряд, представляющий концепт «Труд», в синхроническом и диахроническом аспектах.

Во главе синонимического ряда стоит синоним-доминанта, характеризующийся простым семным составом, что находит своё отражение в широкой экстенциональности, неограниченном употреблении, номина-

тивной функции, общеупотребительности и регулярности значения [Новиков Л. А., Палевская М. Ф. и др.]. На роль доминанты претендует одно из выделенных ключевых слов: **работа, дело, труд**. Рассмотрим особенности интенционала первого, прототипического значения данных слов.

Слово **работа** имеет значение «*осуществление какой-либо деятельности, действие по глаголу работать*». Ключевые слова данной дефиниции: *осуществление, деятельность, действие* — указывают на акциональную широту.

Значение слова **труд** «*процесс воздействия человека на природу, человеческая деятельность, направленная на создание материальных и культурных ценностей*» характеризуется некоторой степенью научности. Семема фиксирует характер «*воздействие на природу*», цели данной деятельности «*направленная на создание материальных и культурных ценностей*», чётко отграничивает этот вид деятельности от практик других живых и неживых предметов «*человеческая деятельность*», определяет отличия данного вида деятельности от других человеческих функций. Ср.: «*Всякий труд в отличие от работы, производимой слепыми силами природы, является целесообразным процессом, направленным на удовлетворение человеческих потребностей*» («Редукция труда»).

Прототипическое значение слова **дело** «*занятие, работа, труд*» отличается широкой экстенциональностью, что проявляется в нечёткой дифференциации трудовой деятельности от других видов человеческих практик. Результаты первого этапа анализа показывают, что значение слова **труд** отличается большей степенью точности, имеет самый богатый семный состав, а потому слово не может выполнять роль доминанты.

На втором этапе анализа эксплицируем слабые, имплицитные, а потому не зафиксированные словарной дефиницией смыслы. Это возможно сделать путём подбора отрицательных примеров сочетаемости ключевых слов с другими словами, то есть примеров, отражающих неправильные лексические связи анализируемых ключевых слов. Запрет на сочетаемость слова обусловлен семным составом контактирующих слов. В ходе анализа более 1000 словоупотреблений были получены следующие выводы.

Слово **труд** даёт общую характеристику данного вида деятельности человека, о чём говорят запреты на сочетаемость со словами, указывающими на специализацию этого вида человеческих практик: **труд // знание, мастер, знаток, знать, на чём, над кем, над чем, по специальности, профиль, налаживать** и др. За первым значением этого сло-

ва закрепляется понимание труда как постоянно и равномерно текущей деятельности (*труд // втянуться, приняться, взяться, приступить, отрываться, на каких-л. условиях, выбирать, искать, потерять, отстранить, идёт, продвигается, остановился, стал* и др.). Труд семантически маркируется в сознании русского человека как деятельность коллективная, социально значимая (*труд // показать себя, болеть душой за..., забывать, скучать, дружный, на хозяина, на себя* и др.).

Сигнификат этого слова включает также признаки:

- «значительность» (*труд // мелкий, суетливый* и др.);
- «ценность» (*труд // важный, ценный, полезный, серьёзный, ответственный, второстепенный, посторонний, жизни* и др.);
- «положительная оценка» (*труд // обидный, опостылевший, неинтересный, неприятный, чёрный, любимый, скучный, бояться* и др.).

Представления о деятельности человека, вербализованные данным словом, не включают в себя временную (*труд // новый, срочный, спешный, текущий, заниматься, включаться* и др.), локальную (*труд // место* и др.), фазовую (*труд // сделать, наладить, начать, кончить, поставить, прекратить, довести до конца, завершить, начало, окончание* и др.) характеристики. Таким образом, сигнификат слова *труд* включает следующие дифференциальные семантические признаки: «воздействие на природу», «человеческая деятельность», «целенаправленная», «создание материальных и культурных ценностей», «общий характер, отсутствие специализации», «постоянно и равномерно текущая», «коллективная», «социально значимая», «значительность», «ценность», «положительная оценка», «целостность», «постоянство» (последние два признака проявляются в отсутствии временной, локальной, фазовой характеристик).

Дефиниция прототипического значения слова *дело* отражает обобщённую характеристику данного вида человеческой деятельности: «занятие, работа, труд». Отрицательные примеры сочетаемости данного словозначения позволяют эксплицировать следующие имплицитные сигнификативные признаки. Прежде всего, дело понимается как посильная (*дело // невыносимое, каторжное, изнурительное, подневольное, огненное, горячее, лихорадочное, бешеное, напряжённое, суровое* и др.), обыденная, повседневная (*дело // безупречное, образцовое, свободное, производительное, наёмное, физическое, умственное, общественное, охрана, разделение, объект, оплата, право, высокооплачиваемое, многолетнее, по совместительству, на каких –л. условиях, уволить, оплачивать, благородное, условия* и др.), не требующая специ-

альных знаний (*научное, исследовательское, ручное, крестьянское, по настройке* и др.) деятельность человека (*дело // сердца, машины* и др.).

Данное значение репрезентирует такие смыслы, как:

- неподготовленность, стихийность, случайность (*дело // метод, стиль, задача, план* и др.);
- непродолжительность (*дело // проводить, выполнять, процесс, непрерывное, ежедневное, неустанное, вечное* и др.);
- незначительность (*дело // недостатки, интенсивность, количество, плата, вознаграждение, упорное, самоотверженное, фронт, размах, масштаб* и др.);
- простота и однообразность (*дело // характер, профиль* и др.);
- отсутствие фазовой характеристики (*дело // в разгаре, начало, окончание* и др.).

Кроме того, данная семема указывает на необязательность результата для этого вида человеческих практик (*дело // плоды, результаты, поощрение, вознаграждение, оплачивать* и др.).

Таким образом, сигнификат прототипического значения слова *дело* содержит в себе следующие семантические признаки «обобщённость», «посильность», «обыденность, повседневность», «необязательность специальных знаний», «деятельность человека», «неподготовленность», «стихийность», «случайность», «непродолжительность», «незначительность», «простота», «однообразие», «отсутствие фазовой характеристики», «необязательная результативность».

Прототипическое значение слова *работа* подчёркивает процессуальный аспект данного вида деятельности «*осуществление какой-либо деятельности, действие по глаголу работать*». Этот же семантический аспект эксплицирует и ряд отрицательных примеров сочетаемости данного словозначения: *работа // свободная, охрана, разделение, средства, дисциплина, способность* и др. Ограничение сочетаемости со словами типа: *плоды, посторонняя, жизни, интересы* и др. указывают на наличие в сигнификате значения таких имплицитных сем, как «обыденность», «текучесть».

В целом же слово *работа* в прототипическом значении имеет широкую сочетаемость, что обусловлено его простым семным составом. Таким образом, сигнификат данного слова включает следующие семы: «осуществление какой-л. деятельности», «обыденность», «текучесть». Этот факт даёт основания считать слово *работа* доминантой синонимической парадигмы, или лингвосемиотического ряда, имеющего следующее инвариантное семантическое содержание «процесс трудовой дея-

тельности», а прототипические значения слов *труд*, *дело* идеографическими синонимами.

Слова *работа*, *труд*, *дело* отличаются и импликационалом своих значений. Для выявления закреплённых за первыми значениями данных слов концептуальных коннотаций мы провели семантический эксперимент. В его основу была положена методика, предложенная Ю. Д. Апресяном [1995 д. Т. 2, 167 - 169]. Экспериментом было охвачено около 1000 студентов Тульского государственного педагогического университета гуманитарных и негуманитарных специальностей. Испытуемым было предложено 2 задания. Первое: *Работа есть работа./ Дело есть дело* Если бы Вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-Вашему, он имел в виду? Второе: *Это, конечно, труд, но...* Заполните пропуск в данном предложении, подставив любое выражение, обозначающее или свойство, или оценку, или качество данного вида деятельности.

В ходе выполнения задания были получены следующие типичные реакции:

- на слово *работа* → долг, необходимость, только она и существует, отсутствие выбора, подчинение чему-л., нежелательность, обязанность, стремление к достижению цели, неизбежность, привычка, ответственность, надо трудиться — это приносит материальную выгоду, в этом смысл жизни, бесполезность, безысходность, нечто неприятное, принуждение, добросовестность, необходимость активно действовать, жертвенность и др.;
- на слово *дело* → необходимость, серьёзность, не развлечение, нужно довести до конца, нужно серьёзно относиться, нужно сделать хорошо, нужно делать рано или поздно, нужно делать сразу, нужно делать невзирая ни на что, нужно относиться спокойно и уверенно, важность, делай с полной самоотдачей, ничего не поделаешь – надо делать, это твой долг, это неотложно, нужно делать вопреки всему, полностью поглощает, обязательность, нужно делать в первую очередь, нужно делать своевременно и др.;
- на слово *труд* → тяжёлый, не имеющий ценности, бесполезный, неблагодарный, умственный, необходимый, мартышкин, каторжный, не самый сложный, недобросовестный, приятный, малоэффективный, ненужный, приносящий удовольствие и др.

Обобщение полученных реакций в виде дескрипторов позволяет выявить концептуальные коннотации прототипических значений анализируемых слов. Слово *работа* обладает коннотациями «необходимость», «обязанность», «принуждённость»; *труд* — «ценность», «слож-

ность», *дело* — «необходимость выполнения», «серьёзность», «качественность выполнения», «первоочерёдность».

Если синонимический ряд «процесс трудовой деятельности» представить в виде поля, то идеографические синонимы *труд, дело* будут входить в его центровую часть по причине частотных синонимических замен слова *работа* именно этими словами, а также благодаря простоте своего семного состава по сравнению с другими синонимами.

Между анализируемыми значениями слов *дело и труд* в настоящее время наблюдаются тенденции к специализации в процессах объективации смыслов, входящих в рассматриваемый концепт. Так, слово *дело* в настоящее время тяготеет к вербализации смыслов, структурирующих обыденную картину мира, а слово *труд* – научную.

Как уже говорилось, большинство синонимов отличаются друг от друга сигнификативным и / или прагматическим компонентами, то есть интенционалом и импликационалом значений. В зависимости от того, какими семами отличаются синонимы от синонима-доминанты, выделяют следующие их типы: семантические (идеографические) – отличаются дифференциальными семами, стилевые – отличаются стилевыми семами, стилистические – отличаются оценочными, эмотивными семами. Дифференциальные семы уточняют, углубляют и расширяют то или иное исходное значение, коннотативные, оценочные и эмотивные дают ему иную прагматическую интерпретацию. Отсюда следует вывод, что семантические и стилистические синонимы объективируют процессы концептуализации, интерпретируют входящие в него смыслы.

Рассмотрим данный синонимический ряд в диахроническом и синхроническом аспектах, то есть представим его как эволюционный семиотический ряд и как парадигму эпохи.

Синонимический ряд с данным семантическим инвариантом на предшествующих синхронных срезах являлся достаточно многочисленным. В него входило около 60 единиц. Большое число синонимов даёт свидетельство высокого социального рейтинга концепта «Труд». К настоящему времени около 80 % членов данной семантической парадигмы устарело: *детель, работина, работание, речь, художество, строение, сделование, дѣлательство, вопрос, смага, кознь, непразнь, ремество* и др.

Каковы особенности синонимического ряда «процесс деятельности» на предшествующих исторических этапах?

Проведённый выше анализ семантики ключевых слов концепта «Труд» в диахроническом аспекте позволяет сказать, что слово *работа* получает статус доминанты примерно в 18 – 19 веках. Этот вывод осно-

выдается на следующих положениях. Во-первых, в СДЯ основное, прототипическое значение данного слова «рабство, неволя», то есть вообще не связано с обозначением трудовой деятельности. Во-вторых, если учесть, что коннотации и имплицитные семы прямых значений эксплицируются переносными значениями слова [Апресян Ю. Д.: 1995 д. Т. 2, 163], то можно утверждать, что слово **работа** использовалось преимущественно для обозначения подневольного труда, **труд** – тяжёлой физической и духовной деятельности, **дело** – для обозначения широкого спектра человеческих практик, в том числе трудовых. Представляется нецелесообразной постановка вопроса относительно определения доминанты в синонимических рядах предшествующих периодов развития русского языка, что связано и со стилевой неформленностью русского языка 14 – 17 веков, которая не могла не отразиться на его синонимических ресурсах.

Словарные дефиниции слов в СДЯ и СД, обозначающих процесс трудовой деятельности не отличаются чёткостью разработки. Обычно легенда сводится к экспликации сем «работа, труд, дело, занятие». Между тем, очевидно, что синонимы имели различия в семантике. Поэтому особую роль в определении семантических различий между синонимами играет внутренняя форма слова. Как уже говорилось выше, она является важным семантическим средством хранения культурной информации, объективирующим особенности концептуализации. Е. А. Иванникова отмечает: «...при исследовании синонимических отношений между словами не следует пренебрегать мотивированностью значения у тех слов, в которых она имеется. Учёт мотивированности значения помогает при сопоставлении синонимов, при определении особенностей синонимов» [1967, 119]. Обобщив внутренние формы синонимов, выделим базовые образы и установим гештальты, являющиеся продуктами процессов концептуализации и концептуальной категоризации.

Наибольшее количество синонимов имеет внутренние формы, соотносящиеся с базовым образом «растрачивать много физической энергии при осуществлении деятельности». Сюда входят такие синонимы, как: **усилие, тягота, непосильщина, худога, коптение, корпение, маета, тяжание, истома, сп'Бхъ, бремя, гоньба** и др. Как видим, внутренние формы интерпретируют смысл «осуществление трудовой деятельности» как максимальное напряжение сил, нечто тяжёлое, динамичное, то, что может истощать человека. Очевидно, что данные внутренние формы продуцируют отрицательные эмотивные и оценочные коннотации, в виду чего данные синонимы можно квалифицировать как стилистические.

К этому же семантическому типу синонимов относятся единицы с базовым образом «эмоциональное напряжение»: *мытарство, страдания, попечение, мука* и др. Образные основания, указывающие на отрицательные переживания, также генерируют отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Базовый образ «лишение свободы», характерный для ряда синонимов: *закабаление, батрачество, послужение* и др. – интерпретирует трудовую деятельность как совершаемую против своей воли, что становится основанием для отрицательной коннотативной аранжировки значения.

Внутренние формы синонимов не только продуцируют те или иные эмотивно-оценочные коннотации, они определяют и идеографические различия синонимов. Образное основание слова *рукоделие* указывает на ручной труд, *день* – на дневную работу, *тнькотворение* – на качество выполнения деятельности, *подвизание* (родственно *подвиг*) – на значимость труда, *переторжка* «работа, выполненная вторично», *кураж* «работа, выполняемая с задором» – на способ выполнения, *корысть* «труд с целью получения определённой выгоды», *надобность* «необходимая, неотложная работа» – мотивы деятельности и др.

Таким образом, посредством внутренних форм на предыдущих синхронных срезах объективируются такие смыслы, как: «физический аспект трудовой деятельности», «эмоциональный аспект трудовой деятельности», «причинность», «характер труда», «время его осуществления», «качество выполнения деятельности», «ценность работы», «способ выполнения». Синонимические средства языка преимущественно интерпретировали трудовую деятельность как подневольную, требующую большой физической энергии и эмоционального напряжения. Е. С. Яковлева отмечает, что различия между синонимами на предшествующих этапах развития языка были более очевидны, чем на синхронном срезе [1998, 43].

На данном синхронном срезе (рубеж 20 — 21 веков) насчитывается также около 50 синонимов, имеющих инвариантное значение «процесс трудовой деятельности». Высокая степень актуальности указанного смысла на этом синхронном срезе проявляется в том, что среди современных значений многозначного слова *работа*, играющего роль доминанты синонимического ряда, семема «процесс трудовой деятельности» имеет наибольшее число синонимов. Следующее с точки зрения значимости место занимает значение «то, что сделано»: оно имеет около 15 синонимов (*вещь, творение, создание, детище, плод* и др). Несколько

ниже значимость смысла «место деятельности»: *должность, служба, место* и др.

Если рассматривать синонимический лингвосемиотический ряд «процесс трудовой деятельности» в диахроническом аспекте, то следует отметить его существенную трансформацию. Во-первых, это выражается в уменьшении числа синонимов, что связано со специализацией значения «процесс трудовой деятельности», развитием многозначности слова-доминанты. Если раньше семантические признаки могли редуцироваться: слова, обозначающие процесс трудовой деятельности, протекающий в той или иной сфере, соотносились с прототипическим значением, то на синхронном срезе появляется новая семема «круг обязанностей, род, вид трудовой деятельности»: *промысел, хозяйство, служба* и др. Во-вторых, в уменьшении доли стилистических и увеличении доли идеографических синонимов. В-третьих, в усилении структурированности ряда, что нашло своё выражение в определении семантического центра – доминанты.

Рассмотрим синонимический ряд на современном синхронном срезе. Если на предыдущих срезах для русского человека были актуальны физический, эмоциональный, социальный аспекты процесса трудовой деятельности (например, группа синонимов, характеризующих процесс трудовой деятельности с точки зрения его интенсивности имеют явно устаревший характер: *напряжение, усилие, старание, страда* и др.), то на современном срезе просматривается тенденция к усилению влияния научного сознания. Это находит своё отражение:

- 1) в увеличении числа синонимов-гиперонимов, то есть синонимов, которые указывают на деятельность вообще: *функционирование, занятие, деятельность, предприятие, кампания, деяние, практика* и др.;
- 2) в определении сфер деятельности с точки зрения её объекта, а именно: создание материальных, духовных ценностей (*производство, изготовление, создание, творение, созидание* и др.);
- 3) в определении сфер осуществления деятельности: *служба, хозяйство, бизнес, предпринимательство, промысел, ремесло* и др.;
- 4) в фазовой расчленённости деятельности: *операция* и др.

Углубление, конкретизация смыслов осуществляется и в аспекте «основная / дополнительная работа», большое число синонимов, имеющих смысл «дополнительная работа» подчёркивают его значимость для русской языковой личности: *халтура, приработок, подработка, совместительство* и др. Кроме того, семантизируются такие смыслы,

как «причина деятельности» (*забота, наряд*), способ её выполнения (*аврал, подёщица*) и др.

Таким образом, синхронный синонимический ряд отражает изменение когнитивной стратегии. Если раньше значения синонимов отражали большую сосредоточенность на человеке (физический, эмоциональный, социальный аспекты трудовой деятельности), то на современном срезе наблюдаются тенденции к онаучиванию при концептуализации труда. Синонимы репрезентируют такие слоты фрейма «Труд», как «фазы процесса труда», «время протекания процесса», «место протекания процесса», «способ осуществления деятельности», «объект деятельности».

Синонимия не только отражает процессы концептуализации действительности, но и служит экспликации культурных установок и стереотипов, которые утверждают понимание труда как, с одной стороны, созидательной, общественно полезной деятельности, обязанности и долга каждого человека: «*Труд самый обыденный, чёрный, пахнувший потом, труд-делание, труд-долг...*» (Д. Гранин «Искатели»); «*Пресчастливый человек, умел довольствоваться, умел трудиться, быть полезным на всяком месте, куда бы судьба ни бросала...*» (А. И. Герцен «Кто виноват?»), «*...Мужик этот, человек работающий, одно слово, человек правильный...*» (Г. И. Успенский «Из деревенского дневника») и др., рвение русского человека к работе: «*...Вспоминая ... «своих баб», которые так были завистливы на работу, что принимались за жнитво до свету...*» (Г. И. Успенский «Власть земли»). С другой стороны, труд осмысливается как мука, гнёт, необходимость: «*...всё свидетельствовало о трудовой, нерадостной жизни...*» (И. С. Тургенев «Степной король Лир»), «*И жена, и взрослые дети – все мучатся хуже каторги; даже подростки – и те разделяют общую страдную муку*» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Мелочи жизни») и др.

Итак, синонимический лингвосомиотический ряд «процесс трудовой деятельности» с доминантой *работа* интерпретирует и ценностно маркирует смыслы, структурирующие концепт «Труд». Культурные аспекты интерпретации проявляются в процессе структурирования синонимического ряда, который заключается в формировании его центра – доминанты, а также синонимов, в наименьшей степени отличающихся своей семантикой от доминанты и чаще всего её заменяющих в различных контекстах, в оформлении семантических типов синонимов: идеографических, стилистических, стилевых. Идеографические синонимы отражают процессы конкретизации, углубления смыслов, стилистические и стилевые – их эмотивно-оценочную и ситуативную интерпрета-

цию. Эволюционный синонимический лингвосемиотический ряд объективирует изменение когнитивной стратегии: от интерпретации труда как деятельности, сопровождаемой большим эмоциональным напряжением и требующей максимальных физических усилий, от эмоционального переживания труда к научной интерпретации данного вида человеческих практик, приводящей к нейтрализации неодобрительного отношения к трудовой деятельности. Тем самым, эволюционный лингвосемиотический ряд отражает изменения в ценностной парадигме. Ценностный аспект объективируется и количественным составом синонимических рядов.

3. 4. Объективация процессов осмысления труда антонимическими оппозициями

Антонимические парадигмы относятся к семантическим средствам, которые наиболее чётко и ясно интерпретируют процессы концептуализации и категоризации. Такое утверждение обусловлено тем, что «предметы и их свойства «противоположны не сами по себе, не по своему денотативному значению, а как результат вербального осмысления, оценки, включения в систему языка, в группы слов, обозначающих то же самое качество, свойство, отношение и т. п.» [Новиков Л. А.: 1973, 56]. Тем самым антонимические парадигмы отражают особенности видения и понимания мира, на что указывала А. Вежбицкая, анализируя контрастные пары *душа* — *тело* в русском языке и *тело* – *ум (mind)* в английском [1997, 22]. Таким образом, антонимическая парадигма представляет собой вербализованный таксон тезауруса культуры.

При объективации концептов русской культуры антонимия играет особую роль: она помогает показать противоречивость, антиномичность русского характера, мировидения, в частности, неоднозначное и порой полярное отношение русского человека к труду: *«И вот в этой-то ежеминутной зависимости, в этой-то массе тяготы, под которой человек сам по себе не может и пошевелиться, тут-то и лежит та необыкновенная лёгкость существования, благодаря которой мужик Селянович мог сказать: «меня любит мать сыра земля». И точно любит: она забрала его в руки без остатка, всего целиком, но зато он и не отвечает ни за что, ни за один свой шаг. Раз он делает так, как велит его хозяйка-земля, он ни за что не отвечает: он убил человека, который увёл у него лошадь, - и невиновен, потому что без лошади нельзя приступить к земле; у него перемерли все дети – он опять невиноват: не*

родила земля, нечем кормить было; он **в гроб вогнал** вот эту свою жену – и невиновен: дура, не понимает в хозяйстве, ленива, через неё стало дело, стала работа. А хозяйка-земля требует этой работы, не ждёт» (Г. И. Успенский «Власть земли»). Окказиональные антонимы, используемые в данном сложном синтаксическом целом, призваны объективировать противоречивость бытия русского трудового человека: с одной стороны, труд, земля требуют от него активности, с другой – являются причиной духовной пассивности, безответственности.

Как известно, антонимическая оппозиция в своей основе имеет интегральный признак. К. Маркс отмечал, что любая категория начинается с тождества [Маркс К., Энгельс Ф.: 1961]. Данный признак является семантическим отражением смысла, который будет подвергаться детализации, дифференциации на составляющие, которые осмысляются как противоположные. Процесс детализации, разложения исходного смысла на составляющие на семантическом уровне выражается в осложнении исходной семемы взаимоисключающими дифференциальными семемами. Тем самым антонимия указывает на усложнение, углубление исходного смысла.

Так, в основе антонимической пары **труд – безделье** лежит интегральный признак «отношение к процессу, направленному на создание материальных и духовных ценностей». Формирование антонимической оппозиции между словами отражает усложнение данного признака дифференциальными семемами «участие в процессе vs. неучастие в процессе».

Л. А. Новиков отмечал, что «...противопоставление понятий осуществляется в пределах более широкого понятия, раскрывающего качество, признак, свойство, отношения и т. п. предметов... В этом смысле антонимию можно рассматривать как предел проявления того или иного качества, признака, свойства или отношения, а сами антонимы – как обозначение этого предела» [1973, 30]. Поэтому противоположность осмысляется в качестве диалектической основы развития: слова **труд – безделье** репрезентируют в настоящий момент разные, но генетически родственные концепты.

Трансформация антонимических парадигм может отражать смену идеологием. Так, если русский быт противопоставлял будни – праздникам, труд – отдыху, то идеологемы советского времени, подчёркивая приоритет, иной общественный и технический характер труда в социалистической стране, редуцирует указанную оппозицию: «**Трудовые будни – Праздники для нас**» (В. Харитонов «Марш коммунистических бригад»).

Проследим особенности процесса концептуализации процесса трудовой деятельности, которые объективированы антонимическими парадигмами. Противоположные смыслы, структурирующие концепт «Труд», репрезентируются средствами составной номинации. Слова *работа, дело, труд* указывают на интегральное содержание, а их распространители – на дифференциальные признаки. Таким образом, антонимические парадигмы, репрезентирующие концепт «Труд», отражают лингвистически нерелевантные смыслы. Вероятно, это связано с их новизной.

Основная когнитивная стратегия, вербализованная подобными антонимичными сочетаниями слов, сводится к следующему: труд имеет две стороны, одна сторона положительно интерпретируемая, соответствующая культурным установкам, другая – отрицательно, не соответствующая. В поэтической форме эта оппозиция была выражена Н. А. Некрасовым как «нарядная» и «ненарядная» стороны труда: «...*Но даже и труд обернётся сначала К Ванюше нарядной своей стороной...*» (Н. А. Некрасов «Крестьянские дети»).

Контрарные (допускающие среднее звено) антонимические оппозиции формируются на следующих интегральных семантических основаниях:

- тяжёлый vs. лёгкий труд: «*Лихорадочная, каторжная работа на сплаву, бесконечная ленивая зима, когда бурлаку решительно нечего делать ... — всё это создало совершенно особый тип*» (Д. Н. Мамин-Сибиряк); «*...после утомительной опасной работы...*» (В. А. Каверин «Летающий почерк»); «*Он был чрезвычайно сложен для такого простого дела, как заведение хозяйством детской колонии*» (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма»); «*А моя работа в коммуне, не отравленная никаким кликушеством, была работа хоть и трудная, но посильная человеческому рассудку*» (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма») и др.;
- производительный vs. непроизводительный труд: «*Самый производительный труд – любимый*» («Комсомольская правда», 1984); «*Всемерно поощряя инициативный, высокопроизводительный труд, одновременно нужно строго взыскивать с тех, кто работает, как говорится, через пень-колоду...*» («Комсомольская правда», 1985) и др.;
- значительный vs. незначительный труд: «*Не многие из нас понимают, каким огромным может быть маленькое дело*» (Ч. Поллок); «*Мелкие дела порождают мелких людей*» (Б. Дизраэли); «*...а наша*

работа слишком была скромна и в своих выражениях и в своей удаче...» (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма») и др.;

- положительно интерпретируемый vs. отрицательно интерпретируемый труд: «*Дни вдохновенного труда...*» (М. Ю. Лермонтов «Журналист, читатель и писатель»); «*Через пять дней мучительного труда без нужных инструментов и материалов...*» (А. Платонов «Родина электричества»), «*Труд радостный успешнее в несколько раз*» (А. И. Клизовский); «*...В вольном царстве святого труда*» (П. Лавров «Рабочая марсельеза»); «*Самая неблагодарная и трудная работа*» (М. Гаршин «Встреча») и др.;
- престижный vs. непрестижный: «*Но кто сейчас помнит, какой труд был тогда престижным?*» (Комсомольская правда, 1982) и др.

Контрадикторные (не допускающие среднего звена) антонимические оппозиции формируются на базе следующих семантических признаков:

- физический vs. умственный труд: «*Телесный труд не только не исключает возможность умственной деятельности, не только улучшает её достоинство, но и поощряет её*» (Л. Н. Толстой); «*Умственный труд точно также нужен для развития и поддержания наших сил, как и труд физический*» (Н. В. Шелгунов) и др.;
- честный vs. бесчестный труд: «*Освобождение честного труда - Вот в чём задача нынешнего века, Недаром бурь народных черед Встаёт во имя братства человека*» (И. Чавчавадзе) и др.;
- нужный (полезный) vs. ненужный труд: «*Бывает труд ненужный, суевливый, нетерпеливый, мешающий другим и обращающий на себя внимание. Такой труд хуже праздности*» (Л. Н. Толстой); «*Старый Берестов внутренне жалел о потерянном труде...*» (А. С. Пушкин «Барышня-крестьянка»); «*Я сначала даже не понял, а просто увидел, что мне нужны не книжные формулы, которые я всё равно не мог привязать к делу, а немедленный анализ и немедленное дело*» (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма») и др.;
- свободный vs. подневольный труд: «*Свободный труд нужен человеку сам по себе, для развития и поддержания в нём человеческого достоинства*» (К. Д. Ушинский); «*И я истово исследовал в эти часы веру в вольный труд*» (В. Игишев «Вольный труд»); «*Деньги всегда достаются честным трудом, но для одних – своим, а для других – чужим*» («Аргументы и факты», 1999) и др.;

- бескорыстный vs. алчный труд: «...*Необузданную, дикую К угнетателям вражду И доверенность великую К бескорыстному труду...*» (Н. А. Некрасов «Песня Ерёмушки») и др.;
- однообразный vs. творческий труд: «Где пахарь любит сокращать Напевом **труд однообразный...**» (Н. А. Некрасов «Тишина»); «Уставшие **от однообразной и вообще «бураковой» работы** колонисты не пропускали случая воспользоваться намеченной Шере темой, чтобы немного поразвлечься и отдохнуть» (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма») и др.;
- женский vs. мужской труд: «В полном разгаре страда деревенская... Доля ты! – русская **долюшка женская!** Вряд ли труднее сыскать» (Н. А. Некрасов «Русские женщины»); «**Работы «мужской»** - мотыбы, косьбы – он исполнить не мог» (Г. И. Успенский «Разоренье»); «...Она постоянно несла **трудную мужскую работу**» (Л. Н. Толстой «Казачи»); «**Собственно промывка – бабья, лёгкая работа**» (Д. Н. Мамин-Сибиряк «Золото»); «**Мужчина работает сколько может, а женщина – сколько надо**» («Аргументы и факты», 1999) и др. Как видим из примеров, в основе данной оппозиции лежит не только гендерный аспект, но и характеристика труда с точки зрения тяжести выполнения. Мужская работа интерпретируется всегда как тяжёлая, женская – отражает энантиосемию значений: она осмысляется и как лёгкая, и как сложная;
- человеческий vs. машинный «Не было речи ни об улучшениях, ни о преимуществах той или другой системы, ни о замене **человеческого труда машинным**» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Дневник провинциала в Петербурге»);
- завершённый vs. незавершённый труд «...*Всего печальней нам утрата Незавершённого труда...*» (Н. Заболоцкий «На закате») и др.;
- труд на себя vs. труд не на себя «...*Тогда от частной службы отказаться придётся, потому что и на дому **казённой работы** по вечерам довольно будет...*» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Мелочи жизни»); «*Она не даёт простора ни **личному труду**, ни личной инициативе*» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Мелочи жизни») и др.;
- фазовая характеристика труда: «*Иннокентий сел, потянулся прогони-стым телом, в котором где кости, где мышцы – не отличишь: так слиплись они **в жаркой и долгой работе***» (А. Н. Плетнёв «До утомления сердца»); «**Непрерывным трудом** и думою о будущем он достиг известной степени зажиточности...» (М. Е. Салтыков-Щедрин); «*Рабочая пора уже началась две недели тому назад, и*

тяжёлая, *непрестанная работа* занимала всю жизнь молодой девушки» (Л. Н. Толстой «Казачьи»); «*Неритмичная работа – это и не-стахановская работа*» («Огонёк», 1948) и др.

Приведённые антонимические парадигмы позволяют сделать следующие выводы. Концептуализации подвергаются смыслы, входящие в следующие слоты: «Гендерная характеристика исполнителя деятельности»; «Время протекания процесса трудовой деятельности»; «Способ осуществления деятельности», «Мера осуществляемой деятельности», «Фазы трудовой деятельности», «Морально-этическая оценка трудовой деятельности», «Ценность процесса трудовой деятельности», «Социальный характер трудовой деятельности». Слоты, к которым апеллирует сознание, показывают тенденции к научному осмыслению процесса трудовой деятельности. Значимость данных смыслов для лингвокультурной общности подтверждает объективация каждого из противопоставляемых смыслов в приведённых парадигмах.

Среди многообразия слотов фрейма «Труд» репрезентации подвергаются прежде всего связанные с процессом трудовой деятельности, что указывает на её ценность для русской лингвокультурной общности. Это положение подтверждает тот факт, что из всех современных значений ключевых слов антонимические пары имеют только те, которые указывают на процесс трудовой деятельности: **работа**: «*осуществление какой-либо деятельности, действие по глаголу работать; дело, труд, круг занятий, обязанностей // род, вид трудовой деятельности; производственная деятельность по созданию, обработке чего-либо; дело, занятие как источник заработка, служба*»; **труд**: «*процесс воздействия человека на природу, человеческая деятельность, направленная на создание материальных и культурных ценностей; работа, требующая затраты физической или умственной энергии // род деятельности, конкретное занятие // работа как источник существования, средств к жизни // страда, сельхозработы // повседневные занятия, хлопоты, заботы*»; **дело**: «*занятие, работа, труд // характер деятельности, занятая; деятельность, действие в противоположность мыслям, словам*».

Таким образом, антонимические парадигмы отражают, с одной стороны, особенности развития концепта, углубление процессов концептуализации, с другой – ценностную шкалу, функционирующую в той или иной лингвокультурной общности.

3. 5. Вербализация процессов осмысления труда синтагматической значимостью слов

Специфика осмысления тех или иных сторон действительности может находить своё выражение в синтагматических связях слов. Г. С. Щур отмечает: «Синтагматические сочетания единиц обусловлены экстралингвистическими факторами и их отражают» [1974, 90]. В. И. Карасик подчёркивает, что информационный потенциал слова «выявляется в более или менее широком контексте через сочетаемость слова» [2002, 57]. Сочетаемостные свойства слов Н. Ф. Алефиренко отнёс к проявлению их синтагматических значимостей [1999, 56]. Распространители (классификаторы) слов отражают особенности интерпретации явлений, обозначенных ключевыми словами. О. О. Борискина указывает на эффективность данной методики в лингвокультурологических исследованиях и предлагает проводить её через последовательное применение следующих операций: «1) выявление дистрибуции классифицируемых элементов; 2) определение и ограничение набора синтаксических позиций, замещаемых классифицируемыми элементами; 3) изучение признаковой семантики языковых единиц, выполняющих функцию классификатора существительных; 4) интерпретация собственной сочетаемости классификаторов; 5) отнесение существительного к тому или иному криптоклассу, выделенному на основании собственной сочетаемости классификатора» [1999, 155]. Применительно к парадигме нашего исследования определение культурных аспектов синтагматической значимости состоит в моделировании лингвосемиотических рядов на основе выделения базовых образов классификаторов ключевых слов концепта «Труд», культурно-когнитивной интерпретации полученных лингвокультурем. Наиболее ценную информацию об особенностях миропонимания несут косвенные номинации, что учитывается при отборе классификаторов. Подавляющее большинство классификаторов слов *работа*, *дело*, *труд* (в значении «процесс трудовой деятельности») характеризуется стёртой образностью, что определяет «...ориентацию образа на отражаемую действительность в чистом виде...» [Телия В. Н.: 1991, 25], без эмотивно-оценочных «наслоений». Инварианты образной семантики классификаторов вербализуют архетипические представления человека, определяющие особенности концептуализации действительности. Рассмотрим особенности синтаксического окружения ключевых слов концепта «Труд» в прототипическом значении.

Классификаторы слова *дело* соотносятся с антропоморфным и фетишным культурными кодами.

«Дело-человек» наделяется целым рядом его внутренних и внешних признаков. Оно имеет интересы (*в интересах дела*), ему можно быть преданным (*предан делу*), им можно увлечься (*увлечься делом*), его можно любить (*любить дело*), ему можно изменить или служить (*изменить / служить делу*). Семантика классификаторов показывает, что «Дело-человек» обладает ценностным статусом.

Оно имеет личностные черты: может быть подлым, великим, благородным, справедливым, скандальным, может требовать, терпеть (*дело / подлое, великое, благородное, справедливое, скандальное, требует, терпит*). Тем самым в сознании русской языковой личности «Дело-человек» предстаёт в эмоциональном ореоле: оно способно вызывать одобрение или порицание.

«Делу-человеку» приписывается ряд физиологических черт: половые различия (*мужское дело, женское дело*), голос («*Учись, сынок, работать так, чтобы дело пело...*» (В. Арыгин «На мельницу»), «*И пройдёт по устам Слава громким делам...*» (А. И. Полежаев «Песнь пленного...»); способность передвигаться (*дело идёт, продвигается, остановилось, стало, спешное дело*; «*Начинаются комплименты, — сказал Кривицкий, — а дело будет стоять*» [Д. Гранин «Искатели»]), питаться («*...дело, которое их поглощает...*» [А. И. Герцен «Кто виноват»]). Таким образом, можно утверждать, что данный образ характеризуется детальной проработкой: языковая личность представляет себе не только внутренний мир «Дела-человека», но и его внешний облик. Классификаторы этого типа актуализируют семы «гендерная значимость», «динамика».

В рамках фетишного кода *дело* предстаёт как:

- предмет. Этот предмет можно потрогать (*браться за дело*) бросить, держать в руках (значит, он не очень большой: *бросить дело*; «*Наше дело маленькое, слушай да подчиняйся*» (Д. Гранин «Искатели»); «*Весь рабочий персонал...выпустил дело из своих рук*» (Ф. Гладков «Энергия»), но может быть и большим (ср. также *большое дело*). В последнем случае он, видимо, полый. В него можно войти: *войти в дело, в деле, проявить себя в деле*. Он может перемещаться: *курс дела*. Кроме этого, «Дело-предмет» имеет пространственную характеристику: его можно поставить (*поставить дело*), к нему можно перейти, приступить (*перейти к делу, приступить к делу*), до него нужно добираться: *бывать по делам*. Оно имеет временную (может быть *старым* и *новым*) и утилитарную характеристику (может быть *полезным* и *бесполезным*). «Дело-предмет» можно перемещать:

«...повести дело энергично...» (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма»);

- вещества (*масса дел*). Это вещество клеящее (*оторвать от дел, замешан в дело*), текучее (*дела текут*), обладает жизнеобеспечивающей функцией: «*Всяк живёт своим делом*» (Ф. Гладков «Энергия»).

И как вещество, и как предмет *дело* может иметь характеристику по цвету, чистоте (*тёмное дело, чистое дело, грязное дело*).

Контекстное окружение позволяет сделать вывод, что «Дело-предмет» требует непосредственной причастности, включённости субъекта, характеризуется с точки зрения актуальности и этичности.

Представая в нашем сознании в образах человека, предмета, вещества, дело имеет ценностную характеристику, в том числе и с точки зрения личной заинтересованности и оценки: *своё дело, чужое дело, не моё дело, дорогое дело, защищать дело, отстаивать дело, бороться за дело*; «*Меня всегда терзает зависть, когда я вижу людей, занятых чем-нибудь, имеющих дело...*» (А. И. Герцен «Кто виноват?»); характеристику по весу: *тяжёлое / лёгкое*.

Итак, классификаторы слова *дело* в значении «трудовая деятельность» соотносятся с тремя базовыми образами: человек, предмет, вещество — и эксплицируют следующие коннотации, отражающие особенности процесса концептуализации: «ценность», «эмотивность», «гендерная значимость», «динамика», «непосредственная причастность», «включённость», «актуальность vs. неактуальность», «этичность vs. неэтичность». Образы, продуцирующие данные коннотации, восходят к антропоморфным и фетишным архетипам.

Синтагматика слова *работа* в прототипическом значении соотносится с теми же культурными кодами, что и слова *дело*.

Работа-человек вызывает к себе определённые чувства. Её можно любить, ненавидеть, ей можно увлекаться, к ней можно привыкнуть: *любить, ненавидеть работу, привыкнуть к работе, рвение к работе*; «...его нежелание *отдаваться работе в полную силу...*» (О. А. Финько «Борозда»); «*В последний год, немного оправясь, он увлёкся работой по дому...*» (Д. Гранин «Искатели»), «*К работе, однако, не тянуло...*» (Л. Леонов «Соть»). Данные классификаторы показывают, что «Работа-человек» требует от субъекта, обращённого к ней, активных духовных действий: её нужно полюбить или возненавидеть, а пережив эти чувства, к ней можно привыкнуть. Её необходимо организовывать: *организовать работу*, можно изгонять: «*Так что вы не спеша строчите им реляции, а тем временем гоните работу всюю*» (Д. Гранин «Искатели»). Работа-человек и сама характеризуется активным внутренним настроем: «*Ещё*

день или два, река взломает лёд, и вместе с водой уплывёт вся эта **бешеная работа...**» (Д. Н. Мамин-Сибиряк), «Для меня праздник, если плотник хорошо владеет топором; я два часа готов перед ним простоять: так **веселит** меня работа» (Н. В. Гоголь «Мёртвые души») и др. Она держит своих оппонентов в страхе, угрожает им: **бояться работы**; она ведёт с ними активную борьбу и оказывается серьёзным соперником: «Он обладал счастливой способностью с совершенно спокойной совестью ничего не делать по целым месяцам и просто лез на стену, когда наваливалась работа» (Д. Н. Мамин-Сибиряк «Бойцы»); «...**Работа не свалила бы, Беда не одолела бы...**» (Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»), «...её **замучили работой**» (А. П. Чехов «Мужики»), «А в нашей стране **работа ищет** человека» («Огонёк», 1960).

«Работа-человек» имеет определённую физиологию. Она обладает обликом: **профиль работы**, подвижна: **работа идёт, остановилась, подходит**; «**Работа шла споро**» (К. Федин «Города и годы»); в виду чего работа понимается как **безотдышная** (Н. С. Лесков «Левша»). Когда работа останавливается, это осмысливается как неестественное, болезненное состояние: «**Ясно одно: работа парализована...**» (Ф. Гладков «Энергия»). Так же, как и дело, работа имеет половые различия (**мужская / женская работа**). Работа обладает речью: «...и **смокли вдруг работы дня...**» (Н. А. Некрасов «Несчастные»), «**Работа кипела, молчаливая и напряжённая**» (В. Вересаев «Два конца»). Возможна и гендерная интерпретация «Работы-человека». Таким образом, все классификаторы, представляющие данную лингвокультуру, эксплицируют такие коннотации слова **работа**, как «динамизм», «активность».

В рамках фетишного кода работа предстаёт в образах предмета и вещества.

«Работа-предмет» обладает следующими свойствами. За него можно взяться: **браться за работу**. К особенностям этого предмета можно отнести то, что этот предмет можно свернуть / развернуть, сложить / разложить: **развернуть / свернуть работу; нескладная работа** (Г. И. Успенский «Петькина карьера»). Тем самым данные образы эксплицируют такой признак работы, как непосредственное участие в ней.

Он может быть небольших размеров («**Люди уже привыкли к безделью, а мелкая работа ... кажется им бессмысленной и обидной...**» (Ф. Гладков «Энергия»), так как его можно потерять: **потерять работу**, поставить: «**Шутить-то ты умеешь, факт, а вот работу поставить – гайка у тебя слаба!**» (М. Шолохов «Поднятая целина»). Если он большой, то внутри полый: «**В работу муж отправился**» (Н. А. Некрасов

«Кому на Руси жить хорошо»). Этот предмет может быть старым и новым: *старая / новая работа*. «Работа-предмет» может иметь блестящий цвет, обладает той или иной степенью ценности: «У рабочего ни денег, ни работы – всё украли» («Известия», 1993), «...но если вы блестяще работой...» (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма»). Таким способом находят выражение признак актуальности vs. неактуальности, включённости.

Коннотативный семантический признак «включённость» репрезентируется базовым образом «Работа-вещество». «Работа-вещество» способна затягивать. Она может быть клейкой, жидкой, горючей: *втянуться в работу, затягивает работа, работа в разгаре, оторвать от работы, кипит работа*. Классификаторы, указывающие на способность работы гореть, характеризуют динамичность данного вида деятельности.

Работа-предмет, вещество может быть охарактеризована с точки зрения веса (*тяжёлая / лёгкая работа*), указание на данные признаки невозможно без непосредственного контакта с ней.

Образы, имеющие акциональную природу, менее разнообразны. Работа мыслится в виде: фрейма война, который представлен в русском языке синтагмой *фронт работы*. Выбор данного образа связан с актуализацией идеи активных действий. Этой же цели служит внутренняя форма классификатора *размах* в синтагме *размах работы*.

Таким образом, гештальт-структуры, репрезентируемые классификаторами слова *работа* в прототипическом значении, эксплицируют следующие коннотации определяемого слова: «активность», «динамизм», «непосредственное участие», «включённость», «ценностная ориентированность». Лингвокультуре, включающие распространители анализируемого слова, соотносятся с антропоморфным, фетишным и акциональным культурными кодами.

Классификаторы слова *труд* соотносятся с базовыми образами «Человек», «Предмет», «Вещество», «Растение».

«Труд-человек» осмысливается преимущественно в положительном ракурсе. Он активен: он воздействует, изменяет, облагораживает, создаёт. Он обладает рядом положительных личностных черт: честен, мужествен, уважаем: *честный, героический, почётный, бескорыстный, радостный*: «Необузданную, дикую К угнетателям вражду И доверенность великую К бескорыстному труду (Н. А. Некрасов «Песня Ерёмушки»), «С большим почтением относились они к труду, — будь то купец или простой ремесленник» (А. Н. Толстой «Пётр Первый»). Он свободен и его жизнедеятельность имеет творческий характер: *свобод-*

ный, творческий труд. Труд служит человеку и природе, за что требует от них преданности, любви, вознаграждения: *«Труд награждается всходами хилыми...»* (Н. А. Некрасов «Сеятели»); *«Не только мужики здесь преданы труду...»* (Н. А. Некрасов «Отрывки из путевых записок...»); *«...я ожидал только случая показать свою охоту и любовь к труду...»* (Л. Н. Толстой «Холстомер» и др.), *«Простые люди видели в нём своего человека, брата-мастерового, который любит и уважает труд»* («Огонёк», 1949). «Труд-человек» характеризуется и с точки зрения возраста, обычно он имеет солидный возраст: **многолетний труд**, *«Миг возделенный настал: окончен мой труд многолетний»* (А. С. Пушкин «Труд»).

Существование труда соизмеряется с существованием человека: он рождается, живёт и умирает: *«Твой труд живёт и долго не умрёт...»* (Н. А. Некрасов «Памяти приятеля»), *«На мир дневной спустилась завеса, изнемогло движенье, труд уснул...»* (Ф. И. Тютчев «Как сладко дремлет сад»).

Приведённые примеры окружения слова **труд** эксплицируют следующие коннотативные семы «полезность», «созидательность», «результативность», «основательность», «опыт». Внутренние формы слов-распространителей, указывающие на положительные человеческие качества (честность, мужественность, бескорыстность и др.), явления, которые принято оценивать положительно (солидный возраст, свобода, вознаграждение и т. п.), продуцируют положительные эмотивно-оценочные коннотации слова **труд**.

Реже «Труд-человек» оценивается отрицательно, как наносящий вред окружающим, физически неприятный: *«...С отцами рядом положить Трудом изломанные кости...»* (Н. А. Некрасов «Песня преступников»), *«...Как видите, нас не убили труды...»* (Н. А. Некрасов «Русские женщины»), *«...Там тело всякого мужчины Исчеркали война и труд»* (Б. Слуцкий «Я излагаю историю»); *«Преодолеть тяжесть труда, его физическую непривлекательность люди научились давно...»* (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма») и др., жестокий *«Был тяжёл, был бездушен Наши труд на тех господ...»* (П. Орешин «Два труда»). Внутренние формы распространителей данной группы эксплицируют физиологический аспект восприятия человеком трудовой деятельности, подчёркивая, прежде всего, её тяжесть.

Этот же аспект трудовой деятельности объективируется внутренними формами, соотносящимися с фетишным культурным кодом.

«Труд-предмет» осмысливается чаще всего как тяжёлый: *«Большие, с мозолями руки, Подъявшие много труда...»* (Н. А. Некрасов «Мороз

красный нос»); «...подавлены **тяжестью труда**...» (М. Горький «Двадцать шесть и одна»). Обычно данный предмет находится на руках: **взять на себя труд, принять на себя труд** и др.

Данный предмет может быть полым, то есть требует определённого вложения внутрь себя человеческих усилий, знаний: «Недовложение мяса в пирожки, Недовложение точности в станки, Диагноз обций мы поставим тут: **Недовложение совести в свой труд**...» («Крокодил», 1988) и др.

«Труд-предмет» наделяется определённой ценностью: «Настали такие времена, что **труд в России обесценился**...» («Известия», 1992), он выполняет эстетическую функцию: «**Наши будни, как цветами, украшались трудом**...» (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма»).

Классификаторы слова **труд** формируют несколько лингвокультурем, соотносящихся с фетишным культурным кодом.

Труд представляется в виде жидкого, кипучего, заполняющего что-либо вещества: «**Вся окрестность до самого горизонта кипела трудом**» (Б. Н. Полевой «Вклад»); «**Такие минуты были редки в нашей жизни, полной труда**...» (Ф. Гладков «Клятва»), «**Но были в её переполненной трудом и заботами жизни тихие праздники**...» (Коняев Н. «Недопетая песня») и др.

Труд предстаёт в сознании русского человека в образе орудия деятельности: **добывать трудом**.

Труд воспринимается как жизнеобеспечивающий, животворящий, приятный на вкус продукт: **питаться трудом**; «...я **трудом смягчаю свой недуг**...» (Н. А. Некрасов «Приговор»), «...**Трудись по силам и желай, Чтоб труд был вечно сладок**...» (Н. А. Некрасов «Песня о труде»), «**Работали так, как будто изголодались о труде**...» (М. Горький «Мои университеты»).

Тесно связано с данными образами представление труда как плодоносящего растения: **плоды труда**. Бесплезная, нерезультативная деятельность осмысляется как бесплодная: «**Но новый труд его опять бесплоден**...» (И. С. Аксаков «Бывает так...»)

Данные примеры эслицируют коннотации «ценность», «результативность», «жизненная важность».

Таким образом, классификаторы слова **труд** соотносятся с антропоморфным, фетишным, зооморфным культурными кодами. Окружение данного слова продуцирует в целом положительные коннотации: «плезность», «созидательность», «результативность», «основательность», «опыт», «ценность», «результативность», «жизненная важность». Кон-

нотации данного слова отражают тенденции научной, нравственной-философской в противоположность обыденной интерпретации труда.

Итак, одним из проявлений синтагматической значимости является экспликация коннотаций определяемого слова. Данные коннотации носят культурно обусловленный характер, так как они отражают традиции словоупотребления в данном языке. Косвеннономинативные словараспространители служат образной интерпретации явлений, обозначенных определяемыми словами, которая отвечает сложившимся в данной лингвокультурной общности представлениям, культурным установкам, стереотипам.

Окружение ключевых слов входит в лингвосемиотические ряды, соотносящиеся в антропоморфным, фетишным, зооморфным, акциональным культурными кодами.

Для экспликации представлений о трудовой деятельности средствами синтагматики слова избираются базовые образы: «человек», «предмет», «вещество», «растение». Базовая метафорика указывает, что труд понимается человеком как его партнёр и – более – отождествляется с ним; как нечто, что используется в процессе труда или является его результатом.

Образ человека помогает раскрыть такие признаки трудовой деятельности, как динамизм, ценность, гендерная значимость, полезность, созидательность, результативность, основательность, опыт. Данные признаки эксплицируются с опорой на названия внутренних качеств, психических функций и свойств человека. Трудовая деятельность, воплощённая в образе человека, подвижна, внутренне активна, заставляет проявлять к себе положительные чувства, наделена положительными чертами характера.

В предметах для экспликации признаков трудовой деятельности подчёркиваются функции и строение, в веществах и растениях – свойства. Данные образы эксплицируют актуальность, включённость человека, результативность, жизненную важность трудовой деятельности.

Труд, как один из видов человеческой практики, получает и отрицательную оценку. Для её репрезентации избираются образы, указывающие на отрицательные качества человека, тяжесть предметов. Классификаторов, отражающих данную когнитивную стратегию, значительно меньше.

Анализ семантики окружения ключевых слов концепта «Труд» показывает, что каждое из них в большей или меньшей степени объективирует ту или иную когнитивную стратегию в процессе концептуализации трудовой деятельности. Окружение слова *дело* делает акцент на

личной включённости человека в процесс трудовой деятельности. Синтагматика слова *работа* эксплицирует актуальность и процессуальность данного вида практики. Классификаторы слова *труд* эксплицируют общественную полезность, ценность и результативность труда.

На традиции словоупотребления немалое влияние оказывает этимология, содержание семантического инварианта многозначного слова, семный состав значения.

Итак, культурная специфика концептуализации находит своё выражение в динамике семантической структуры многозначного слова, значимостях антонимических, синонимических, деривационных парадигм и др. Анализ репрезентаций позволяет выделить когнитивные стратегии, факторы, влияющие на процессы понимания, закономерности языковой манифестации культурного знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что процессы концептуализации и категоризации могут быть культурно маркированы. Лексические средства: экстенционал и интенционал значения, синонимические, оппозитивные и деривационные связи слов, семантическая структура значения многозначного слова и др. – наиболее полно и точно отражают процессы концептуализации культурного знания:

- каждый из компонентов значения слов и фразеологических единиц может отражать культурно релевантную концептуальную информацию. Классификация явления, определение набора существенных признаков, выбор внутренней формы в большей или меньшей степени находятся в зависимости от системы актуализированных в данное время ценностей. Семный состав слов может как непосредственно отражать культурно значимые явления действительности, так и интерпретировать в соответствии с культурными установками, стереотипами и др. универсальные знания;
- культурно-когнитивный потенциал многозначного слова определяется его смысловой континуальностью и состоит в том, что оно отражает процесс концептуализации того или иного явления в исторической перспективе. Развитие концепта объективируется и определением прототипического значения. Семемы многозначного слова вербализуют смыслы, структурирующие тот или иной слот фрейма. Специфика процессов концептуализации находит своё отражение и в характере отношений между значениями;
- культурные аспекты интерпретации проявляются в процессе структурирования синонимического ряда, в оформлении типов синонимов: идеографических, стилистических, стилевых. Идеографические синонимы отражают процессы конкретизации, углубления смыслов, стилистические и стилевые – их эмотивно-оценочную и ситуативную интерпретацию. Эволюционный синонимический лингвосемиотический ряд объективирует изменение когнитивной стратегии;
- антонимические парадигмы отражают, с одной стороны, особенности развития концепта, углубление процессов концептуализации, с другой – ценностную шкалу, функционирующую в той или иной лингвокультурной общности и представляют собой вербализованный таксон тезауруса культуры. При объективации концептов русской культуры антонимия играет особую роль: она помогает показать про-

тиворечивость, антиномичность русского мировидения. Трансформация антонимических парадигм может отражать смену идеологем;

- синтагматические значимости эксплицируют коннотации определяемого слова, которые носят культурно обусловленный характер, так как они отражают традиции словоупотребления в данном языке;
- производное слово, словообразовательные макроединицы: типы, модели, гнёзда, парадигмы — отражают ценностную направленность процесса номинации. Ценностный аспект культурной информации может выражаться количественным составом словообразовательных гнёзд, продуктивностью ономаσιологических структур, типов словообразовательных значений, многообразием словообразовательных типов и моделей.

Процессы концептуализации происходят не только под влиянием явлений внешнего мира, но и определяются языковыми матрицами: этимологией, семным составом значений и др.

Лингвосемиотические ряды распределяют между собой концептуальные сферы, дополняют друг друга в процессах концептуализации.

Языковые репрезентации эксплицируют генеральную когнитивную стратегию: постепенный переход от ценности социальных, психологических, физиологических факторов к утверждению утилитарных и техногенных в процессе осмысления трудовой деятельности. Меняется и оценка труда, его функций: от отрицательной к положительной.

Культурно-семиотический подход к внутренним формам позволяет выделить лингвосемиотические ряды, объективирующие процессы аспектуализации культуры, которые находятся под влиянием того или иного культурного кода, обусловленного архетипическими представлениями. Массив мотивированных языковых единиц, репрезентирующих концепт «Труд», позволяет установить пять важнейших кодов репрезентации знания, которые восходят к ранним формам религии: акциональный, фетишный, биоморфный, антропоморфный, анимический. В общенародной культуре наиболее продуктивным является антропоморфный культурный код. Человек, его психические и физиологические особенности, социальные отношения, в которые он вовлечён, выступают в качестве эталонов адекватных способов труда, его видов, различной степени напряжения сил при выполнении той или иной работы. Актуальность данного кода определяется тем, что трудовая деятельность является специфическим, присущим только человеку признаком. Труд необходим русскому человеку, с одной стороны, для того, чтобы существовать, с другой, для того, чтобы реализовать свой духовный потенциал. Осмысление труда в образе человека связано также и с тем, что в пони-

мании русской лингвокультурной общности успех работы зависит только от её исполнителя. Вербализованные стереотипы трудовой деятельности показывают близость когнитивных стратегий, определяющих осмысление этой сферы действительности, в общенародной культуре и субкультурах. Однако в общенародной культуре наиболее актуальным является антропоморфный код, в субкультурах – акциональный, что обусловлено сменой ценностной парадигмы. Концептуализация и категоризация труда в субкультурах осуществляется в соответствии с принципами дополнительности (территориальная и профессиональная субкультуры) или соотносительности (жаргонно-арготическая субкультура).

Языковые символы, репрезентирующие смыслы концепта «Труд», организуют представления, объективированные в рамках всех рассмотренных выше культурных кодов. Совокупность языковых символов трудовой деятельности можно представить в виде поля, центр которого составляют единицы, имеющие в составе своего значения интенсифицирующую сему. Исходя из утверждения о том, что квазисимволы и квазисталоны представляют собой узлы, устанавливающие связи и организующие близкие друг другу представления, можно утверждать, что труд русской лингвокультурной общностью понимается как вид деятельности человека, требующей максимального проявления сил, наибольшей интенсивности выполнения. Для русского человека особую ценность представляет мера труда, превышение нормы оценивается отрицательно. Пейоративная интерпретация трудовой деятельности вербализованными стереотипами затрагивает ту её часть, которая характеризуется нарушением норм её осуществления: занятия несущественными делами, недобросовестное и некачественное выполнение работы, непосильный труд.

Репрезентации, несущие культурную информацию, представляют собой сгущённую когнитивную программу освоения действительности. Значения и значимости языковых единиц эксплицируют разнообразные культурно обусловленные сценарии и стереотипы: труд – сложное занятие, требующее больших физических усилий; выполняй работу своевременно; работа должна материально вознаграждаться; труд должен иметь результаты, получение результатов – медленный процесс (подобный росту растения); не ищи работы, не работай много; тот, кто много работает, делает благо для себя, для других, за что получает уважение в обществе и благодарность от судьбы; настойчивость, терпение, трудолюбие сделают возможным выполнение большого объёма работы и др. При этом языковые единицы эксплицируют амбивалентность при концептуализации трудовой деятельности. Следует отметить, что в данном процессе преобладают факты положительной интерпретации труда, на-

блюдается динамика от отрицательного через положительное к нейтральному истолкованию.

Итак, концепт в лингвокультурологическом понимании представляет собой глобальную многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологем, стереотипов; неоднородность содержания разнообразие типов знаковых репрезентаций.

Многообразные репрезентации концепта позволяют представить его модель в виде трёх частей: общечеловеческой, культурной, субкультурной, каждая из которых определяется типом субъекта, продуцирующего содержание концепта. Семантика языковых единиц указывает на то, что культурный слой концепта структурируется двумя компонентами: модусным и диктумным.

О. Тоффлер отмечает: «Понятие «работа» является анахронизмом, продуктом промышленной революции, так как индустриальная эра заканчивается, понятие работы должно или со временем исчезнуть, или оно должно быть реалистически переинтерпретировано путём включения в него многих видов деятельности, которые являются производительными, но не оплачиваются» [Тоффлер О.: 1986, 274]. Прогнозы учёного ещё раз подтверждают эволюционный характер концепта «Труд». Из этого следует, что настоящая работа представляет собой лишь одну из ступеней исследования концептуализации трудовой деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айрапетян В. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 485 с.
- Александров П. С. О понятии синонима // Лексическая синонимия / Отв. ред. С. Г. Бархударов. — М.: Наука, 1967. — С. 38 — 42.
- Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. — Волгоград: Перемена, 1999. — 274 с.
- Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. — М.: Academia, 2002. — 392 с.
- Апресян Ю. Д. Основные идеи современной семантики // Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Т. 1. — М.: Языки русской культуры, 1995 а. — С. 6 — 56.
- Апресян Ю. Д. Лексические синонимы // Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Т. 1. — М.: Языки русской культуры, 1995 б. — С. 216 — 255.
- Апресян Ю. Д. Лексические антонимы // Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Т. 1. — М.: Языки русской культуры, 1995 в. — С. 284 — 315.
- Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды. Интегральное описание языков и системная лексикография. Т. 2. — М.: Языки русской культуры, 1995 г. — С. 135 — 155.
- Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Интегральное описание языков и системная лексикография. Т. 2. — М.: Языки русской культуры, 1995 д. — С. 156 — 177.
- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Интегральное описание языков и системная лексикография. Т. 2. — М.: Языки русской культуры, 1995 е. — С. 348 — 388.
- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Под. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5 — 32.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с.
- Архипов И. К. Традиционные подходы к лексической полисемии в свете прототипической семантики // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. Ч. 2 / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. — Тамбов: Из-во ТГУ, 2000. — С. 21 — 23.

- Архипов И. К. Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия // Филология и культура. Материалы 3-й международной конференции. Ч. 1 / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. — Тамбов: Из-во ТГУ, 2001. — С. 13 — 15.
- Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. Антология / Под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267 — 279.
- Афанасьев А. Н. Древо жизни. — М.: Современник, 1982. — 463 с.
- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В: 3 т. — М.: Индрик, 1994.
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж: Из-во ВГУ, 1996. — 104 с.
- Бабушкин А. П. Поиск «тела знака» для наименования концепта // Филология и культура. Материалы международной конференции 12 — 14 мая 1999 года / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. — Тамбов: Из-во ТГУ. — С. 100 — 104.
- Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К. А. Долинина. — М.: Иностранная л-ра, 1961. — 394 с.
- Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. — С. 74 — 90.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — 423 с.
- Белик А. А. Культурология: Антропологическая теория культур. Учебное пособие. — М.: Из-во Рос. гос. гум. университет, 1999. — 238 с.
- Береговская Э. М. Молодёжный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. — С. 32 — 43.
- Бережан С. Г. К семасиологической интерпретации явления синонимии // Лексическая синонимия / Отв. ред. С. Г. Бархударов. — М.: Наука, 1967. — С. 43 — 56.
- Бережан С. Г. Семантические эквиваленты лексических единиц. — Кишинёв: Штиинца, 1973. — 372 с.
- Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские: характер народа и судьба страны. — СПб.: Лениздат, 1992. — 142 с.
- Брагина А. А. Незамкнутость синонимических рядов // Филологические науки, 1974, № 1. — С. 43 — 52.
- Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. — М.: Наука, 1986. — 127 с.
- Брагина А. А. Лексика языка и культура страны. Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. — М.: Русский язык, 1981. — 175 с.
- Бромлей Ю. В. Очерки по теории этноса. — М.: Наука, 1983. — 412 с.

- Болдырев Н. Н. Концептуальные структуры и значения языковых единиц // Филология и культура. Ч. 1. Материалы международной конференции 12 — 14 мая 1999 года. — Тамбов: Из-во ТГУ. — С. 15 — 18.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций. — Тамбов: Из-во ТГУ, 2001. — 123 с.
- Болдырев Н. Н. Антропоцентричность языка с позиций разных культур // Филология и культура. Материалы 3-й международной конференции. Ч. 1 / Отв. ред Н. Н. Болдырев. — Тамбов: Из-во ТГУ, 2001. — С. 15 — 20.
- Болдырев Н. Н. Композиционная семантика как следствие оценочной категоризации мира // Композиционная семантика. Материалы 3-й международной школы-семинара по когнитивной лингвистике / Отв. Н. Н. Болдырев. Ч. 1.— Тамбов: ТГУ. — С. 10 — 14.
- Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. — Рязань: Из-во РГПИ, 1980. — 103 с.
- Бочина Т. Г. Этнолингвистическая картина мира и контраст синонимов в русских пословицах // Язык и этнос / Материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ. — Казань: Школа. — С. 35 — 44.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М.: Наука, 1973. — 280 с.
- Бромлей Ю. В. Этнознаковые функции культуры. — М.: Наука, 1991. — 223 с.
- Брутян Г. А. Гипотеза Сепира - Уорфа. — Ереван: Луйс, 1968. — 66 с.
- Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Языки русской культуры, 1997. — 574 с.
- Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию написанному Ф. Буслаевым. — М.: Университетская типография, 1848. — 211 с.
- Быкова О. И. Динамичность и неоднозначность этнокультурных коннотаций // Филология и культура. Ч. 1 / Материалы международной конференции 12 — 14 мая 1999 года. — Тамбов: Из-во ТГУ. — С. 59 — 61.
- Быкова О. И., Ракитина О. Н. Этноконнотат и этномотив как категории этнолингвистики // Филология и культура. Ч. 1 / Материалы международной конференции 12 — 14 мая 1999 года. — Тамбов: Из-во ТГУ. — С. 61 — 63.
- Вайсгербер Л. Й. Родной язык и формирование духа. — М.: Из-во МГУ, 1983. — 223 с.
- Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. №5. — С. 105 — 113.

- Васильев Л. М. Проблема лексического значения и вопросы синонимии // Лексическая синонимия / Отв. ред С. Г. Бархударов. — М.: Наука, 1967. — С. 16 — 26.
- Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. — Киев: Наукова думка, 1974. — 133 с.
- Введение в культурологию: Учебное пособие / Под. ред. Буйдина И. Ф. — М.: Владос, 1995. — 335 с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1997. — 416 с.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 777 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1980. — 320 с.
- Вершеня Е. В. Дискурс элитарной культуры и дискурс массовой культуры // Язык образования и образование языка. Материалы международной конференции. — Великий Новгород: Из-во НГУ, 2000. — С. 54 — 55.
- Вилюман В. Г. Английская синонимика. Введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов. — М.: Высшая школа, 1989. — 128 с.
- Виноградов В. В. Лексика и лексикография: избранные труды. — М.: Наука, 1977. — 312 с.
- Виноградов В. В. История слов. — М.: Из-во РАН, 1999. — 1138 с.
- Вишнякова О. Д. Язык и концептуальное пространство. На материале английского языка. — М.: Макс Пресс, 2002. — 377с.
- Вовк Е. Б. Образная номинация (Внутриязыковой и межъязыковой аспекты). Автореферат дис.... канд. филол. наук. — М.: Из-во МГПННЯЗ, 1987. — 23 с.
- Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. — М.: Из-во МГУ, 1989. — 238 с.
- Волков Н. Р. Что такое метафора // Художественная форма: Сб. статей / Под ред. А. Г. Циреса. — М.: Из-во ГАХН, 1927. — С. 81 — 124.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 226 с.
- Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — С. 52. — 65.
- Воркачёв С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. — Краснодар: Из-во КГТУ, 2002. — 140 с.

- Воробьёв В. В. Культурологическая парадигма русского языка: теория описания языка и культуры во взаимодействии — М.: Из-во института русского языка, 1994. — 75 с.
- Воробьёв В. В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии. Диссертация ... д-ра филол. наук. — М., 1996. — 436 с.
- Воробьёв В. В. Лингвокультурология (теория и методы). — М.: Из-во РУДН, 1997. — 331 с.
- Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. — СПб.: Из-во СГУ, 1996. — 150 с.
- Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — С. 11 — 26.
- Гак В. Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. — М.: Наука. — С. 54 — 68.
- Гачев Г. Национальные образы мира. — М.: Советский писатель, 1988. — 447с.
- Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке: таксономия и метонимия. — М.: Наука, 1965. — 223 с.
- Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Под ред О. И. Блиновой. — Томск: Из-во ТомГУ, 1989. — 249 с.
- Голованивская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. — М.: Из-во МГУ, 1997. — 279 с.
- Горбачевич К. С. О переменном характере лексической синонимии // Лексическая синонимия / Отв. ред. С. Г. Бархударов. — М.: Наука, 1967. — С. 74 — 78.
- Гореликов Л. А., Лисицына Т. А. Русский путь. Опыт этнолингвистической философии. В: 3 т. — Великий Новгород: Из-во НГУ, 1999.
- Горский Д. П. Вопросы абстракции и образования понятий. — М.: Из-во АН СССР, 1961. — 350 с.
- Грачёв М. А. Русское арго. — Нижний Новгород: Из-во НГЛУ, 1997. — 246 с.
- Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / Общ. ред. Ю. С. Степанова. — М.: Радуга, 1983. — С. 483 — 550.
- Гречко В. А. Лексическая синонимия. Современный русс. лит. яз. / Под ред. М. И. Черемисиной. — Саратов: Из-во СГУ, 1987. — 153 с.
- Громыко М. М. Труд в представлениях сибирских крестьян 18 — первой половины 19 века // Крестьянство Сибири 18 — начала 20 века. — Новосибирск, 1975. — С.110 — 133.

- Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (18 — первая половина 19 века) // Крестьянство Сибири 18 — начала 20 века. — Новосибирск, 1975. — С. 323 — 338.
- Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
- Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры.— М.: Прогресс, 1985. — 451 с.
- Гумилёв Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. — М.: Прогресс, 1993. — 543 с.
- Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — 396 с.
- Гуревич П. С. Философия культуры. — М.: АО «Аспект Пресс», 1994. — 317 с.
- Гусев С. С. Наука и метафора. — Л.: Из-во ЛГУ, 1984. — 152 с.
- Дейк ван Т. А. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Издательство Благовещенского гуманитарного колледжа, 1989. — С. 12 — 40.
- Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний / Сб. научно-аналитических обзоров. — М.: Из-во РАН Институт научной информации по общим вопросам, 1994. — С. 39 — 77.
- Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994, №4. — С. 17 — 33.
- Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы её описания. — М.: Русский язык, 1980. — 253 с.
- Денисов Ю. Ю. Синонимия и семантическая структура слова: Автореферат дисс. канд. филол. наук. — Тамбов: Из-во ТГУ, 2000. — 21 с.
- Дмитриева О. А. Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов // Языковая личность: культурные концепты / Сб. научных трудов. — Волгоград — Архангельск: Перемена, 1996. — С. 67 — 74.
- Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания, 1997, № 6. — С. 37 — 48.
- Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания, 1996, № 1. — С. 71 — 93.
- Дубровский Д. И. Расшифровка кодов: Методологические аспекты проблемы // Вопросы философии, 1979, № 2. — С. 87 — 100.
- Евгеньева А. П. О некоторых особенностях лексической синонимии русского языка // Лексическая синонимия / Отв. ред. С. Г. Бархударов. — М.: Наука, 1967. — С.56 — 74.
- Елистратов В. С. Арго и культура. — М.: Из-во МГУ, 1995. — 231 с.

- Жоль К. К. Мысль. Слово. Метафора. — Киев: Наук. думка, 1984. — 303 с.
- Залевская А. А. Психолингвистические проблемы семантики слова. — Калинин: Из-во КГУ, 1982. — 80 с.
- Звегинцев В. А. Замечания о лексической синонимии // В. А. Звегинцев Теоретическая и прикладная лингвистика. — М.: Из-во АН СССР, 1968. — С. 124 — 144.
- Зеленин Д. К. Избранные труды: статьи по духовной культуре. — М.: Индрик, 1994. — 397 с.
- Зеленин Д. К. Восточно-славянская этнография. — М.: Наука, 1991. — 507 с.
- Зимин В. И. Национально-культурная специфика фразеологических единиц русского языка // Язык образования и образование языка. Материалы международной конференции. — Великий Новгород: Из-во НГУ, 2000. — С. 114 — 115.
- Иванникова Е. А. О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов // Лексическая синонимия / Отв. ред. С. Г. Бархударов. — М.: Наука, 1967. — С.104 — 120.
- Иванова В. А. Антонимия в системе языка. — Кишинёв: Штиинца, 1982. — 163 с.
- Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории мировой культуры. Т. 1. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 911 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. — М.: Наука, 1965. — 246 с.
- Ивин А. А. Логика норм. — М.: Наука, 1973. — 120 с.
- Ивин А. А. Основания логики оценок. — М.: Из-во МГУ, 1970. — 228 с.
- Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте. — Самара: Из-во СГУ, 1998. — 204 с.
- Кабакова С. В. Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты. Автореферат дис. ... канд. филол наук. — М., 1999. — 28 с.
- Каган М. С. Философия культуры. — СПб.: Петрополис, 1996. — 44 с.
- Каган М. С. Философская теория ценности. — СПб.: Из-во СГУ, 1997. — 205 с.
- Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград — Архангельск: Перемена, 1996. — С. 3 — 16.
- Карасик В. И. Язык социального статуса. — М.: Гнозис, 2002. — 332 с.

- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 476 с.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М.: Наука, 1976. — 355 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 261 с.
- Кириллова Н. Н. Внутренняя форма фразеологизма в концепции фразеологической картины мира // Фразеологическая картина мира. Материалы Международной научной конференции «Фразеология и миропонимание народа». Ч. 1. — Тула: Из-во ТГПУ, 2002. — С. 35 — 40.
- Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения в 9 томах. — М., 1987.
- Ковшова М. Л. *Как с писаной торбой носиться*: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 164 — 173.
- Ковшова М. Л. Идиома как культурный текст: опыт медленного чтения // Фразеологическая картина мира / Материалы Международной научной конференции «Фразеология и миропонимание народа». Ч. 1. — Тула: Из-во ТГПУ, 2000. — С. 29 — 34.
- Коготкова Т. С. Национальные истоки русской терминологии. — М.: Наука, 1991. — 118 с.
- Кодухов В. И. Лексико-семантические группы слов. — Л.: Из-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1955. — 28 с.
- Кодухов В. И. Афоризмы, их функционирование и восприятие // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах / Межвузовский сб. научных трудов. — Великий Новгород: Из-во НГУ, 2001. — С. 79 — 85.
- Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова». — СПб.: Златоуст, 1999. — 364 с.
- Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Наука, 1990. — 103 с.
- Коул М., Скибнер С. Культура и мышление. — М.: Прогресс, 1977. — 261 с.
- Кравченко А. В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопросы языкознания, 1999, № 6. — С. 3 — 12.
- Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. — Иркутск: Иркутская обл. типография, 2001. — 261 с.
- Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. — Волгоград: Перемена, 2001. — 495 с.

- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002. — 283 с.
- Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов // Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Из-во МГУ, 1996. — 245 с.
- Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний / Сб. научно-аналитических обзоров. — М.: Из-во РАН Институт научной информации по общим вопросам, 1994. — С. 4 — 38.
- Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Ч. 3. Материалы международной конференции 12 — 14 мая 1999 года. — Тамбов: Из-во ТГУ. — С. 6 — 13.
- Кубрякова Е. С. О формировании значения в актах семиозиса // Когнитивные аспекты языковой категоризации / Сборник научных трудов. — Рязань: Из-во РГПУ, 2000. — С.26 — 29.
- Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Пер. с англ. Н. Н. Перцовой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семантика / Сост., общая ред. и вст. ст. В. А. Звегинцева. — М.: Прогресс, 1981. — С. 350 — 368.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры / Под. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. — М.: Прогресс, 1990. — С. 387 — 415.
- Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Наука, 1985. — 535 с.
- Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. — Воронеж: Из-во ВГУ, 1989. — 192 с.
- Лихачёв Д. С. Национальное самосознание древней Руси. — М.— Л.: Из-во АН СССР, 1945. — 119 с.
- Лихачёв Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., дополненное. — М.: Советская Россия, 1984. — 62 с.
- Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. — М. «Academia», 1997. — С. 280 — 287.
- Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Из-во политической л-ры, 1991. — 525 с.
- Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. — М.: Мысль, 1993. — 959 с.
- Лосский Н. О. Характер русского народа. — М.: Посев, 1990. — 24 с.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (18 — нач. 19 века). — СПб.: Искусство, 1994. — 399 с.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство СПб, 2000. — 704 с.

- Лурия А. Р. Язык и сознание. — М.: Из-во МГУ, 1979. — 319 с.
- Мазанова Е. Ю. Метафора и символ как сопряжённые понятия в рамках когнитивного подхода // Когнитивные аспекты языковой категоризации / Сборник научных трудов. — Рязань: Из-во РГПУ, 2000. — С. 129 — 133.
- МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. — М.: Прогресс, 1990. — С. 236 — 284.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 217 с.
- Манерко Л. А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 2000, № 2. — С. 39 — 52.
- Манерко Л. А. Категоризация в языке науки и техники // Когнитивные аспекты языковой категоризации / Сборник научных трудов. — Рязань: Из-во РГПУ, 2000. — С. 30 — 37.
- Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. — М.: Мысль, 1983. — 284 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2. Т. 26. Ч. 3. — М.: Госполитиздат, 1964. — 674 с.
- Мартынов В. В. Категории языка: семиологический аспект. — М.: Наука, 1962. — 192 с.
- Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. — М.: Наследие, 1997. — 205 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие. — М.: Academia, 2001. — 203с.
- Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. — М.: Прогресс, 1990. — С. 236 — 283.
- Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М.: Роспэн, 1988. — 573 с.
- Минакова М. А. К вопросу методологии лингвокультурологии // Фразеологическая картина мира / Материалы Международной научной конференции «Фразеология и миропонимание народа». Ч. 1. — Тула: Из-во ТГПУ, 2002. — С. 12 — 16.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. — М.: Энергия, 1979. — 151 с.
- Мокиенко В. М. Славянская фразеология: Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1989. — 286 с.

- Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1999. — 462 с.
- Моль А. Социодинамика культуры. — М.: Прогресс, 1973. — 406 с.
- Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). — М.: Из-во МГУ, 1977. — 106 с.
- Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1988. — 168 с.
- Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). — М.: Из-во МГУ, 1973. — 290 с.
- Новиков Л. А. Семантика русского языка. Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1982. — 272 с.
- Ольховиков Д. Б. «Образность» как категория филологического описания текста // RES LINGUISTIKA / Сб. статей. К 60-летию профессора В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1999.
- Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — С. 65 — 77.
- Отрега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. — М.: Прогресс, 1990. — С. 68 — 81.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
- Павилёнис Р. И. Проблемы смысла (современный логико-философский анализ языка). — М.: Прогресс, 1990. — 295 с.
- Палевская М. Ф. Проблема синонимического ряда, его границ и возможности выделения доминанты // Лексическая синонимия / Отв. ред. С. Г. Бархударов. — М.: Наука, 1967. — С. 94 — 104.
- Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 371 с.
- Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. — М.: Из-во МГУ, 1988. — 207 с.
- Петренко О. А. Этнический менталитет и язык фольклора. — Курск: Из-во КГПУ, 1996. — 118 с.
- Петрухина Е. В. Представление профессионально-трудовой и социальной деятельности в языке и дискурсе (на материале русского и чешского языков) // Филология и культура. Ч. 1 / Материалы международной конференции 12 — 14 мая 1999 года. — Тамбов: Из-во ТГУ, 1999. — С. 92 — 94.
- Платонов О. А. Русский труд. — М.: Современник, 1991. — 335 с.

- Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2001. — 191 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. — Воронеж: Из-во ВГУ, 1999. — 30 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. — Воронеж: Из-во ВГУ, 2002. — 59 с.
- Потебня А. А. Мысль и язык. — М.: Лабиринт, 1999. — 300 с.
- Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. — М.: Лабиринт, 2000. — 480 с.
- Пропп В. Русские аграрные праздники. — М.: Лабиринт, 2000. — 192 с.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Московский филос. фонд, 1995. — 411 с.
- Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры / Под. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. — М.: Прогресс, 1990. — С. 435 – 455.
- Ружин И. Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания, 1996, № 5. — С. 39 — 50.
- Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. — Иркутск: Восточно-Сиб. кн. из-во, 1992. — 541 с.
- Рут М. Э. Образная номинация в русском языке. — Екатеринбург: Из-во Ур. ун-та, 1992. — 146 с.
- Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. — Ростов-на-Дону: Из-во РГУ, 2002. — 240 с.
- Сараджева Л. А. Культура и лингвокультура (к динамике славянского компонента культуры *istina* // Язык образования и образование языка. Материалы международной конференции. — Великий Новгород: Из-во НГУ, 2000. — С. 267 — 268.
- Сахаров И. П. Сказания русского народа. — Тула: Приокское книжное из-во, 2000. — 480 с.
- Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. — М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. — 223 с.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — 654 с.
- Серль Дж. Метафора // Теория метафоры / Под. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. — М.: Прогресс, 1990. — С. 307 — 341.
- Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. — М.: Политиздат, 1971. — 271 с.
- Снитко Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. — Пятигорск: Из-во Пятигорского гос. лингвистического ун-та, 1999. — 158 с.

- Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. — Екатеринбург: Из-во Уральского ун-та, 1999. — 426 с.
- Степанов Ю.С. Концепт культуры в «разрезе» // Когнитивная семантика. Ч. 1. — Тамбов: Из-во ТГУ, 2000. — С. 8.
- Степанов Ю. С. Семиотика. — М.: Наука, 1971. — 165 с.
- Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. — Воронеж: ВГУ, 1979. — 155 с.
- Стернин И. А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура. Ч. 3 / Материалы международной конференции 12 — 14 мая 1999 года. — Тамбов: Из-во ТГУ. — С. 69 — 79.
- Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. — М.: Восточная л-ра, 1996. — 225 с.
- Тарасов Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры. — С. 34 — 37.
- Телия В. Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. Виды наименований. — М.: Наука, 1977. — С. 129 — 221.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М. Наука, 1986. — 143 с.
- Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — С. 26 — 52.
- Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — С. 5 — 35.
- Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — С. 36 — 66.
- Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 284 с.
- Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура. Материалы международной конференции. — Тамбов: Из-во ТГУ, 1999. — С. 14 — 15.
- Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 13 — 24.
- Телия В. Н. Концептообразующая флуктуация константы культуры «родная земля» в наименовании родина // Язык и культура. Факты и ценно-

- сти. К 70-летию Ю. С. Степанова / Под ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 409 — 418.
- Токарев Г. В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «Трудовая деятельность»). (Учебное пособие). — Тула: Из-во ТГПУ, 2000. — 92 с.
- Токарев Г. В. Квазиэталон как средство репрезентации культурного слоя концепта // Филология и культура. Материалы 3-й международной научной конференции. В: 3-х ч. Ч. 3. — Тамбов: Из-во ТГУ, 2001. — С. 164 — 169.
- Токарев Г. В. Лингвокультурологическая интерпретация образных оснований паремий о труде (по материалам словарей В. И. Даля) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. — Воронеж: Из-во ВГУ, 2001. — С. 25 — 34.
- Токарев Г. В. Концепт в ряду ментальных единиц // Сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и студентов ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — Тула: Из-во ТГПУ, 2001. — С. 209 — 215.
- Токарев Г. В. Лексическая репрезентация культурного слоя концепта «трудовая деятельность» в словаре В. И. Даля // В. И. Даль в парадигме идей современной науки / В: 2-х т. Т. 1 — Иваново: Из-во ИГУ, 2001. — С. 109 — 119.
- Токарев Г. В. Отражение процессов концептуализации семантической структурой многозначного слова // Пушкинские чтения — 2002 / Материалы межвузовской научной конференции. — СПб.: Из-во ЛГОУ, 2002. — С. 71 — 75.
- Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — 509 с.
- Торопцев И. С. Очерк русской ономазиологии. — Л.: Из-во ЛГУ, 1970. — 37 с.
- Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. — М.: Радикс, 1994. — 190 с.
- Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 250 — 275.
- Трубачёв О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. — М.: Наука, 1966. — 416 с.
- Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. — СПб., 1879 — 1887.
- Успенский Г. И. Теперь и прежде. — М.: Советская Россия, 1977. — 384 с.
- Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — Наука, 1968. — 272 с.

- Уфимцева А. А. Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия / Под ред. С. Г. Бархударова. — М.: Наука, 1967. — С. 26 — 38.
- Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация. Виды наименований. — М.: Наука, 1977. — С. 5 — 85.
- Уфимцева А. А. Лексическое значение (принцип семасиол. описания лексики). — М.: Наука, 1986. — 240 с.
- Уфимцева Н. В. Слово и культура // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. Часть 1. — Тамбов: Из-во ТГУ, 2000. — С. 90 — 91.
- Фаворин В. К. Синонимы в русском языке. — Свердловск: Свердловск. кн. изд-во, 1953. — 71 с.
- Фархутдинова Ф. «Взглянуть на мир сквозь призму слова...» — Иваново: Из-во ИГУ, 2000. — 204 с.
- Федосов Ю. В. Принципы построения идеографического антонимосинонимического словаря русского языка. — Волгоград: Перемена, 2001. — 190 с.
- Феоктистова А. Б. О некоторых принципах лингвокультурологической интерпретации идиом // Фразеология – 2000 / Материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». — Тула: ТГПУ, 2000. — С. 99 — 100.
- Фесенко Т. А. Концептуальные системы в контексте проблем менталитета // Филология и культура. Материалы международной конференции 12 — 14 мая 1999 года. — Тамбов: Из-во ТГУ, 1999. — С. 112 — 116.
- Фесенко Т. А. Когнитивная система: структура и ментальный статус // Филология и культура. Материалы 3-й международной конференции. Ч. 1. — Тамбов: ТГУ, 2001. — С. 94 — 98.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. В.: 23 — М.: Прогресс, 1988. — С. 52 — 92.
- Фрумкина Р. М. Константы культуры — продолжение темы // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Ю. С. Степанова / Под ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 167 — 177.
- Харитончик З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний / Сб. научно-аналитических обзоров. — М.: Из-во РАН Институт научной информации по общим вопросам, 1994. — С. 98 — 103.
- Хайдегер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 93 — 118.

- Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. В. 16. — М.: Наука, 1985. — С. 183 — 195.
- Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение: Учебное пособие. — Курск: Крона, 2000. — 168 с.
- Хоруженко К. М. Культурология. Энциклопедический словарь. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. — 640с.
- Худяков А. А. Понятие и концепт: опыт терминологического анализа // Филология и культура. Материалы 3-й международной конференции. Ч. 1. — Тамбов: Из-во ТГУ, 2001. — С. 32 — 37.
- Шаумян С. О понятии языкового знака // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Ю. С. Степанова / Под ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 149 — 163.
- Шанский Н. М. Русская фразеология и проблемы «языковой картины мира» // Фразеологическая картина мира. Материалы Международной научной конференции «Фразеология и миропонимание народа». Ч. 1. — Тула: Из-во ТГПУ, 2002. — С. 110 — 111.
- Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учебное пособие. — Волгоград: Из-во ВГПИ, 1983. — 93 с.
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж: Из-во ВГУ, 1987. — 192 с.
- Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты / Сб. научных трудов. — Волгоград — Архангельск: Перемена, 1996. — С. 80 — 96.
- Шестак Л. А. Базовая метафорика в языковой картине мира (на материале языков разных типов) // Фразеологическая картина мира. Материалы Международной научной конференции «Фразеология и миропонимание народа». Ч. 1. — Тула: Из-во ТГПУ. — С. 124 — 128.
- Шмелёв Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. — М.: Просвещение, 1964. — 244 с.
- Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). — М.: Наука, 1973. — 280 с.
- Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на тему Гумбольдта). — М.: Наука, 1927. — 120 с.
- Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. — М.: Наука, 1974. — 253 с.
- Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта / Пер О. В. Звегинцевой // Новое в зарубежной лингвистике. В. 12: Прикладная лингвистика / Сост. В. А. Звегинцева. Пер с англ., под ред. и с предисловием Б. Ю. Городецкого. — М.: Радуга, 1983. — С. 35 — 73.
- Чейф У., Уоллес Л. Значение и структура языка. — М.: Прогресс, 1975. — 432 с.

- Черданцева Т. З. Метафора и символ во фразеологической единице // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — С. 78 — 92.
- Юнг К. Г. Феномен духа в искусстве и науке. Собр. соч. в 19 т. Т.: 15. — М.: Ренессанс, 1992. — 320 с.
- Языковая номинация. Общие вопросы / Отв. ред Б. А. Серебренников. — М.: Наука, 1977. — 359 с.
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. — М.: Гнозис, 1994. — 343 с.
- Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. — С. 43 — 73.
- Cassirer E. An essey on man an introduction to a philosophy of human culture. — New Haven: Halle UP, 1945.
- Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. — N. Y., 1974.
- Jackendoff R. X-Bar Semantics // BLS Vol. B (General Session and Parasession on Grammar and Cognition). — Berkeley, 1987.
- Jackendoff R. What is a concept? // Frames, fields, and contrasts. New essays in semantics and lexical organisation. — Hillsdale, 1992. — P. 629 — 643.
- Langacker R. W. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin. NY., 1991.
- Ricouer P. La metaphore vive. — Pariss, 1975.
- Tyler S. The said and unsaid: mind, meaning and culture. — NY-L: Academic press, 1978.
- Fillmore Ch., Langendoen T. Studies in Linguistic Semantics. — NY — London, 1971.
- Frege G. Uber Sinn und Bedeutung // Zeitschrift fur Philosophie und philosophische Kritik. 1892. №100. — S. 25 — 50.
- Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge: MIT Press, 1983.
- Langacker R. W. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. — Berlin — N.Y., 1991.
- Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / A. Ortony. Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Second edition. — P. 202 — 251.
- Lyons J. Semantics. — Cambridge. — Ac., 1977.
- Piaget J. Psychologie et epistemologie: Pour une theorie de la connaissance. — P., 1970.
- Rudzka-Ostyn B. Topics in Cognitive Linguistics. — Philadelbhia, 1988.
- Wierzbicka A. Lingua Mentalis. Sydney etc. — Acad. Press, 1980. — 367 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

- Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — 5-е изд. / Предисловие Ю. Д. Апресяна. — М.: Русские словари, 1994. — 502 с.
- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред Л. А. Чешко. — 5-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1986. — 600 с.
- Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левотина И. Б. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левотина И. Б. и др. Урысон Е. В., Головинская М. Я., Крылова Т. В.. — 2-изд. испр. / Под общ. рук. ак. Ю. Д. Апресяна. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — 511 с.
- Атеистический словарь / Под ред. М. П. Новикова. — М.: Из-во политич. л-ры, 1985. — 512 с.
- Ашукин Н. С. Ашукина М. Г. Крылатые слова. М.: Художественная л-ра, 1987. — 528с.
- Бирих А. К., В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 700 с.
- Буслаев Ф. Русские пословицы и поговорки, собранные и объяснённые Ф. И. Буслаевым. — М.: Тип. А. Семена, 1854. — 176 с.
- Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. — 544 с.
- В мире мудрых мыслей. — М.: Красный пролетарий, 1962. — 331 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В: 4 т. — М.: Терра, 1995.
- Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. — М.: Художественная л-ра, 1984.
- Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1991. — 534 с.
- Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. — М.: Сюита, 1996. — 543 с.
- Кожемяко В. С., Подгородная Л. И. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги. — СПб.: Каро, 2000. — 114 с.
- Колесников Н. П. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — Тбилиси: Из-во ТГУ, 1972. — 313 с.
- Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П. А. Дмитриева. — СПб.: Из-во СПб ун-та, 2000. — 360 с.

- Львов М. Р. Школьный словарь антонимов русского языка: Пособие для уч-ся. — М.: Просвещение, 1987. — 240 с.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. — М.: Владос, 1996. — 415 с.
- Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). — М.: Терра., 1994. — 598 с.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии. Своё и чужое: В 2 т. — М.: Терра, 1994.
- Москвин В. П. Идеографический словарь сочетаемости. — Киев, 1993. — 255 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 700 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб.: Норинт, 2000. — 717 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — 13-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1981. — 816 с.
- Поле любит труд. Русские народные пословицы и поговорки о сельском хозяйстве / Сост. Б. М. Ховратович. — Красноярск, 1966. — 143 с.
- Психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. — М.: Из-во политической л-ры, 1990. — 494 с.
- Разум сердца. Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. — М.: Из-во политической л-ры, 1990. — 605 с.
- Россия. Энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. — СПб.: Лениздат, 1991. — 878 с.
- Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина. — М.: Худ. л-ра, 1988. — 431 с.
- Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М.: Из-во АН СССР, 1961. — 230 с.
- Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. — М.: Отечество, 1995. — 368 с.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1981.
- Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1970.

- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.— Л.: Из-во АН СССР, 1950 — 1965.
- Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова. В. В. Морковкина. — 2 — е изд., испр. — М.: Русский язык, 1983. — 688 с.
- Словарь русских народных говоров / Под ред Ф. П. Филина. — М.— Л.: Наука, 1965.
- Снегирёв И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. — М.: Терра, 1997. — 350 с.
- Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. — М.: Русские книги, 1995. — 527 с.
- Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. — М.: Владос, 1996. — 764 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. — М.: Государственное из-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.
- Толковый словарь русского языка конца 20 в. Языковые изменения. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 700 с.
- Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общей ред. Ю. П. Дубягина, А. Г. Бронникова. М.: Интер-ОМНИС, 1991. — 206 с.
- Толстой Л. Н. Круг чтения. В: 2 т. — М.: Наше наследие, 1991.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.. — СПб.: Азбука, 1996.
- Федосов В. А., Федосов Ю. В. Антонимо-синонимический словарь русского языка. — Владимир: Из-во ВГПУ, 1990. — 50 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца 18 — 20 в.: В 2 т. / Под ред. А. И. Фёдорова. — Новосибирск: Наука, 1991.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. — М.: Советская энциклопедия, 1967. — 543 с.
- Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. — М.: Русский язык, 1977. — 936 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М.: Русский язык, 1994.
- Энциклопедический словарь по культурологии / Под ред. В. И. Авдеева и др. — М.: Центр, 1997. — 477 с.
- 500 English proverbs and sayings. — Moscow: Higner school publishing house, 1966. — 32 p.
- Russische idiomatische Redewendungen. — М.: Русский язык, 1979.— 328с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Предисловие.....	3
	Введение.....	6
1.	Концептуализация и категоризация действительности как лингвокультурологическая проблема современной русистики.....	16
1. 1.	Лингвокультурные аспекты концептуализации и концептуальной категоризации действительности.....	16
1. 1. 1.	Вербализация процессов концептуализации культурного знания в семантической структуре русского языка.....	16
1. 1. 2.	Лингвосомиотические подходы к категоризации культурного знания.....	22
1. 1. 3.	Виды и способы категоризации культурного знания...	26
1. 2.	Культурная маркированность процессов языковой репрезентации и категоризации знания в русском языке.....	45
1. 3.	Лексические способы хранения культурной информации в русском языке.....	60
1. 4.	Лингвокультурологическая модель концепта.....	77
2.	Вербализация стереотипных представлений о труде в русском языке.....	85
2. 1.	Внутренняя форма как средство вербализации культурных стереотипов.....	85
2. 2.	Вербализация стереотипов трудовой деятельности русской общенародной культуры посредством различных культурных кодов.....	90
2. 2. 1.	Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках антропоморфного культурного кода.....	90
2. 2. 2.	Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках акционального культурного кода.....	99
2. 2. 3.	Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках биоморфного культурного кода.....	107
2. 2. 4.	Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках фетишного культурного кода.....	113

2.2.5.	Стереотипные представления трудовой деятельности в рамках анимического культурного кода.....	120
2. 3.	Вербализация стереотипных представлений о труде в русских субкультурах	122
2. 3. 1.	Вербализация стереотипных представлений о труде в территориальной субкультуре.....	124
2. 3. 2.	Вербализация стереотипных представлений о труде в жаргонно-арготической субкультуре.....	126
2. 3. 3.	Вербализация стереотипных представлений о труде в профессиональной субкультуре.....	132
2. 4.	Квазисимволы и квазиэталоны русского языка как средства вербализации культурных стереотипов...	134
3	Вербализация процессов осмысления трудовой деятельности семантикой ключевых слов в русском языке.....	145
3. 1.	Ключевое слово как понятие лингвокультурологии. Русские ключевые слова культурного концепта «Труд».....	145
3. 2.	Отражение концептуализации труда в семантической структуре многозначного слова.....	146
3. 3.	Вербализация процессов осмысления труда синонимическими рядами.....	162
3. 4.	Объективация процессов осмысления труда антонимическими оппозициями.....	173
3. 5.	Вербализация процессов осмысления труда синтагматической значимостью слова	179
	Заключение.....	188
	Список использованной литературы.....	192
	Список использованных словарей и справочников...	208
	Оглавление.....	211